

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА

VII международная научная конференция

(Севастополь, 29 мая – 5 июня 2023 г.)

Том 2

Материалы конференции

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА
СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА**

VII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

(Севастополь, 29 мая – 5 июня 2023 г.)

Материалы конференции

Том 2

Москва
2023

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

Рекомендовано Ученым советом
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:

В. В. Лебединский, канд. ист. наук, ИВ РАН

Редакторы-составители:

Н. В. Гинькут, ГИАМЗ «Херсонес Таврический», ИВ РАН

Ю.А. Пронина, канд. ист. наук, ИВ РАН

Рецензенты:

С.Б. Ланцов, канд. ист. наук, ИАК РАН

В.А. Нессель, ГИАМЗ «Херсонес Таврический»

В.П. Степаненко, док.ист.наук, проф., УрГУ

И90 Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конференции (Севастополь, 29 мая - 5 июня 2023 г.). В 2 т. Т. 2: Ин-т востоковедения Росс. акад. наук: отв. ред. В.В. Лебединский; ред.-сост. Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина. – М.: ИВ РАН, 2023. – 242 с. : ил.

ISBN 978-5-907671-27-0 (общ.)

978-5-907671-29-4 (т.2)

Данное издание представляет собой публикацию материалов VII Международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока», которая проходила в г. Севастополе 29 мая – 5 июня 2023 г. Тематика докладов, представленных на конференции, была посвящена проблемам политических, торговых и культурных связей Крыма с государствами Средиземноморского региона и странами Востока в древности, средневековье, новое время; проблемам межнациональных и политических отношений народов Крыма в прошлом и настоящем, а также археологии, нумизматики и эпиграфики Крыма, и многим другим вопросам.

ISBN 978-5-907671-27-0 (общ.)

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

978-5-907671-29-4 (т.2)

© ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес-Таврический», 2023

© Севастопольский государственный университет, 2023

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

VII Международной научной конференции
«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные
и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом
и странами Востока» (29 мая – 5 июня 2023 г., Севастополь)

Председатель Организационного комитета

Наумкин Виталий Вячеславович,

Научный руководитель ИВ РАН, академик РАН, проф.

Заместитель председателя Организационного комитета

Лебединский Виктор Викторович,

*Заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма
и Средиземноморья ИВ РАН, доцент кафедры «Востоковедение»*

СевГУ, к.и.н.

Члены Организационного комитета

Аликберов А.К. Директор ИВ РАН, д.и.н.

Нечаев В.Д. Ректор Севастопольского государственного университета,
д.п.н., проф.

Морозова Е.А. Директор ФГБУК Государственный историко-
археологический музей-заповедник «Херсонес–Таврический»

Татарков Д.Б. Директор Института общественных наук
и международных отношений, к.и.н.

Романова Н.Г. Зам. директора по научной работе ИВ РАН, к.и.н.

Косов Г.В. Зам. директора по научной работе Институт общественных
наук и международных отношений СевГУ, к.биол.н.

Седикова Л. В. Зам. директора по научной работе ФГБУК
Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес–Таврический», к.и.н.

Гинькут Н.В. Ученый секретарь ФГБУК Государственный
историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»

Пронина Ю.А. Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН,
к.и.н.

Прудников В.В. Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН,
к.и.н.

Председатель Программного комитета

Седикова Лариса Васильевна

Зам. директора по научной работе ФГБУК Государственный
историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»,
к.и.н.

Члены Программного комитета

Татарков Д.Б. Директор Института общественных наук
и международных отношений, к.и.н.

Романова Н.Г. Зам. директора по научной работе ИВ РАН, к.и.н.

Гинькут Н.В. ученый секретарь ФГБУК Государственный
историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кузенков П. В., Могаричев Ю. М., Сазанов А. В.</i> К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАНГУПСКОЙ НАДПИСИ ИЗ ТАБАНА-ДЕРЕ	9
<i>Кузнецова Е. В., Монахов С. Ю., Чурекова Н. Б.</i> АМФОРЫ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО И РАННЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЯЛТИНСКОГО МУЗЕЯ	14
<i>Куц Т. В.</i> ДАРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ	20
<i>Лебединский В. В., Пронина Ю. А., Тюрин М. И.</i> РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ	25
<i>Лебединский В. В., Сазанов А. В., Двухшорстнов В. И.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ В СЕВАСТОПОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ПРОЕКТА «МОРСКОЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ» И СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ОПЕРАТИВНОГО МОНИТОРИНГА ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ	29
<i>Майко В. В.</i> СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ИМПОРТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ XIV–XV ВВ. СТАРЫЕ НАХОДКИ – НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ	33
<i>Мальцева Д. А., Сафонова О. Д., Тузова П. Р.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ТОПОНИМИКИ КРЫМА В СТРУКТУРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНЕ	39
<i>Махачаивили З. В.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	43
<i>Непомнящий А. А.</i> КОММУНИКАЦИИ АКАДЕМИКА А. Е. КРЫМСКОГО В СРЕДЕ КРЫМОВЕДОВ	51
<i>Охлупина И. С.</i> ОПАСНОСТИ МОРЯ В ОПИСАНИЯХ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ	57
<i>Пак Б. Б.</i> РОЛЬ РОССИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА	62

Пашкин Н. Г.

КРЫМ И ЗОЛОТАЯ ОРДА В ЗЕРКАЛЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ
СИГИЗМУНДА ЛЮКСЕМБУРГА С ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ 68

Пономарев Л. Ю.

АНТИЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ КРЕПОСТИ ЕНИ-КАЛЕ:
ЗАГАДКА И СУДЬБА ОДНОГО ИЗ НАДГРОБИЙ 73

Прудников В. В.

К ВОПРОСУ О ПРИСУТСТВИИ ТЮРОК-СЕЛЬДЖУКОВ
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ К. XI – Н. XII ВВ. 78

Роменский А. А.

ДАРЫ РОМЕЕВ КНЯЗЮ СВЯТОСЛАВУ:
К ПРОЧТЕНИЮ ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬИ 6479 (971) Г. 84

Сазанов А. В.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II В.
С ПОСЕЛЕНИЯ «ИЛЬИЧ-1» НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ.
СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ КОЛОНКА И ХРОНОЛОГИЯ СЛОЕВ
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ 87

Сеитмететова С. А.

К 140-ЛЕТИЮ ОБЩЕТЮРКСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТЕРДЖИМАН»:
ИЗУЧЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ
ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО 102

Скуридин О. А.

ПОЛЯ СРАЖЕНИЙ – МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА
ЭЛЛИНСКОЙ АНТИЧНОСТИ 106

Александр Андрэ Луи Солька

ДРЕВНЕСКИФСКИЕ ПЛЕМЕНА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
И ИЗУЧЕНИЕ КОЛХИДСКОЙ ТОПОНИМИИ:
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЛЕГЕНДАМ И ГЕОГРАФИИ ОТ АНАТОЛИЙСКИХ КАСКА
ДО АРГОНАВТОВ 112

Супренков А. А., Топоривская М. А.

ПРОВАНСАЛЬСКАЯ ОЛЬВИЯ – VILLE JUMÉLÉ УКРЕПЛЕННЫХ ГОРОДИЩ
ЗАПАДНОГО КРЫМА (?). ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 118

Таньшина Н. П.

НА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ФРОНТАХ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ:
Л.-А. ЛЕУЗОН ЛЕ ДЮК КАК ВИРТУОЗ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ 125

<i>Тюрин М. И., Ушакова К. С.</i>	
ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА САМРАНА А ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЕГО ХОРЫ: НЕСКОЛЬКО НАХОДОК ИЗ КОМПЛЕКСОВ	130
<i>Усеинов М. А.</i>	
НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТОРГОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ГОРОДА СОЛХАТ / КЫРЫМ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА НА ОСНОВЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ	137
<i>Ушаков С. В.</i>	
АМФОРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА (КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)	142
<i>Хвальков Е. А.</i>	
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГЕНУЭЗСКОЙ КАФФЫ В XV В.	147
<i>Хлевов А. А.</i>	
СИГУРД-КРЕСТОНОСЕЦ	152
<i>Храпунов Н. И., Храпунова С. Н.</i>	
ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЕЗДКИ В КРЫМ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ: СВИДЕТЕЛЬСТВА РЕДЖИНАЛЬДА ХЕБЕРА И ДРУГИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ	158
<i>Чемодуров Н. Н.</i>	
ДОВОЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВАРВАРОВКА: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О СТАРОМ ОТКРЫТИИ	165
<i>Черткова Н. С.</i>	
ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТОВ ФАЛЕРИСТИКИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ И ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАТАЛОГА МУЗЕЙНОГО ФОНДА РФ	170
<i>Чудинов А. В.</i>	
НЕВИДИМЫЕ ВРАГИ ВОСТОЧНОЙ АРМИИ БОНАПАРТА: ЭПИДЕМИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЕГИПТЕ 1798–1801 ГГ.	174
<i>Чхаидзе В. Н.</i>	
ФРАГМЕНТЫ ВИЗАНТИЙСКИХ СТЕКЛЯННЫХ ФЛАКОНОВ XIII В. ИЗ РАСКОПОК ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА	181

Шабанов С. Б.

СТЕКЛЯННЫЕ СТАКАНЫ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ
«МЕСТНОГО» ПРОИЗВОДСТВА ИЗ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА 186

Шульман К. Д.

РИМСКИЕ ПАПЫ В КРЫМСКОЙ ССЫЛКЕ: ИСТОРИЯ ДИСКУССИЙ 190

Энговатова А. В., Сазанов А. В.

СОХРАНЕНИЕ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ
И ПРОБЛЕМА ИХ МУЗЕЕФИКАЦИИ 197

Кузенков П. В.

Севастопольский государственный университет, Севастополь

Могаричев Ю. М.

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь
Крымский республиканский институт постдипломного
педагогического образования, Симферополь

Сазанов А. В.

Институт археологии РАН, Москва

К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ МАНГУПСКОЙ НАДПИСИ ИЗ ТАБАНА-ДЕРЕ*

Kuzenkov P. V.

Mogarichev Yu. M.

Sazanov A. V.

ON THE ISSUE OF DATING AND INTERPRETATION OF THE MANGUP INSCRIPTION FROM TABANA-DERE

Данный эпиграфический памятник находится на западной стене (внешняя сторона) башни укрепления А.ХІ (Главная линия обороны, балка Табана-Дере, Мангуп) (Рис. 1).

Впервые надпись опубликовал, по копии М. И. Скубетова, В. В. Латышев в 1902 г. и датировал 1503 г.: «Надпись гласит о постройке стены ... во дни наместника Цула» [Латышев 1902: 31–33]. В 1984 г. источник, с уточнениями текста, был переиздан А. В. Белым и Э. И. Соломоник, которые предложили следующий перевод: «Эта стена построена в дни (правления) наместника Цулы-бега (бея), сына Полеты в 1503 г.» [Белый, Соломоник 1984; 174]. А. Г. Герцен, во многом учитывая указанную

* Работа подготовлена в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации (соглашение с Севастопольским государственным университетом № 075-15-2022-1130 (П.В. Кузенков).

дату, датировал началом XVI в. и постройку укрепления А. XI [Герцен 1990: 129].

А. Ю. Виноградов попытался обосновать гипотезу, согласно которой надпись из Табана-Дере, на самом деле, должна относиться к 994–995 г. и предложил следующий перевод: «Построена эта стена во дни местоблюстителя Цулы-бега, сына Полета, в 6503 году» [Виноградов 2015; И др.]. Точку зрения А. Ю. Виноградова поддержали ряд авторов [См. напр.: Айбабин 2022: 563–564; Науменко 2022: 169; И др.]. При этом, ни сам А. Ю. Виноградов, ни сторонники его версии, «не заметили» достаточно пространную критику данной гипотезы, в которой было указано на изъяны в аргументации и предложена другая дата надписи [Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017: 656–659].

В 2020 г. Мангупской экспедицией Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского были проведены археологические исследования укрепления А XI (три разведочных шурфа). В результате авторы раскопок пришли к выводу, что выявленные ими археологические материалы, соответствуют содержанию надписи [Науменко 2022: 175–179; Душенко 2022: 271–310].

Нам представляется, что датировка надписи топотирита из Табана-Дере концом X в., вызывает определенные сомнения. Рассмотрим аргументы за и против.

Главный аргумент А. Ю. Виноградова — предложенное им прочтение даты в надписи (Рис. 1) как ϚΦΓ (6503), что в переводе на ромейскую (византийскую) эру даёт 994/995 сентябрьский год. Действительно, первая цифра очень похожа на один из вариантов написания «стигмы» (6), а вторая цифра чрезвычайно схожа с «фи» (500). Чтение третьей цифры, «гаммы» (3), несомненно. Стоящие после неё символы, «колон» с чертой, вполне резонно трактовать как финальные.

При этом, к такому подходу имеется ряд серьезных вопросов. Прежде всего, требует объяснения отсутствие в надписи индикта. 15-летние периоды индиктов (индиктионов) в Византии были не только самой употребительной с IV по XV век системой летосчисления, но и важнейшим элементом налогообложения. Более того, в Византии до XI в. не было

единой общепринятой системы счета лет от основания мира, что отражено в хронологическом разном хроник IX–X вв. [Кузенков 2012: 357]. Нам известно очень немного грекоязычных надписей ранее XI в., в которых стоит год, но отсутствует индикт, и все эти надписи либо носят частный характер (надгробия, вокативы), либо составлены иностранцами (надпись о крещении Бориса Болгарского). Официальные и строительные надписи этого периода, составлявшиеся на территории Византийской империи не только в X, но и в XI–XII вв. регулярно содержат индикт (причем нередко без года). Более или менее частотными надписи с годом и без индикта становятся лишь после 1204 г. Палеография надписи не даёт уверенного соотнесения с X–XI вв. Почти для всех букв (кроме, пожалуй, «дзеты») можно найти соответствия в из Херсонеса и Эски-Кермена (IOSPE³ V 224, 151, 175), датируемых XIII в. (Рис. 2). Единственным «камнем преткновения» является буква «фи», которая к тому же и выступает ключевой в вопросе о датировке. Однако, учитывая всё вышеизложенное, можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с редкой формой написания «омеги» — тем более, что «ножка» у буквы на надписи уверенно не просматривается. Это допущение позволяет прочесть год как «6803», т. е. 1294/1295 г. н. э.

Имя топотирита А. Ю. Виноградов читает как Τζουλα-βήγη и трактует как «Цула-биги», предлагая соотнести последний компонент с титулом (?) ВНГН, известным в болгарских источниках IX в., а первый — с фамильным именем Цула, неоднократно встречающемся в византийских памятниках второй половины X — середины XI вв., в первую очередь, по отношению к византийским владениям в Крыму. Буквы имени читаются чётко, однако деление его на компоненты носит гипотетический характер. Ещё более гипотетично соотнесение с болгарскими данными. Что же касается имени Цула, то оно, как и многие другие родовые прозвища, вовсе не обязательно должно локализоваться узким хронологическим диапазоном и на датировку памятника не должно оказывать прямого влияния. Строго говоря, в византийский период Τζουλαβήγη нормативно должно было читаться как «Цулавиги» и могло отражать самые разные (очевидно, тюркские) прототипы: Цула-биги, Чула-бийи, Челебиги и т. п. Характер-

но, что сама возможность передачи через В тюркского «б» подразумевает либо фрикативность этого звука в языке-оригинале (что маловероятно), либо конвенциональность (ср. новогреческое βέης наряду с μλέης). Последнее, в свою очередь, предполагает широкое знакомство населения с «правильным» произношением слова.

Единственным официальным лицом, упоминаемым в надписи, является топотирит. Сам по себе этот термин (буквально — местоблюститель), в значении «заместитель» или «представитель»), встречается в греческих текстах довольно часто, особенно в поздней Античности (представитель военного или гражданского губернатора, в церковной сфере — епископа). В византийское время так называли комендантов крепостей. Сама этимология этого имени предполагает наличие вышестоящего начальника, однако в рассматриваемой надписи ни император, ни стратиг не упоминается. Более того, имя топотирита сопровождается многозначительной формулой ὑπὸ ἡμερῶν (букв. «под днями»), которая предполагает хронологическую самостоятельность времени его правления. Такая «эпохальная» семантика характерна для указаний царствований, в редких случаях — времени правления наместников с широкими правами автономии. Последнее засвидетельствовано в крымской надписи 1364 г. (IOSPE³ V 144), где упоминается ордынский наместник Темир — причём с употреблением той же самой, не свойственной литературному греческому языку, формулы ὑπὸ ἡμερῶν, которая, скорее всего, является монголизмом (ср. совр. монгольское *өдрүдэд* «в дни», где послелог *дэд* переводится и как «в», и как «под»).

Подробная публикация результатов археологических исследований укрепления А XI [Науменко 2022: 175–179; Душенко 2022: 271–310] позволяет нам оценить корректность предложенных выводов. Отметим опасность выводов исторического характера, сделанных на основании трех небольших шурфов. Они вряд ли могут считаться репрезентативно отражающими ситуацию. Материала в слоях мало, он рановременен, отсутствуют закрытые комплексы. При этом, никаких археологических контекстов, связанных с «масштабным ремонтом стены, «проводившимся под руководством топотирита Цулы» в конце X в. не выявлено. Комплексы X–XI вв. здесь полностью отсутствуют. Вывод представляется однозначным.

Археологические материалы не дают никаких оснований для заключения о деятельности на Мангупе топотирита Цулы в конце X в.

Таким образом, вероятнее всего, рассматриваемый эпитафический памятник, скорее всего, должен датироваться концом XIII в. Его передача снимает все поставленные выше вопросы, так как в это время 1) индикты теряют свое датирующее значение; 2) упадок Византии и ордынская экспансия создают в Крыму «вакуум власти», предоставляющий местным правителям фактическую автономию. Заметим, что именно в балке Табана-Дере и прилегающей к ней территории были выявлены практически все известные сегодня мангупские надписи, относящиеся именно к XIII–XIV вв.

Библиография

АЙБАБИН А. И. Политика Восточной Римской империи в Юго-Западном Крыму во второй половине IX–XII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2022. Вып. XXVII. С. 551–578

БЕЛЫЙ А. В., СОЛОМОННИК Э. И. Утерянная и вновь открытая мангупская строительная надпись // Нумизматика и эпиграфика. М.: Наука, 1984. Вып. XIV. С. 170–175.

ВИНОГРАДОВ А. Ю. Феодоро. Строительная надпись Цулы-бега, 994–995 гг. // Древние надписи Северного Причерноморья (IOSPE). Византийские надписи. 2015. Режим доступа: <http://iospe.kcl.ac.uk/5.172-ru.html> (20 января 2023 г.

ГЕРЦЕН А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: Таврия, 1990. Вып. 1. С. 88–166.

ДУШЕНКО А. А. Укрепление А. XI Главной линии обороны Мангупа // | История и археология Крыма. Симферополь: ИТ «Ариал», 2022. Вып. 16. С. 271–310.

ЛАТЫШЕВ В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1901 г. // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.: Тип. АН. 1902. Вып. 3. С. 21–57.

КУЗЕНКОВ П. В. Христианские хронологические системы. М.: РИЦ, 2012.

МОГАРИЧЕВ Ю. М., САЗАНОВ А. В., СОРОЧАН С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII — середина X вв.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017.

НАУМЕНКО В. Е. Два примера реконструкции Главной линии обороны Мангупской крепости в фемный период истории // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 2022. Т. 50. С. 175–181.

Кузнецова Е. В.,

Монахов С. Ю.,

Чурекова Н. Б.

Саратовский государственный университет, Саратов

АМФОРЫ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО * И РАННЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЯЛТИНСКОГО МУЗЕЯ

Kuznetsova E. V.,

Monakhov S. Yu.,

Churekova N. B.

LATE ARCHAIC AND EARLY CLASSICAL AMPHORAE FROM THE COLLECTION OF THE YALTA MUSEUM

Ялтинский историко-литературный музей был создан в 1892 году. Большая часть его археологических экспонатов происходит из коллекции великого князя Александра Михайловича Романова [Новиченкова 1993: 222; Боровкова 1999: 99–102; Вдовиченко, Турова 2015: 138]. В связи с этим обстоятельством происхождение большей части экспонатов, а в случае с тарной керамикой всех — неизвестно. Разумеется, это сильно снижает их ценность как исторического источника, но, тем не менее, каждый из этих сосудов несет в себе определенный пласт информации, а в купе с материалами из других музеев, они могут дать необходимые дополнения к статистическим данным по керамической таре, что позволит сформулировать ряд обобщений по созданию моделей торговых связей греческих полисов и варварской периферии Северного Причерноморья.

Коллекция амфор Ялтинского музея совсем небольшая, из обработанных нашим коллективом музейных собраний¹ она почти самая маленькая

---

* Исследование выполнено в рамках госзадания Минобрнауки № FSRR-2023–0006.

¹ Коллектив Саратовского госуниверситета под руководством С. Ю. Монахова с 2015 года работает над проектами по обработке и изданию амфорных коллекций музеев России [изданы коллекции пяти музеев: Монахов и др. 2016, 2017, 2019, 2020, 2021, 2022].

(уступают ей лишь Темрюкский историко-археологический музей — филиал Краснодарского музея). Наибольшее количество амфор составляют сосуды производства Гераклеи Понтийской — 16 экз., затем следуют амфоры Хиоса — 9 экз.; Фасоса — 6 экз.; по 3 экз. относится к продукции Синопы и Пепарета; 5 экз. изготовлены в мастерских неустановленных центров производства, в том числе 2 экз. амфор «с раздутым горлом»; и единичные амфоры Аканфа, Коса, Лесбоса, Менды и Херсонеса. Всего сосудов интересующего нас времени (до римского периода) в коллекции зафиксировано 47 экз.: из них 10 датируются последней четвертью VI–V в. до н.э. (о них и пойдет речь в настоящей статье); 31 экз. — периодом с конца V по конец третьей четверти IV столетия; и 6 сосудов еще более поздним временем (второй половиной II в. до н.э. датируется синопская амфора).

Что касается той части коллекции, которая относится к позднеархаическому — раннеклассическому времени, то самая ранняя амфора — это сосуд производства Лесбоса (рис. 1–1, табл. 1, № 1) [опубликована: Монахов 2003: табл. 31–5]. Глина темная коричнево-красная с песком и известью. Амфора относится к варианту I–B «архаического» типа, в который включены фракционные сосуды (объем данной амфоры всего 8,0 л). Несмотря на небольшое количество подобных амфор [Монахов 2003: 48, 261, табл. 31–2; Монахов и др. 2016: 81, LR.4; 2019: 104, 105, LR.9, LR.11; 2020: 120, LR.7], они достаточно уверенно датируются 525–490 гг. до н.э. по комплексам из Нимфея [Монахов и др. 2019: 31–32, с литер.] и Гермонассы [Монахов и др. 2020: 49–51, с литер.].

Наибольшее количество амфор эпохи ранней классики хиосского производства, самая ранняя из них — амфора «развитого пухлогорлого» варианта (рис. 1–2, табл. 1, № 2), датирующаяся по многочисленным аналогиям второй четвертью V в. до н.э. [опубликована: Монахов 2003: 17, табл. 5–3].

Еще две амфоры относятся к «позднепухлогорлому» варианту. При всей схожести обоих сосудов (высокое горло с перехватом, овоидное тулово, острореберная ножка), профильные их части имеют довольно существенные отличия. Первая амфора, меньшая по размеру, имеет сильно раздутое в верхней части горло, валикообразный венец и глубокую выемку на ножке (рис. 1–3, табл. 1, № 3). Второй сосуд крупнее, «припухлость»

верхней части горла выражена в меньшей степени, валикообразный венеч немного заострен (рис. 1–4, табл. 1, № 4). Аналогичные сосуды встречены в фанагорийском комплексе с холма «Г», который датируется достаточно узко 450–440 гг. до н.э. [Монахов 2019: 49–60], подобные разновидности «позднепухлогорлых» сосудов известны довольно хорошо и могут быть отнесены к — третьей четверти V в. до н.э. [Монахов 2003: 18, 24; Монахов и др. 2019: 37–38, Ch.30].

Следующие два хиосских сосуда относятся к типу «с прямым горлом» вариант «ботрос» и датируются последней четвертью V в. до н.э. [Монахов 2003: 20, 24]. Первый сосуд крупнее, с высоким, чуть расширяющимся книзу горлом, коническим туловом, остросеберной ножкой с подрезкой сверху и трапециевидной выемкой на подошве (рис. 1–5, табл. 1, № 5). Второй сосуд фракционный — меньше по высоте, горло цилиндрическое с плавным переходом к плечам, тулово близкое к коническому, ножка остросеберная с трапециевидной выемкой (рис. 1–6, табл. 1, № 6).

Продукция Менды представлена единственным экземпляром (рис. 1–7, табл. 1, № 7), относящимся к «шаровидному» варианту «пифоидного» типа [опубликована: Монахов 2003: 90, табл. 61–2]. Венеч амфоры остросеберный, выделен глубокой горизонтальной подрезкой; горло короткое, сужается в средней части, с плавным переходом к плечам; тулово шаровидное; ножка остросеберная с глубокой трапециевидной выемкой. Подобных сосудов известно довольно много, в том числе и из комплексов [см., напр.: Монахов 2003: 90]. В базе данных APE (<https://ape.sgu.ru/Amphora>) есть три аналогичных сосуда APE.III–Md.4; Md.5; Md.6, причем два из них — Md.5 и Md.6 происходят из одного комплекса — Нимфейский склад 1978 г., который надежно датируется 450–435 гг. до н.э. Однако нельзя исключать более широкой датировки подобных мендейских амфор — в пределах третьей четверти V в. до н.э. [Монахов 2003: 90; Монахов и др. 2019: 41].

Две почти идентичные амфоры типа «с раздутым горлом» отличаются метрическими показателями и деталями профилей. Первый сосуд имеет трапециевидный с едва намеченной горизонтальной подрезкой венеч, горло высокое, раздутое в верхней части, с плавным переходом к плечам,

тулово овоидное, ножка острореберная, с неглубокой конической выемкой (рис. 1–8, табл. 1, № 8) [опубликована: Монахов 2003: 283, табл. 53–4]. У второй амфоры венец клювовидный с небольшой подрезкой, высокое горло, раздутое в верхней части с плавным переходом к плечам, в нижней части тулова едва намеченный желобок, ножка острореберная с неглубокой конической выемкой (рис. 1–9, табл. 1, № 9) [опубликована: Монахов 2003: 283, табл. 53–5]. Глина у обоих сосудов темно-коричневая с песком и незначительным количеством слюды, ангоб чуть светлее, поверхность сильно заизвесткована. Амфоры такого типа долгое время относились к типу «с раздутым горлом», не так давно часть из них отнесли к продукции греческого полиса Айноса, находившимся на побережье Фракии [Karadima 2004: 158; Монахов 2016: 114]. Однако при близости морфологических характеристик сосуды Айноса и амфоры типа «с раздутым горлом» отличаются визуальными особенностями глины², в связи с чем локализация всех известных экземпляров этого типа с продукцией фракийского центра является преждевременной. На сегодняшний день из девяти сосудов, вошедших в АРЕ надежно с мастерскими Айноса можно связать только экземпляр из Херсонеса, имеющий клеймо (АРЕ.П-Ап.1). Датируются ялтинские амфоры третьей четвертью V в. до н. э.

Продукция Фасоса представлена амфорой довольно редкой серии, так называемой «Нф-119–121» [опубликована: Монахов 2003: 71, табл. 47–2]. У нее трапециевидный, острореберный венец, выделенный снизу желобком, горло невысокое, плавно расширяющееся к плечам, тулово овоидное, ножка острореберная с неглубокой конической выемкой (рис. 1–10, табл. 1, № 10). По уточненным данным амфору можно датировать 450–435 гг. до н. э. [Монахов и др. 2019: 38–41].

В целом, несмотря на малые размеры ялтинской коллекции, представленные в ней амфоры довольно интересны, некоторые из них будут впервые введены в научный оборот. Из 10 рассмотренных амфор последней четверти VI — конца V в. до н. э. 4 публикуются впервые. К сожалению, отсутствие паспортных данных не позволяют соотнести их с какими-то

---

² На это обстоятельство наше внимание обратил М. Лаваль, которому мы весьма признательны.

памятниками и комплексами. Но, несмотря на это, экземпляры амфорной коллекции Ялтинского музея после их публикации пополняют базу данных по амфорам из Северного Причерноморья и будут доступны для исследований в области археологического источниковедения, социально-экономических реконструкций и т. д.

Таблица 1. Амфоры последней четверти VI — конца V в. до н. э. из Ялтинского музея.

№ п/п	Центр пр-ва/тип	Инв. №	Линейные размеры, мм							V, л	Рис.
			H	H0	H1	H3	D	d			
1	Лесбос	A4-379, A1-482	602	520	265	180	250	78	8,0	1-1	
2	Хиос	A4-382, 155 ЯМК, 148/44	679	628	270	80	332	84	23,4	1-2	
3	Хиос	A4-368, 978 ЯМК, A1-472, 161/44	720	670	245	170	292	74×101		1-3	
4	Хиос	A4-391, № 1000 ЯМК, 164/44	740	676	270	140	318	77×102	22,9	1-4	
5	Хиос	A4-375, 984 ЯМК, A1-478, 158/44	708	640	280	225	272	70×94		1-5	
6	Хиос	994 ЯМК, A4-385, КП 994, A1488	596	532	220	170	226	70×76		1-6	
7	Менда	A4-568, ЯИЛМ КП 69330, A1-2190	581	523	250	115	371	84	24,4	1-7	
8	«С раз- дутым горлом»	A1-474, 980 ЯМК, A4- 371 1944	577	484	245	167	254	75×80	8,0	1-8	
9	«С раз- дутым горлом»	A4-389 (старый № 996)	566	477	260	163	243	76	6,95	1-9	
10	Фасос	A4-372, 981 ЯМК, 144/44	661	608	250	145	288	87	14,9	1-10	

Библиография

- НОВИЧЕНКОВА Н. Г. Археологическая коллекция Ялтинского историко-литературного музея // ВДИ. 1993. № 1. С. 222–228.
- ВДОВИЧЕНКО И. И., ТУРОВА Н. П. Великий князь Александр Михайлович Романов коллекционер и археолог-аматор // Крымский архив. 2015. № 1(16). С. 138–163.
- БОРОВКОВА В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь, 1999.
- МОНАХОВ С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.; Саратов, 2003.
- МОНАХОВ С. Ю. Комплекс амфор 1948–1949 гг. на холме «Г» в Фанагории: полный контекст // Вестник Танаиса. Т. 2. Вып. 5. С. 49–60.
- МОНАХОВ С. Ю. О некоторых амфорах из комплекса У7 поселение Панское I в Крыму // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2016. № 14. С. 113–126.
- МОНАХОВ С. Ю., КУЗНЕЦОВА Е. В., ФЕДОСЕЕВ Н. Ф., ЧУРЕКОВА Н. Б. Амфоры VI–II вв. до н. э. Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Саратов, 2016.
- МОНАХОВ С. Ю., КУЗНЕЦОВА Е. В., ЧУРЕКОВА Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. Из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес-Таврический». Каталог. Саратов, 2017.
- МОНАХОВ С. Ю., КУЗНЕЦОВА Е. В., ЧИСТОВ Д. Е., ЧУРЕКОВА Н. Б. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Каталог. Саратов, 2019.
- МОНАХОВ С. Ю., КУЗНЕЦОВА Е. В., ТОЛСТИКОВ В. П., ЧУРЕКОВА Н. Б. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов, 2020.
- МОНАХОВ С. Ю., МАРЧЕНКО И. И., ЛИМБЕРИС Н. Ю., КУЗНЕЦОВА Е. В., ЧУРЕКОВА Н. Б. Амфоры Прикубанского некрополя IV — начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына). Саратов, 2021.
- МОНАХОВ С. Ю., МАРЧЕНКО И. И., ЛИМБЕРИС Н. Ю., КУЗНЕЦОВА Е. В., ЧУРЕКОВА Н. Б. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Саратов, 2022.
- KARADIMA CHR. Ainos: An unknown amphora production centre in Evros Delta // Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean / J. Eiring, J. Lund (eds.). Aarhus, 2004.

Кушц Т. В.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

ДАРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ*

KUSHCH T. V.

GIFTS AS A TOOL OF LATE BYZANTINE DIPLOMACY

Захват турками Константинополя 29 июня 1453 г. стал финальной точкой в истории Византийской империи. Этому событию предшествовали многие десятилетия греческого сопротивления османской угрозе. В попытках остановить натиск агрессивных соседей византийские императоры из дома Палеологов, осознавая ограниченность собственных ресурсов, шли на беспрецедентные политические шаги, стремясь привлечь внимание Запада к судьбе империи, являвшейся для остального христианского мира щитом от мусульманской экспансии, и создать антитурецкий альянс. Многочисленные посольства к европейским дворам, оживленная дипломатическая переписка, личные поездки василевсов на Запад, активные переговоры о церковной унии преследовали одну, главную цель — добиться от христианских государств военной и экономической помощи, в которой так нуждалась боровшаяся за свое существование Византия. Среди средств, к которым обращались византийские императоры в своей дипломатической деятельности, были и различного рода подношения европейским правителям. Дары, традиционный атрибут дипломатического этикета, являлись не только дружеским жестом, но и символическим выражением мольбы о помощи.

К такому «языку даров» прибегал византийский император Мануил II Палеолог (1391–1425), в правление которого внешнеполитическая ситуация осложнилась настолько, что ему приходилось задействовать весь

---

* Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

арсенал дипломатических средств, дабы заручиться поддержкой потенциальных союзников. В 1394 г. турки появились под стенами Константинополя и на протяжении восьми лет держали город в осаде. Крестовый поход 1396 г. под предводительством венгерского короля Сигизмунда Люксембургского, на который греки возлагали большие надежды, закончился поражением крестоносцев в битве при Никополе, лишив Византию шанса с чужой помощью избавиться от османской опасности. По совету маршала Франции Жана II ле Менгра (по прозвищу Бусико), прибывшего в 1398 г. в Константинополь для оказания помощи грекам [Delaville Le Roulx 1886: 376–379], Мануил II Палеолог принял решение лично отправиться на Запад в поисках союзников. В 1399–1403 гг. состоялось его знаменитое путешествие по Западной Европе, в ходе которого император в том числе и с помощью даров пытался убедить христианских правителей присоединиться к антитурецкому союзу.

Отправляясь в поездку, Мануил II Палеолог прихватил с собой подарки для правителей, с которыми ему предстояло встретиться. Сведения о дарах, привезенных им на Запад, довольно скудны, но даже редкие упоминания в источниках позволяют судить, какого рода предметы составили «подарочный фонд» греческой делегации. Наряду с предметами роскоши, какими обычно обменивались во время дипломатических приемов, император вез христианские реликвии. Со времен Четвертого крестового похода на Западе был чрезвычайно высок спрос на христианские святыни, главным хранителем которых считалась Византия. Даже после разграбления в 1204 г. Константинополя в нем оставалось немало реликвий [Shepard 2012: 61–62]. Зная об интересе к ним европейцев, византийский император делал ставку и на «реликварную дипломатию» [Barker 1969: 408].

Реликвии, которые Мануил II раздарил во время поездки, относились к числу особо почитаемых в христианском мире. Так, миланский герцог Джан-Галлеаццо Висконти получил из рук императора один из шипов тернового венца, который в конце XV в. был передан кафедральному собору Павии [Mèly 1904: 268, 342]. Кроме того, Мануил Палеолог подарил герцогу икону Богоматери Агиосоритиссы, известную также как «Lukasbild» (по преданию, она была написана апостолом Лукой), которая ныне

хранится в немецком Фрайзинге [Vassilaki 2005: 264]. На иконе есть надпись «Надежда ненадежных» (Ἡ Ἐλπίς τῶν Ἀελλισμένων). Этот эпитет Богородицы («Надежда ненадежных»), кажется, идеально подходил к ситуации — именно такими словами можно было описать положение империи и цели поездки греческой делегации. Джан-Галлеаццо, вероятно, оценил сокровище в подарке воззвание императора, поскольку дал обещание помочь грекам и даже лично отправиться в город, если это окажется необходимым [Barker 1969: 171–172].

В поездку была взята и такая бесценная реликвия, как туника Христа, фрагменты которой также использовались в качестве дипломатического дара [Куш 2021: 166]. Небольшая часть туники через византийского посланника была преподнесена летом 1400 г. авиньонскому папе Бенедикту XIII [Regesten der Kaiserurkunden 1965: № 3285]. Другой ее фрагмент с документальным подтверждением аутентичности реликвии император отправил в июле 1401 г. из Парижа римскому папе Бонифацию IX [Dennis 1968: 402–403]. Подобный подарок вместе с сопроводительным письмом был послан перед отъездом из Парижа в ноябре 1402 г. королеве Маргарите Датской [Dennis 1968: 398–401]. Еще один фрагмент туники был преподнесен Мануилом II английскому королю Генриху IV во время их встречи в резиденции Элтем [Mergiali-Sahas 2006: 271, п. 47]. Такой же дар получил и собиратель христианских святынь арагонский король Мартин I, который в обмен обещал отправить шесть военных галер в Константинополь [Mergiali-Sahas 2006: 273]. Спустя годы, в 1422 г., часть этой же реликвии подарили фламандскому рыцарю и дипломату Жильберу де Ланнуа, прибывшему в Константинополь по поручению английского короля Генриха V, французского короля Карла VI и бургундского герцога Филиппа III Доброго для обсуждения вопроса об организации крестового похода и заключении унии церковей [Oeuvres de Ghillebert de Lannoy 1878: 65].

В багаже путешествовавшего по странам Запада Мануила II были, по всей видимости, и другие христианские святыни, которые использовались как дипломатические дары. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что, находясь в Париже, император отправил в 1401 г. португальскому королю Жуану I некие мощи [Васильев 1912: 71], вероятно, для

того, чтобы наладить дипломатические контакты и вовлечь правителя далекой страны в общехристианский альянс.

Так, переговоры с европейскими правителями о помощи Византии в борьбе с турками подкреплялись дипломатическими дарами, которые лучше слов подчеркивали общность интересов империи и ее потенциальных союзников и символически выражали призыв встать на защиту христианской веры.

С чем же связано столь активное использование в дипломатической практике реликвий? Дары традиционно играли заметную, но все же не главную роль в установлении и поддержании международных контактов. В критической же ситуации, в которой оказалась Византия в последнее столетие своей истории, ее правителям приходилось расширять арсенал политических и дипломатических средств, чтобы вовлечь в анти-турецкий альянс как можно больше европейских стран. Дары, вручаемые зарубежным правителям, также служили этой цели. Неслучайно такое внимание уделялось идейному послы, заключенному в подарке. В этих обстоятельствах реликвии оказались наиболее подходящим средством выражения политических интенций империи, нуждавшейся во внешней помощи. Преподнесенная в дар святыня напоминала получателям прежде всего об особом цивилизационном положении державы ромеев. С другой стороны, подобный дар символически выражал призыв к христианским правителям помочь православной империи. Языком даров императоры Византии призывали европейские страны объединить усилия для защиты христианского мира от османской угрозы.

Библиография

ВАСИЛЬЕВ А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Ч. XXXIX. Май. С. 41–78; Июнь. С. 260–304.

КУШ Т. В. Туника Христа и драгоценности короны: реликвии в византийской дипломатии XIV в. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 6. С. 161–170.

BARKER J. W. Manuel II Palaeologus (1391–1425): A Study in Late Byzantine Statesmanship. New Brunswick; New Jersey, 1969.

DELAVILLE LE ROULX J. La France en Orient au XIVe siècle: expéditions du maréchal Boucicaut. Paris, 1886. T. 1.

DENNIS G. Two Unknown Documents of Manuel Palaeologus // Travaux et mémoires. 1968. Vol. 3. P. 397–404.

MÈLY F. de. Exuviae Sacrae Constantinopolitanae. Paris, 1904.

MERGIALI-SAHAS S. An Ultimate Wealth for Inauspicious Times: Holy Relics in Rescue of Manuel II Palaeologus' Reign // Byzantion. 2006. T. 86. P. 264–275.

Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / rec. et. publ. par Ch. Potvin. Louvain, 1878.

Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565–1453 / bearb. von F. Dölger. München; Berlin, 1965. Bd. 5.

SHEPARD J. Imperial Constantinople: Relics, Palaiologan Emperors, and the Resilience of the Exemplary Centre // Byzantines, Latins, and Turks in the Eastern Mediterranean World after 1150 / ed. J. Harris, C. Holmes, E. Russell. Oxford, 2012. P. 61–92.

VASSILAKI M. Praying for the Salvation of the Empire? // Images of the Mother of God. Perceptions of the Theotokos in Byzantium / ed. M. Vassilaki. Ashgate, 2005. P. 263–276.

Лебединский В. В.

Институт востоковедения РАН, г. Москва
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Пронина Ю. А.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

Тюрин М. И.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Lebedinski V. V.

Pronina Yu. A.

Turin M. I.

RESULTS OF THE LATEST UNDERWATER AREOLOGICAL INVESTIGATIONS IN THE SYRIAN ARAB REPUBLIC

В полевой сезон 2021–2022 гг. работы международной сирийско-русской экспедиции были организованы в три этапа: в январе 2021 г., в январе 2022 г. и в сентябре 2022 г. Исследования проводились и финансировались в рамках подпрограммы «Археонет» программы «Приоритет-2030» Севастопольским государственным университетом, Институтом востоковедения РАН совместно с Департаментом древностей и музеев Министерства культуры САР при поддержке Русского географического общества и Экспедиционного центра Министерства обороны РФ в территориальных водах Сирийской Арабской Республики в акватории провинции Тартус.

Подводно-археологические изыскания были организованы согласно утвержденным рабочим планами полевых сезонов. Руководителем экс-

педиции с сирийской стороны был директор Службы Древностей и музеев провинции Тартус доктор Марван Хассан, с российской стороны — заведующий Центром историко-археологических исследований Крыма и Средиземноморья Института востоковедения РАН, доцент кафедры «Востоковедение» Севастопольского государственного университета В. В. Лебединский. В состав экспедиции входили российские исследователи из Севастопольского государственного университета, Института востоковедения РАН и сирийские специалисты из Департамента древностей и музеев провинции Тартус.

Целью проводимых работ является изучение подводно-археологических памятников и портовых сооружений, обнаруженных в акватории провинции Тартус Сирийской Арабской Республики, а также изучение морских путей, проходивших в восточной части Средиземного моря, которая является частью макрорегиона Большого Средиземноморья.

В полевом сезоне 2021–2022 гг. были продолжены подводно-археологические исследования, начатые в 2019 г., а именно: подводно-археологическое обследование акватории населенного пункта Хараб Маркия, акватории напротив устья реки Эль Хсейн, вокруг острова Арвад, а также акватории островов Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар, Макруд и береговой линии портовой части городища Амрит. При проведении подводно-археологических исследований применялись современные технические средства, такие как: гидролокаторы бокового обзора, георадар, телеуправляемый необитаемый подводный аппарат (ТНПА), также были проведены обследования морского дна водолазными группами. В рамках изучения морского культурного ландшафта были проведены исследования крепостных и портовых сооружений острова Арвад, остатков морской крепости Маракли у населенного пункта Хараб Маркия, побережья древнего города Амрит, островов Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд. Полученные данные позволили создать ортофотопланы и 3D-модели сохранившихся крепостных и портовых сооружений острова Арвад, остатков крепости Маракли, а также ортофотопланы, цифровые модели и топографические планы островов Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд.

В акватории, расположенной напротив устья реки Эль Хсейн, была проведена разведка морского дна с водолазным обследованием, в ходе которой были обнаружены фрагменты амфор, относящихся к раннесредневековому периоду (рис. 1). Предположительно, данный район можно охарактеризовать как якорную стоянку.

К северу от порта Тартус в акватории гавани небольшого поселения эллинистического периода был собран подъемный керамический материал. Анализ собранного керамического материала будет представлен в специальном исследовании. После камеральной обработки весь материал был передан на хранение в Департамент древностей и музеев министерства культуры Сирийской Арабской Республики в г. Тартус.

Водолазными группами были также обследованы акватории островов Арвад, Эль Аббас, Эль Фанар, Эль Фарис и Макруд. В данных районах была осуществлена аэрофотосъемка, с целью создания методом фотограмметрии цифровых планов и 3D моделей археологических объектов и прибрежного ландшафта (рис. 2, 5).

В районе острова Арвад в сезон 2021–2022 гг. было продолжено изучение под водой остатков крепостных и причальных сооружений, построенных из крупных известняковых каменных блоков. Предположительно, обрушение столь массивных крепостных стен было вызвано землетрясением. Здесь, в восточной и юго-восточной части акватории острова зафиксировано вероятное место древней якорной стоянки. Обнаружено значительное количество керамического материала (рис. 3), фрагменты мраморных сосудов, керамических крышек саркофагов, каменных снарядов метательного оружия, фрагмент зернотерки. Данные находки относятся к античному и средневековому периодам и являются свидетельством активных морских торговых контактов. На урезе воды в этой части Арвада сохранилась кладка крепостных стен, некогда окружавших остров (рис. 4). В 2021–2022 гг. были созданы топографические планы, ортофотопланы и 3-D модели крепостных и портовых сооружений Арвада и прилегающих строений. В дальнейшем на основе полученных данных планируется создание 3-D реконструкции оборонительных и портовых сооружения Арвада.

Напротив острова Арвад располагается городище Амрит, некогда крупный финикийский город-порт, религиозный и культурный центр. Побережье Амрита, — в настоящее время археологический заповедник, — было обследовано с помощью георадара. Полученные результаты позволили предположить, что древняя береговая линия и портовые сооружения древнего города сейчас находятся на суше, под песчаными напластованиями.

К югу от острова Арвад располагаются необитаемые острова Эль Аббас, Эль Фарис, Эль Фанар и Макруд, входившие некогда в систему древней морской навигации, на которых были зафиксированы сохранившиеся остатки древних каменоломен и некрополей, которые также были обследованы.

Одним из главных направлений работы сирийско-русской экспедиции стало создание геоинформационной системы морской акватории провинции Тартус Сирийской Арабской Республики. На основе имевшихся данных письменных и археологических источников, а также полученных новейших результатов исследований, создается база данных, в которую вносятся места древних и средневековых портов, кораблекрушений и многих других объектов морской инфраструктуры.

Данные материалы будут использованы в дальнейшей научно-исследовательской работе по созданию программ мониторинга объектов подводного культурного наследия, наполнения созданной ГИС и станут основой для создания будущей цифровой 3D музейной экспозиции.

Продолжение подводно-археологических исследований сирийско-русской экспедиции планируется на 2023–2025 гг.

Лебединский В. В.

Институт востоковедения РАН, г. Москва,
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Сазанов А. В.

Институт археологии РАН, г. Москва,
Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

Двухшорстнов В. И.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь

**РЕАЛИЗАЦИЯ В СЕВАСТОПОЛЬСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ПРОЕКТА «МОРСКОЙ КУЛЬТУРНЫЙ
ЛАНДШАФТ» И СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ
ОПЕРАТИВНОГО МОНИТОРИНГА
ТЕКУЩЕГО СОСТОЯНИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ**

Lebedinski V. V.

Sazanov A. V.

Dvukhsherstnov V. I.

IMPLEMENTATION OF THE PROJECT
«SEA CULTURAL LANDSCAPE» AND CREATION
OF A SYSTEM OF OPERATIONAL MONITORING
OF THE CURRENT STATE OF ARCHAEOLOGICAL
OBJECTS IN SEVASTOPOL STATE UNIVERSITY.

В Севастопольском государственном университете, в рамках проекта «Морской культурный ландшафт» подпрограммы развития «Археонет» программы развития университета на 2021–2030 годы в рамках реализа-

ции стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» проводятся теоретические и экспериментальные исследования по обоснованию осуществимости построения системы оперативного мониторинга текущего состояния археологического объекта, расположенного на морском дне с помощью алгоритма сравнения разновременных данных, полученных при помощи дистанционных методов фиксации.

Актуальность этих исследований обусловлена необходимостью мониторинга текущего состояния и среднесрочное прогнозирование динамики изменения объекта.

Вопросы государственной охраны, сохранения и изучения объектов (археологического) наследия, находящихся под водой, а также связанных с ними движимых вещей (археологических предметов), в Российской Федерации регулируются Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее — Закон № 73-ФЗ), Федеральным законом от 27.06.2011 № 163-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции об охране археологического наследия (пересмотренной)».

Ситуация осложняется тем, что в настоящий момент отсутствует кодифицированное определение морского культурного наследия.

Под объектом подводного археологического наследия мы понимаем следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), с момента возникновения которых прошло не менее 100 лет, находящиеся под водой основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки.

Объектами подводного археологического наследия являются, в том числе поселения, могильники, гидротехнические сооружения, суда и иные транспортные средства, объекты транспортной инфраструктуры (мосты), прочие объекты. Каждый подобный памятник имеет свои характерные особенности и определенные параметры, которые потребуется вносить в автоматизированную информационную систему. Под автоматизированной информационной системой для работы с объектом археологического наследия, находящимся под водой понимается геоинформационная

система, в которой археологические объекты внесены в специализированные навигационные программы, с подробным описанием, изображением и привязкой к точным географическим координатам, состоящая из нескольких баз данных и системы хранения, обработки, поиска и анализа информации.

Под базой данных понимается совокупность данных, организованных по определенным правилам, предусматривающим общие принципы описания, хранения и манипулирования данными, независимая от прикладных программ (письменные источники по выявленным объектам, данные картографии, топографии, гидрологии, гидробиологии по выбранному району).

Формат автоматизированной системы работы с объектом археологического наследия, находящимся под водой должен позволить:

— выявлять и анализировать взаимосвязи объектов в историческом контексте с визуальным отражением этих данных в цифровом формате (аналитическая функция);

— осуществлять систематический мониторинг за объектами и отслеживать их физическую сохранность и изменения, а также выявлять негативные факторы, влияющие на их разрушение, т.е. прогнозировать состояние данных объектов в заданной перспективе, включая прогноз их полного разрушения и исчезновения (мониторинговая функция);

— визуализировать и экспонировать подводные объекты, зачастую недоступные для обозрения, в том числе в составе мультимедийных музейных выставок (культурологическая).

Задачами исследований при реализации проекта являются:

— теоретически обосновать и экспериментально доказать осуществимость построения системы оперативного мониторинга текущего состояния археологического объекта, расположенного на морском дне с помощью алгоритма сравнения разновременных данных (3D облаков точек, являющихся 3D двойниками объекта в разные периоды), полученных при помощи фотограмметрических методов, а также данных гидролокационной съемки, данных полученных многолучевым эхолотом, данных съемки профилографом и магнитометром (патент на способ 2023 г.);

— разработка проекта Методики по оперативному мониторингу текущего состояния археологического объекта, расположенного на морском дне с помощью дистанционных методов фиксации (2024 г.);

— подготовка проектной и эксплуатационной документации для создания Автоматизированной информационной системы для работы с объектом археологического наследия, находящимся под водой, включая свод требований к элементам данных, загружаемых в систему (2024 г.);

— построение математической модели для прогноза разрушения археологического объекта, находящегося под водой, с учетом воздействия антропогенных и природных факторов (задача для суперкомпьютера Афалина, 2025 г.).

Ожидаемые результаты реализации проекта и предполагаемые эффекты:

— кратное сокращение необходимых финансовых средств на проведение массового мониторинга объектов историко-культурного наследия, расположенных на морском дне;

— снижение риска для жизни и здоровья исследователей за счет автоматизации процессов мониторинга, особенно глубоководных объектов;

— существенное снижение временных затрат и оперативность при выявлении и обследовании объектов морского историко-культурного наследия.

Кроме этого разрабатываемые технические решения автоматизированного прогнозирования динамики состояния объекта во времени, с учетом влияния природных факторов и антропогенной нагрузки позволят осуществлять систематический мониторинг за объектами и отслеживать их физическую сохранность, а также выявлять негативные факторы, влияющие на их состояние.

Майко В. В.

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ИМПОРТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ XIV–XV вв. СТАРЫЕ НАХОДКИ — НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Maiko V.

MEDITERRANEAN IMPORT OF MEDIEVAL SUGDAY OF XIV–XV CENTURIES. OLD FINDS — NEW PROBLEMS

Экономические связи средневековой Сугдеи генуэзского периода (1365–1475) и Средиземноморского региона на примере археологического материала уже становились предметом специальных исследований. Совершенно очевидно, что материальная культура города этого времени сформировалась в предшествующие византийский и золотоордынский периоды и не претерпела существенных изменений при лигурийцах. Итальянские средиземноморские находки встречены в единичных экземплярах и каждая из них представляет несомненный интерес.

В данном случае хотелось остановиться на двух подобных находках, каждая из которых является пока уникальной для Сугдеи. Оба изделия были обнаружены в слое серо-коричневого грунта с примесью мелких углей, пачины и костей животных на раскопе между башнями Якобо Торселло и Безымянной № 5 в 1997 г. Исходя из стратиграфических наблюдений, этот слой перекрывает горизонт времени возведения генуэзской куртины на этом участке, датирующийся третьей четвертью XIV в.

Итак, речь пойдет о двух находках. Во-первых, это крупный фрагмент центральной части тулова итальянской керамики, во-вторых — бронзовый корабельный свисток. Обе находки были достаточно давно опубликованы [Майко 2012: 376, рис. 7, 1; 384, рис. 11, 2] однако без какого-либо анализа и аналогий. К тому же реконструкция бронзового свистка была ошибочной. Все это делает предлагаемую работу, на наш взгляд, актуальной.

Фрагмент центральной части тулова принадлежит конусовидному с узким горлом светло розовоглиняному кувшину, т. н. молочнику небольших размеров под светлой поливой. На тулове остатки растительного орнамента в виде широких полос голубого цвета, образующих подобие лепестков, пространство которых, покрыто горизонтальной штриховкой и разделено линиями. Орнамент заключен в поле, отделенное от ручки параллельными вертикальными полосами (рис. 1, 1).

Несмотря на фрагментарность находки и невозможность полного восстановления сюжета, ее с большой долей вероятности можно отнести к группе итальянской керамики *Maiolica Arcaica di Pisa*. Последняя как раз и характеризуется наличием спиралевидной растительной росписи марганцем голубого цвета в сочетании со штриховкой, обязательно отделенной несколькими вертикальными линиями. В качестве примера можно привести кувшин из собрания Национального музея Сан Маттео (рис. 1, 2). Из этого же собрания происходит и кувшин с рядами повторяющихся простых геометрических фигур, выполненных в аналогичной технике. Известны и кувшины с основным сетчатым орнаментом, нанесенным голубым марганцем. В этой группе керамики хорошо известны и сосуды с сюжетным орнаментом, в частности животных с антропоморфными чертами. В частности следует упомянуть кувшин, выставленный на аукционном сайте Catawiki с орнаментом в виде дракона с человеческой головой, обрамленного двумя растениями (рис. 1, 4).

В отличие от некоторых форм керамики группы *Maiolica Arcaica Faenza* [Giorgio, 2016: 17, fig. 7], мелкосеточный орнамент не преобладает, а нанесен в нашем случае, только между завитками голубого марганца. Подобная техника сочетания орнамента, нанесенного голубым марганцем и сетчатого с граффити характерна и для керамики Пезаро Итальянской коммуны Марка. Однако в данном случае орнаментальная зона не отделена горизонтальными линиями от сектора, где расположен нижний прилеп ручки, и сама система нанесения орнамента иная [Venturi, Alberini 2019: 52, fig. 64; Ermeti 2020]. Исключение составляет только один сосуд этой группы, где основное орнаментальное поле так же отделено вертикальными линиями (рис. 1, 3). На наш взгляд, он ближе к анализируемой группе

керамики *Maiolica Arcaica*. Иная система нанесения орнамента и на керамике группы *Ceramica in verde e bruno*, связываемой так же с производством Фаэнцы, где роспись марганцем действительно имеет скорее зеленоватый оттенок, а контурные сюжеты нанесены коричневой краской.

За пределами Пизы, на территории Апеннинского полуострова подобной керамики обнаружено не много. В качестве образца можно привести редкие находки на самом севере в коммуне Риволи [La Rocca Hudson 1985/86: 121, fig. 1, 1]. Редка она и на Балканах, где известны в основном мелкие фрагменты [Bradara 2003: 187, tav. III, 4] и одна археологически целая форма морфологически и орнаментально приближающаяся к нашей [Bradara 2003: 189, tav. V].

Для территории Крымского полуострова эта керамика проанализирована только на основании очень сильно фрагментированных материалов из раскопок крепости Чембало [Гинькут 2019: 171–172]. Исследовательницей выделено несколько фрагментов керамики, которую удалось сопоставить с посудой группы «*Maioliche Arcaiche*» II [Гинькут 2019: 189, рис. 2, 2], производившейся в центральной и северной Италии, в том числе и Пизе.

Керамика группы *Maiolica Arcaica* единична и на близлежащих к Таврике территориях. В Азаке она так же представлена фрагментами т.н. молочных кувшинов [Белинский, Масловский, 1998, с. 37, рис. 1, 4, 5; Кравченко, 2017, с. 555, рис. 12, 1–4]. В том числе есть и интересующие нас фрагменты с росписью бирюзовым цветом, датирующиеся первой половиной XIV в. [Белинский, Масловский, 1998, с. 36]. По справедливому мнению ученых, эта керамика не однородна и поступала из нескольких центров. Известны и местные каффинские подражания итальянским мейсса-майоликам [Белинский, Масловский 2005: 174, рис. 9, 3–5; 175, рис. 10, 1].

Вторая находка, ставшая предметом этой работы, является литым бронзовым посеребренным корабельным свистком (рис. 2, 1). Изделие отличается небольшими размерами и представляет собой круглую полую трубку усечено-конической формы без перехватов, но с ободками на краю, имитирующей форму корабельной пушки. С тыльного узкого конца к стволу

примыкает полый тонкостенный шарик с отверстием в верхней части. Оба элемента соединены широким выступом в виде половины капли с петлей для подвешивания.

Единственный известный нам в Крыму аналогичный, но более крупный свисток, с ободками на краях и середине ствола, был обнаружен в засыпи плотного светло-коричневого грунта, перекрытой слоем деструктированного известкового раствора (рис. 2, 2). Эта засыпь заполняла частично сохранившуюся камеру пушечной амбразуры внутренней северной части барбакана башни Барнабо Грилло крепости Чембало [Адаксина, Кирилко, Мыц 2004: 239, рис. 92, к. о. 108]. На основании нумизматических данных и особенностей керамического комплекса, засыпь датировалась второй — третьей четвертью XV в.

Традиционно считается, что первым упоминанием об использовании на флоте корабельных свистков является описание сенешалем Шампани Жаном Жоанвилем действий французского флота во время 7 крестового похода 1248–1249 гг. [Стасюлевич 2001: 507–510]. Вероятнее всего крестоносцы заимствовали дудку у генуэзских моряков, которые активно использовали их и в первой половине XIII в. Войны между Венецией и Генуей XIII–XIV вв. привели к расцвету каперства, что так же требовало слаженных действий абордажной команды. Отметим, что совершенно аналогичный Сугдейскому свисток, датирующийся XIV в., выложен на сайте Whistle museum Великобритании в историческом разделе Экземпляры Средневекового и постсредневекового времени [Strauss 2012].

На территории восточной Европы наибольшее количество аналогий рассматриваемым корабельным свисткам известно среди погребального инвентаря курганов т.н. Белореченской культуры северо-западного Кавказа, оставленной военной верхушкой полиэтничного, но, по преимуществу, адыгского населения, включенного в орбиту влияния Золотой Орды. На сегодняшний день нам известно о трех подобных находках.

Два свистка из раскопок Н. И. Веселовского 1896 г. Белореченских курганов находятся в золотоордынской экспозиции Государственного Эрмитажа и опубликованы М. Г. Крамаровским [Золотая Орда..., 2005, с. 196, № 46, 47]. Один из них (рис. 2, 4), происходящий из кургана 26 и наиболее

близкий Сугдейскому, был введен в научный оборот сразу после находки [ОАК за 1896, с. 31, рис. 172]. Располагался он на поясе погребенного. Второй свисток (рис. 2, 5) был обнаружен в ходе раскопок 1896 г. курганов Белореченской культуры в Костромской (ОИАК за 1896 год, 1898, с. 59–60) или Андрюковской [ОИАК за 1896 год, 1898, с. 54–55] станицах Майкопского отдела.

Третий свисток (рис. 2, 3), находящийся в ГИМе, был обнаружен Н. И. Веселовским при раскопках 1900 г. кургана 2 Белореченской культуры у станицы Тульская в мужском погребении, содержавшем довольно бедный погребальный инвентарь [ОИАК за 1900 год, с. 38].

Как известно, погребальный инвентарь Белореченских курганов отличается многочисленным, в том числе крымским и итальянским импортом [Крамаровский 2012: 333–334]. Его поступление было обусловлено географическим положением территории на торговом пути на восток Кавказа и в Китай и постоянными тесными торговыми связями с генуэзскими и венецианскими портами Причерноморья и Приазовья. Вероятнее всего корабельные свистки справедливо рассматривались адыгами в качестве командирского атрибута и входили в состав богатого воинского снаряжения.

Таким образом, проанализированные находки расширяют наше представление об экономических связях Сугдеи со Средиземноморьем.

Библиография

АДАКСИНА С.Б., КИРИЛКО В.П., МЫЦ В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (Балаклава) в 2003 г. СПб-Симферополь, 2004. 253 с.

БЕЛИНСКИЙ И. В., МАСЛОВСКИЙ А. Н. Некоторые редкие импорты поливной керамики Азака // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X–XVIII вв. по материалам поливной керамики. Симферополь, 1998. С. 36–40.

БЕЛИНСКИЙ И. В., МАСЛОВСКИЙ А. Н. Импортная поливная керамика Азака (XIV в.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев, 2005. С. 160–177.

ГИНЬКУТ Н. В. Итальянская поливная керамика генуэзского и османского времени с территории консульства и крепости Чембало // АДСВ. 2019. Вып. 47. С. 170–194.

ЗОЛОТАЯ Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб: Славия, 2005. 264 с.

КРАВЧЕНКО С. А. Парадная керамика из раскопок Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Т. 2. Казань-Кишинев, 2017. С. 539–560.

КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Человек средневековой улицы: Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012. 545 с.

МАЙКО В. В. Стратиграфические исследования на т.н. участке квартала I Судакской крепости в 1997 г. // Сугдейский сборник. Вып. V. Киев-Судак, 2012. С. 363–393.

ОТЧЕТ Императорской археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. 251 с.

ОТЧЕТ Императорской археологической комиссии за 1900 год. СПб., 1902. 173 с.

СТАСЮЛЕВИЧ М. М. История средних веков. Крестовые походы (1096–1291 гг.). СПб.-М., 2001. 592 с.

BRADARA T. Maiolica arcaica del Museo archeologico deU'Istria // Atti. 2003. Vol. XXXIII. P. 163–192.

ERMETI Anna L. La ceramica da mensa tra XIII e XV secolo nelle Marche settentrionali. Produzione e committenza // Rivista di stria regionale. Marca/Marche. Giugno 2020.

GIORGIO M. Centri di produzione di maiolica arcaica in Toscana: Pisa, Lucca e Camaiore // Storie [di] Ceramiche 2. Maioliche “Arcaiche” Firenze, 2016. P. 11–20.

LA ROCCA HUDSON C. Ceramica Grezza e Ceramica da Tavola Bassomedievale Dagli Scavi Sulla Rocca di Rivoli // Annuario storico della Valpolicella. 1985/86. Vol. 4. P. 119–132.

STRAUSS A. Boatswain's call History, Timeline, Examples and More. Whistle museum. 2012 // <http://www.whistlemuseum.com/page/7/> (дата посещения 19.03.2023 г.).

VENTURI L. B., ALBERINI V. La Maiolica al Tempo Degli Sforza di Pesaro. Storie Degli Sforza Pesaresi 2019. 260 p. (<https://www.academia.edu/39733932>).

Мальцева Д. А.,

Сафонова О. Д.,

Тузова П. Р.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ИССЛЕДОВАНИЕ ТОПОНИМИКИ КРЫМА В СТРУКТУРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕГИОНЕ

Maltseva D. A., Safonova O. D., Tuzova P. R.

THE STUDY OF THE CRIMEAN TOPONYMY IN THE STRUCTURE OF THE LOCAL POLITICAL IDENTITY FORMATION

Политические события 2022 года актуализировали очевидную и ранее необходимость глубинного исследования механизмов, детерминирующих самоидентификацию жителей российского Крыма. Очевидно, что на современном этапе легитимация действий политических акторов требует символического сопровождения. Это особенно характерно для исследуемого в данной статье региона. Одним из инструментов символической политики (и политики памяти как ее части) является топонимика. В контексте изучения идентичности уместно говорить о топонимике всего Крыма. Локальная идентичность на настоящий момент выступает связывающим и определяющим элементом в структуре национальной, гражданской, а также региональной идентичности крымчан. Самым очевидным маркером общей региональной идентичности выступают названия региона/города/поселения. Говоря о локальной идентичности, большее значение приобретают названия улиц, районов, мест отдыха.

При изучении региональной и локальной топонимики полуострова в пул магистральных задач исследования было включено рассмотрение

актуальных на сегодняшний день названий/обозначений/наименований, а также переименований, характерных для более раннего периода.

Исследование показало, что в Крыму наблюдается достаточное количество региональных топонимов, выступающих символами советского периода. Такие наименования поселений как Кировское (примечательно, что не один населенный пункт), Куйбышево, Чернышево, Чапаевка, Либкнехтовка, Ленино, Ильичово, Первомайское, Красносельское, Красногвардейское, Калинино, Октябрьское, Советский, Краснофлотское, Красная Зорька, Фрунзе, Пионерное, Коммунары, Целинное, Колоски и др. неизбежно пробуждают в сознании поколений устойчивые паттерны восприятия Крыма в категориях советской идентичности.

К иным символам региона, маркирующим аспекты идентичности дренерусского, московского и имперского периодов, уместно отнести такие названия как Богатырь, Сусанино, Пожарское, Суворовское, Суворово, Нижняя Кутузовка, Верхняя Кутузовка, Тургеневка, Пушкино, Некрасовка, Уварово, Воронцовка, Чехово и др. Топонимы, являющиеся географическими символами (Русское, Муромское, Азовское, Луганское, Полтавское, Тамбовка и др.) свидетельствуют о наличии элементов общероссийской идентичности. В то время как Крымка, Новокрымское, Крымское, Жемчужина Крыма, Таврическое звучат буквально как «ссылка на самого себя», что усиливает локальную самоидентификацию. Существует ряд названий, полностью аналогичных названиям некоторых населенных пунктов в центральной России: Внуково, Марьино существуют также и в Москве, Красная поляна — тёзка и популярный курорт в Краснодарском крае.

Исследование также продемонстрировало, что разнообразие крымского ландшафта стало основанием для появления порядка 150-ти географических топонимов по типу Холмовки, Берегового, Голубого залива, Абрикосовки, Золотого поля, Лужков, Сливянки, Лугового, Пшеничного, Скалистого, Ароматного, Плодового, Айвового, Вишневого, Полюшка, Цветочного и др. Подобная особенность также указывает на региональную тенденцию поиска уникальной идентичности «в самом себе», а не в истории или внешних аспектах. В этом контексте интересен анализ Южного Берега Крыма, который богат на топонимы, апеллирующие

к греческому периоду: Форос, Феодосия, Евпатория, Таврида. Сохранение этих названий дополняет уникальность региона, указывает на самобытность его истории, культуры, особенностей международной политики.

Одновременно с этим, переходя к рассмотрению локальной идентичности в представленном исследовании был проведен анализ объектов, которые поменяли свои названия за последние годы. Например, изменение названий улиц формулирует определенный символический дискурс в регионе (это значительно проще, чем переименование целых населенных пунктов, однако не менее значимо на локальном и региональном уровне). Так, в мае улицы Симферополя переименовали из улиц Карла Маркса и Петра Шмидта в Екатерининскую и Потемкинскую [<https://www.kommersant.ru/doc/5369244>]. В декабре 2022 года в Армянске переименовали улицу Черновола в улицу Мира [<https://crimea24tv.ru/content/bivshaya-ulica-chernovola-v-armyanske-sta/>]. В 2023 году 13 улиц Керчи, Симферополя, Щёлкино, Симферопольского района, Сакского района, Краснолесья, села Партизанское переименовали в честь героев, погибших при исполнении воинского долга во время проведения спецоперации на Украине [<https://life.ru/p/1554059>]. Тенденция на переименование улиц была актуальна еще до 2022 года. Так, в октябре 2021 года в Симферополе были переименованы следующие объекты:

- сквер Казанский в сквер имени Валерия Ермака;
- парк Мир в парк имени Дмитрия Быстролетова;
- площадь Советской Конституции в площадь имени Николая Багрова;
- в микрорайоне Белое 5 улица Алмалы в улицу Мирас.

Также депутатский корпус дал согласие на присвоение наименований элементам улично-дорожной сети:

- сквер Александра Невского — район площади Московской;
- улица Василия Горишнего — район Петровские высоты;
- улица Адама Турчинского — район Петровские высоты;
- сквер Ветан — район улицы Селим-Герай;
- улица Ливадийская — район СПК Пенсионер;
- Аллея Воинской Славы — перекресток улиц Козлова, Севастопольская и Субхи [<https://ktinform.ru/v-simferopole-pereimenovali-ulicy-skvery-i-parki/>].

Обсуждения о переименовании улиц продолжают и сегодня — вопрос относительно улиц Белы Куна, Желябова, Воровского, а также библиотеки имени Ивана Франко по-прежнему остается актуальным [<https://gazetacrimea.ru/news/v-sovete-federatsii-obyasnili-neobkhdimost-pereimenovaniya-ulits-simferopolya/>].

Краткий обзор региональной топонимики показал, что региональное сообщество Крыма является многосоставным, сегментированным. Переплетение идентичностей крымчан, в том числе национальной, локальной, этнической, исторической, политической, гражданской, территориальной, статусной неизбежно фреймирует идеологические коллизии и внутреннюю социальную разнородность. Однако, проведенное исследование показало, что руководство Крыма прилагает усилия по корректировке дискурса символической политики и оптимизации исторической политики на местах, что существенно гармонизирует общественные и политические процессы, формируя фундамент для дальнейшего развития региона.

Библиография

В Симферополе декоммунизировали улицы // Электронный ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/5369244>

Бывшая улица Черновола в Армянске станет улицей Мира // Электронный ресурс: <https://crimea24tv.ru/content/bivshaya-ulica-chernovola-v-armyanske-sta/>

В Крыму переименовали 13 улиц, назвав их в честь погибших героев СВО // Электронный ресурс: <https://life.ru/p/1554059>

В Симферополе переименовали улицы, скверы и парки // Электронный ресурс: <https://ktinform.ru/v-simferopole-pereimenovali-ulicy-skvery-i-parki/>

В Совете Федерации объяснили необходимость переименования улиц Симферополя // Электронный ресурс: <https://gazetacrimea.ru/news/v-sovete-federatsii-obyasnili-neobkhdimost-pereimenovaniya-ulits-simferopolya/>

Махачашвили З. В.

Институт Востоковедения РАН, г. Москва

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ СЕРЕДИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Makhachashvili Z. V.

ARCHAEOLOGICAL SOCIETIES OF THE BLACK SEA REGION IN THE MIDDLE OF THE XIX — EARLY XX CENTURY

В данной статье рассматриваются научные общества, созданные в Причерноморье, которые занимались археологическими раскопками в середине XIX — начале XX века. В этот период Причерноморье находилось в сфере влияния двух империй: Российской и Османской.

С конца XVIII века территории Северного и Восточного Причерноморья начали входить в состав Российской Империи. Так же, как и в других частях империи здесь начали создаваться государственные и частные учреждения и общества, которые занимались научными изысканиями, в том числе и археологическими [Тункина 2006].

Российская часть Причерноморья делилась на Новороссию [ред. Грызлов 2003: 28], Область Войска Донского [ред. Грызлов 2003: 389] и Кавказский край [ред. Грызлов 2003: 365].

Крупнейшим обществом занимающимся изучением Северного Причерноморья являлось **Одесское общество истории и древности (ООИД)** [Степанский 1974: 49; Тупина 2006:] основанное в 1839 году при содействии генерал-губернатора Новороссийского края и наместника Бессарабии князя Воронцова М. С. [Филимонов 2004: 27], которому удалось добиться императорского указа о предоставлении обществу права производить археологические раскопки в Южной России. ООИДу из средств Государственного казначейства ежегодно выделялись денежные доволь-

ство на ведение своей деятельности. В 1872 г. Александр II даровал Обществу почетное звание «Императорского» за вклад в развитие отечественной науке [Попруженко 1914: 555]. Цель ООИД заключалось в изучении истории и археологии Северного Причерноморья [Шаманаев 2010: 248].

33 тома «Записок Одесского общества истории и древности» вышло в период с 1844 по 1919 гг. Общество создало три музея.

ООИД вело раскопки в Ольвии, на Острове Фидониси, раскапывало Керченские курганы [Тункина 2002: 268] и др. места Северного Причерноморья.

Например, результатами раскопок в Херсонесе в 1876–1886 гг. были ряд эпиграфических памятников, крещальня возле Уваровской базилики, новые кварталы, водопровод [Шаманаев 2018: 66].

С именем великого князя Михаила Николаевича Романова связан ряд инициатив, способствовавших изучению Кавказа. Одним из них является создание в 1873 г. **Общества любителей кавказской археологии** в Тифлисе [Алиева 2020]. Также активное участие в создании и деятельности общества принимали А. П. Николаи, А. П. Берже, Д. З. Бакрадзе.

В 1875 г. был издан первый том «Записок Общества любителей кавказской археологии», а в 1877 г. первый том «Известий Общества любителей кавказской археологии». Обществом также была издана книга А. П. Берже посвященная обзору кавказской археологии [Берже 1876].

Общество любителей кавказской археологии активно участвовало в организации V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г., после которого оно было преобразовано в **Кавказское общество истории и археологии** [Степанский 1974: 52]. В 1882 и в 1884 гг. вышли 2 выпуска Известий Кавказского общества истории и археологии.

О создании **Общества любителей истории и археологии Крыма** сохранилось следующее сведение:

«Министерством народного просвещения внесено в комитет министров представление об учреждении «Общества любителей истории и археологии Крыма», цель которого состоит в том, чтобы с помощью музея и библиотеки в Севастополе, вход в который будет бесплатный, вызвать интерес к изучению истории и археологии Крыма.

Существование подобного общества не останется без значения и влияния на разработку истории и археологии Крыма, где представляется еще много непочатого. Любители археологии следили-бы за раскопками в Херсонесе, а в Севастополе нашлись бы такие, которые охраняли и берегли бы от разрушения открываемые памятники, тогда как при настоящих условиях раскопки предоставлены солдатам, посылаемым на работу в свободное от занятий время» [Неделя строителя 1883: 124].

Губернские статистические комитеты (ГСК) Министерства внутренних дел [Первушин 2007] в Российской империи были государственными учреждениями, которые в том числе занимались изучением истории и археологии своего региона [Щавелев 2021].

В 1834 году Императором Николаем I было утверждено «Положение о создании губернских и областных статистических комитетов»¹, на основе которого на территории Причерноморья появились — *губернские статистические комитеты*: Бессарабский, Херсонский, Одесский, Таврический, Екатеринославский, Черноморский, Кутаисский; *городовые статистические комитеты*: Керчь-Еникальский, Одесский, Севастопольский [Лугачева 2022]; *областные статистические комитеты*: Войска донского областной статистический комитет, Кубанский, Батумский.

Одной из сфер деятельности ГСК являлось собирание сведений об археологических памятниках, находящихся в той или иной губернии. В трудах, которые они издавали, содержится богатый материал по археологическим памятникам. Впоследствии ГСК активно сотрудничали с археологическими обществами и принимали участие в работе археологических съездов.

Археологическими раскопками занимались и **губернские ученые архивные комиссии** (ГУАК) созданные по инициативе Н. В. Калачева [Мурашов, Первушкин 2021] с одобрения министра внутренних дел Толстого Д. А.

Кроме основной деятельности — формированием исторических архивов и обработкой хранившихся в них дел, большинство комиссий также проводили археологические разведки и раскопки для выявления археологических памятников, чтобы впоследствии составить археологические карты того или иного края.

¹ ПСЗ. Собрание (1825 - 1881). 1834. Т. IX. С.280. № 7684.

Всего было создано 42 губернские ученые архивные комиссии, в том числе 4 на территории Причерноморья.

Первой создали Таврическую ученую архивную комиссию в Симферополе в 1887 г. [Филимонов 2004] Она издавала «Известия Таврической ученой архивной комиссии» с 1887 по 1920 гг. Всего вышло 57 выпусков [Писарькова 2015: 535].

Бессарабская губернская ученая архивная комиссия была создана в 1898 г. В Кишеневе. С 1900 по 1908 гг. вышло три тома «Трудов Бессарабской ГУАК» [Писарькова 2015: 39]. Екатеринославская губернская ученая архивная комиссия была открыта в 1903 г. С 1904 по 1915 гг. в Екатеринославле вышли 10 выпусков «Летописи Екатеринославской ученой архивной комиссии» [Писарькова 2015: 147]. Херсонская ученая архивная комиссия была создана в 1898 г. В Херсоне [Завгородний 1978: 9, 64–65].

На некоторых территориях Причерноморья появились **церковно-археологические общества** [Косых 2009; Полякова, Витовтова 2014].

В Симферополе в 1913 г. открылось Таврическое церковное археологическое общество для «обследования, охранения и собирания памятников местной старины, а также для распространения в обществе и преимущественно среди духовенства сведений по церковной археологии и истории» [Известия... 1914].

Также были созданы Херсонское церковно-археологическое общество в 1903 г. и Бессарабское церковно-археологическое общество в 1904 г. На территории Сухумского округа в 1891 г. был организован церковно-археологический комитет [Косых 2009: 122].

Кроме этого в Причерноморье были созданы несколько региональных научных обществ объединивших любителей местной старины.

Стоит также упомянуть о созданной в 1859 г. **Императорской археологической комиссии** [Стоянов 2019], которая хоть и не была создана на территории Причерноморья, но в своей деятельности активно занималась здесь археологическими раскопками. В 1882 г. первый председатель ИАК С. Г. Строганов в своем отчете перед отставкой писал, что ИАК произведено «изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами ...» [Длужневская 2006].

ИАК издавало «Отчёты Императорской Археологической Комиссии» (выходили ежегодно в 1862–1918 годах со сведениями за 1859–1913/15 годы, «Известия Императорской Археологической Комиссии» (1901–1918), «Материалы по археологии России» (37 томов, 1866–1918).

В 1864 г. было создано **Московское археологическое общество (МАО)**, с 1881 г. Императорское. Занималось изучением и охраной памятников истории и культуры, проведением археологических раскопок на территории Российской Империи. Издавало: «Древности: Труды Московского археологического общества» (1865–1916. 25 т.), «Древности: Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского археологического общества» (1907–1915. 6 т.), и др.

В 1901 г. в Тифлисской Публичной библиотеке графиня П. С. Уварова провела собрание любителей и исследователей истории Кавказа, захотевших основать в Тифлисе **Кавказское отделение Императорского Московского Археологического Общества** [Алиева 2018: 73], которое впоследствии удачно было создано.

После создания научных обществ на территории Российской империи появилась идея создать научный центр за рубежом. Первым из которых, был

Археологические съезды в России созывались с 1869 г. каждые три года. С 1869 по 1914 г. было проведено 15 съездов.

На территории Причерноморья было два съезда: *V съезд в Тифлисе*, 8–21 сентября 1881 года; председатель А. В. Комаров [Колесникова, Ермоленко, Ашуба 2019] и *VI съезд в Одессе*, 15 августа — 1 сентября 1884 года; почётный председатель Великий князь Сергей Александрович, председатель граф Уваров [Шаманаев 2011].

Русский археологический институт в Константинополе (РАИК) [Басаргина 1999].

У истоков создания РАИК стояли русский посол в Константинополе Нелидов А. И., впоследствии первый почетный председатель общества, его помощник П. Б. Мансуров и византист Ф. И. Успенский [Жебелев 1929].

Устав РАИК был утвержден императором Александром III в 1894 г., а торжественное открытие состоялось 26 февраля 1895 г. Основной

целью Института было изучение памятников древности, преимущественно византийского периода. Нелидов А. И. смог договориться с руководством Османской империи о разрешении производить археологические раскопки на всей ее территории и сохранением за институтом половины всех находок, при условии передачи другой половины в Оттоманский музей.

Под руководством Ф. И. Успенского РАИК проводил комплексную программу изучения памятников Константинополя, Малой Азии, Палестины и Сирии. В 1899–1900 гг. и в 1905 г. были проведены археологические раскопки двух болгарских столиц — Плиски (Абоба) и Преслава. В 1911 и 1913 гг. велись раскопки у села Винчи, близ Белграда. Также РАИК участвовал в раскопках древнеармянской столицы Ани.

Исследования сотрудников РАИК публиковались в журнале «Известия Русского археологического института в Константинополе» (всего вышло 16 т.), среди них монографии Ф. И. Успенского «Археологические памятники Сирии» (1902. Т. 7. Вып. 2–3), Ф. И. Шмита «Кахрие-Джами: История монастыря Хоры. Архитектура мечети. Мозаики нарфиков» (1906. Т. 11).

При Институте образовалась библиотека и кабинет древностей, впоследствии превратившись в музей².

Деятельность института начала сворачиваться с началом первой мировой войны и в мае 1920 г. РАИК был официально упразднен.

В конце можно сделать следующие **выводы**:

Научными центрами Причерноморья были Одесса, Тифлис и Константинополь. ООИД созданное в центре Новороссийско-Бессарабского генерал-губернаторства Одессе занималось в том числе, и археологическими раскопками в Северном Причерноморье.

В центре Кавказского края, в Тифлисе, не сформировалось одного устойчивого научного общества, занимающегося раскопками. Здесь *Общество любителей кавказской археологии* было преобразовано в *Кавказское общество истории и археологии*. Позднее деятельность по исследованию Восточного Причерноморья и Кавказа в целом взяло на себя *Кавказское отделение ИМАО*. Важность, которую имели Одесса

---

² Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. Каталог выставки / Под ред. В.С. Шандровской. СПб., 1994.

и Тифлис в археологической среде подчеркивает проведение в этих городах V и VI Археологических съездов.

Русский археологический институт в Константинополе проводил масштабные раскопки в Южном и Западном Причерноморье, в Малой Азии и на Балканах. Успешный опыт деятельности РАИК способствовал возникновению, к сожалению, не воплотившегося в жизнь, интереса о создании археологических центров и в других местах зарубежья (в Риме, Афинах, Иерусалиме).

Также на территории Причерноморья имелись традиционные для всей Российской Империи учреждения. Во всех административно-территориальных единицах Причерноморья были созданы ГСК. В четырех губерниях имелись ГУАК (Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Бессарабская). В Таврической и Бессарабской губернии были созданы церковно-археологические общества, а в Сухумском округе организован церковно-археологический комитет.

Библиография

АЛИЕВА А. И. Кавказское Отделение Императорского Московского археологического общества // Известия СОИГСИ, № 20 (59), 2016, сс. 71–81.

АЛИЕВА А. И. Роль Берже А. П. в организации «Общества любителей кавказской археологии» // Известия СОИГСИ, № 38 (77), 2020, сс. 42–54.

БАСАРГИНА Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999.

БЕРЖЕ, А. П. Записка об археологии Кавказа. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1876.

Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 / Под общ. ред. Б. В. Грызлова, Гл. ред. Н. Ф. Самохвалов. Объединенная редакция МВД России, 2003.

ДЛУЖНЕВСКАЯ Г. В. Императорская археологическая комиссия на службе Российской истории и культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. История, № 4, 2006, сс. 270–283.

ЖЕБЕЛЕВ С.А. Ф. И. Успенский и Русский археологический институт в Константинополе // Памяти академика Ф. И. Успенского. 1848–1928: Ленинград. Изд-во Акад. наук С.С.С.Р., 1929, сс.53–66.

Херсону 200 лет. 1778–1978. Сборник документов и материалов / Отв. ред. В. П. Завгородний — К.: Наукова думка, 1978. — С. 9, 64–65.

Известия Имп. Археологической Комиссии. СПб., 1914. Вып. 50. Прибавление. С. 65.

КОСЫХ В. И. Церковно-археологические общества Русской Православной Церкви (конец XIX — начало XX вв.) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2009. № 3. С. 121–126.

КОЛЕСНИКОВА М. Е., ЕРМОЛЕНКО Л. П., АШУБА А. Е. V археологический съезд и изучение кавказских древностей // История: факты и символы, № 4 (21), 2019 г., сс. 46–54.

ЛУГАЧЕВА А. Л. Севастопольский городской статистический комитет: основные направления деятельности (1835–1856) // Научный вестник Крыма № 1 (36), 2002, сс. 1–9.

МУРАШОВ Д. Ю., ПЕРВУШКИН В. И. Н. В. Калачов: судьба и память // Отечественные архивы. № 2, 2021 г. СС.134–137.

Неделя строителя, № 17, 1883 г.

ПЕРВУШКИН В. И. Губернские статистические комитеты и провинциальная историческая наука. Пенза: Изд-во ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2007.

ПИСАРЬКОВА Л. Ф. Губернские ученые архивные комиссии. 1884–1923 гг.: аннотированный указатель содержания изданий. Москва, Новый хронограф, 2015.

ПОЛЯКОВА Е. А., ВИТОВТОВА Г. И. Церковно-археологические учреждения России и их структурные подразделения во второй половине XIX — начале XX в. // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5. С. 256–261.

ПОПРУЖЕНКО М. Г. Императорское Одесское общество истории и древностей // ИВ. 1914. № 11. С. 544–555.

СТЕПАНОВСКИЙ А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г.— М., 1975.— С. 38–55.

СТОЯНОВ Р. В. Т. I–II: Императорская археологическая комиссия (1859–1917). История первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы, Том I–II., СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2019.

ТУНКИНА И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.

ФИЛИМОНОВ С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии (1887–1931 гг.). Изд-е 2-е, перераб. И доп. Симферополь: ЧерноморПРЕСС, 2004.

ШАМАНАЕВ А. В. Организационные принципы деятельности Одесского общества истории и древностей // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 7 Серия Интеллектуальная история. Выпуск 4, 2010, сс. 243–254.

ШАМАНАЕВ А. В. Н. П. Кондаков и VI археологический съезд в Одессе (1884) // Via in tempore. История. Политология, 17 (1(96)), 2011 г., СС. 71–76.

ШАМАНАЕВ А. В. Охрана культурного наследия в Российской империи: учебное пособие. Екб: изд-во Уральского университета, 2018 г.

ШАМАНАЕВ А. В. Русский археологический институт в Константинополе и Всероссийские археологические съезды. // Византийский временник.— Т. 102, 2018 г. СС. 326–334.

ЩАВЕЛЕВ С. П. Губернские статистические комитеты в истории русской археологии // Археология Евразийских степей. № 5, 2021 г., С. 29–41.

Непомнящий А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь

КОММУНИКАЦИИ АКАДЕМИКА А. Е. КРЫМСКОГО В СРЕДЕ КРЫМОВЕДОВ

Непомняччи А. А.

COMMUNICATIONS OF ACADEMICIAN A. E. KRYMSKY IN THE ENVIRONMENT OF KRYMSKY STUDIES

Имея созвучную с именем полуострова фамилию, академик Всеукраинской академии наук, востоковед-арабист, тюрколог Агафангел Ефимович Крымский (1871–1942) в научной и научно-организационной деятельности уделил немало внимания системному изучению исторических сюжетов, связанных с Крымом. Естественным было его ученое и дружеское общение со сложившимися к тому времени деятелями исторического крымоведения. Этот сюжет научной биографии А. Е. Крымского полностью выпал из разработанной на сегодняшний день канвы его биографии [Агатангел... 2006; Епістолярна... 2005; Циганкова 2007].

Выпускник Коллегии Павла Галагана в Киеве продолжил обучения в специальных классах Лазаревского института восточных языков в Москве (окончил в 1892 г.). Сыграв выдающуюся роль в истории востоковедения, Лазаревский институт восточных языков являлся одним из центров изучения крымской ориенталистики. Институт инициировал экспедиционные и теоретические исследования в области истории, этнографии, интерпретации источников по истории крымских армян, татар, караимов [Непомнящий 2008: 207–236]. Интересную информацию об этом предоставляют материалы архивного собрания Института, которые оформились в отдельный фонд (две описи). Там сохранилось и личное дело студента специальных классов Института, Агафангела Крымского, который

наравне с проблемами Ближнего Востока активно интересовался тюркологией [Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 213, оп. 2, д. 891, л. 3–7].

Из досоветского научного наследия востоковеда для крымоведов интересна монография «Мусульманство і його будучність», вышедшая в книжной серии «Літературно-наукова бібліотека» [Кримський, 1904]. В книге представлена подробная этнографическая характеристика караимов и крымских татар. В специальном разделе, посвященном просвещению, А. Е. Крымский охарактеризовал состояние крымскотатарского народного образования, остановился на разноплановой работе крымскотатарского общественного деятеля Исмаила Гаспринского, осуществляемой с помощью периодического органа — газеты «Переводчик-Терджиман». Этот же сюжет лег в основу публикации А. Е. Крымского в московском журнале «Этнографическое обозрение» [Крымский 1905]. В ней оценивается положение дел в области национального народного образования и сделан вывод о том, что в Крыму делается больше, чем в других российских регионах, благодаря энергии И. Гаспринского и его приверженцев из Симферопольской татарской учительской школы. Сокращенный вариант этой статьи напечатан в газете «Терджиман» в переводе И. Гаспринского. В 30-е годы XX века Агафангел Ефимович вспоминал, что он стал пристально следить за состоянием крымскотатарской литературы и образования с 1889 года — времени начала учебы в Лазаревском институте. «Здавна знайомий я був з патріархом кримського письменства І. Гаспринським і його спільниками <...>, з великою симпатією підтримував і підтримую особисті знайомості з головними діячами кримського літературного життя» А. А. Ляtif-заде, Я. М. Якубом-Кемалем, — вспоминал ученый [Прицяк 1992: с. 18].

Неизвестные крымоведам рукописные материалы досоветского периода сохранились и в личном архивном фонде и «Архиве А. Е. Крымского», которые отложились в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского. В последнем обзоре фонда, подготовленном в 2002 году, содержатся многочисленные прорехи в описании состава коллекции [Клименко 2002]. До сих пор «Архив А. Е. Крымского»

не имеет полноценной описи, а единственным ориентиром служит составленная в послевоенные годы рукописная картотека. В рукописи статьи «Народная словесность тюркских племен», датированной концом XIX века, А. Е. Крымский провел аналогии в развитии крымскотатарского и турецкого народного творчества, проанализировал крымскотатарский народный эпос о Ходже Насреддине [Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее — ИРНБУВ), ф. 1, ед. хр. 25341, л. 1–29]. Сохранившиеся заметки ученого по истории полуострова (начало XX века) свидетельствуют о стойком интересе ориенталиста к различным аспектам крымоведения. Они оформлены в виде небольших очерков об отдельных местностях и пребывании в Крыму известных деятелей первой половины XIX века [ИРНБУВ, ф. 1, ед. хр. 25678, л. 1–2]. Эти статьи готовились для справочно-просветительского издания Гранат, в котором востоковед активно сотрудничал.

В 1926–1928 годах профессор арабской словесности и истории мусульманского востока Киевского института народного образования им. М. П. Драгоманова, непреременный секретарь и руководитель историко-филологического отделения Всеукраинской академии наук А. Е. Крымский совершил несколько научных поездок по Крымскому полуострову экспедиционного характера. Целью был сбор этнографического материала и знакомство с документами местных архивов и библиотек о средневековом прошлом региона. Именно тогда при посредничестве семьи украинских историков Наталии Дмитриевны и Николая Прокопьевича Василенко [Непомнящий 2018] произошло знакомство А. Е. Крымского с А. И. Маркевичем, без которого, по справедливому замечанию хорошо знавшей их обеих Н. Д. Полонской-Василенко, архивные штудии киевского исследователя в Крыму не принесли бы нужных результатов. Итогом активных контактов Маркевича с А. Е. Крымским и Н. П. Василенко стало баллотирование А. И. Маркевича в академики Всеукраинской академии наук в 1929 году (уже после избрания Арсения Ивановича членом-корреспондентом АН СССР в 1927-м) [Непомнящий 2005: 206–209]. Однако в украинские академики он не был избран. Тогда же у Крымского и Маркевича зародилась идея подготовить под эгидой украинской академии научное издание, посвященное крымской тематике.

Несмотря на обвинения в национализме, отстранение от должностей и даже аресты А. Е. Крымскому удалось в 1930 году организовать выпуск довольно интересного тематического номера «Збірника Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук», который известен в историографии крымоведения под названием «Студії з Криму». В сборнике вместе с рядом украинских исследователей в откровенно некачественном переводе на украинский язык были помещены присланные А. Е. Крымскому статьи крымских историков О. А. Акчокраклы по антологии крымскотатарской поэзии, А. И. Маркевича из цикла «Из культурного прошлого Крыма XIX столетия», Я. М. Якуба-Кемаля об арабской рукописи XIII столетия [Студії... 1930]. Выпуск «Студій з Криму» получился довольно интересным и вызвал положительные отклики в среде научной общественности [Дубровський 1930; Курц 1932; Szapszał 1934]. И это с учетом плохого перевода и того, что на украинский язык не были транслитерированы практически все инициалы в статьях. А в материале по истории культуры Крыма их, понятно, было много.

Успех первого выпуска, хорошие отзывы рецензентов побудили А. Е. Крымского и А. И. Маркевича взяться за подготовку второго тома. Как и в предыдущем случае, пригласили к сотрудничеству историков-востоковедов из Крымской АССР и Украины. 24 декабря 1930 года Арсений Иванович писал А. Е. Крымскому:

«Глубокоуважаемый Агафангел Ефимович!

Узнав из письма Н[аталии] Дм[итриевны] Василенко, что Вы согласны на передачу в Академию [Всеукраинскую академию наук.— А. Н.] моих работ для помещения их в ее изданиях, решаюсь побеспокоить Вас отсылкой статей на Ваше имя, так как больных Ник[олая] Прок[опьевича] и Нат[алию] Дм[итриевну] затрудняюсь утруждать. У меня готовы три статейки из серии: «Из культурного прошлого Крыма XIX ст.». Первая посвящена пок[ойному] А. Л. Бертъе-Делагарду, работа которого для Крыма, его родины, представляет замечательный эпизод в прошлом ее, а вторая передает историю вопроса об учреждении в Крыму в[ысшего] уч[ебного] заведения. Оба вопроса связаны с Украиной: Бертъе-Делагард много поработал в Николаеве и особенно в Одессе, да и мать его была уроженка

Украины (Черниг[овской] г[убернии]), а университет в Крыму был открыт при большом участии Киевского ун[иверсите]та и вначале был его филиалом.

Убедительно прошу Вас, Агафангел Ефимович, просмотреть их, и если Вы найдете их нестоящими помещения в «Студіях з Криму», то просто отослать, а если они, с Вашей точки зрения, достойны напечатания, передать в издательство или секретариат Академии на их уважение. Не посылаю туда прямо, боясь, в случае отказа, лишиться своих рукописей, чего не желал бы. Третья статья «Хр. Стевен и П. И. Кёппен, как крымские деятели» переписывается, и я вышлю ее, если позволите, Вам в начале будущего месяца. Этим и закончится серия моих статей о прошлом Крыма в XIX ст., т.к. продолжить их не смогу уже. Да и все равно они не скоро были бы изданы.

Очень рад, что Вы здравствуете и бодры. Позвольте пожелать Вам всего доброго в наступающем году.

Искренне и глубоко уважающий Вас А. Маркевич.

P. S. Посылаю эти статьи в Киев с тою целью, чтобы они, если достойны будут, помещены были в одних изданиях с вышедшими уже. Из всех их культурное прошлое Крыма выясняется полнее и яснее» [ИРНБУВ, ф. 1, ед. хр. 22440, л. 1–1 об.].

Сохранившиеся в «Архиве А. Е. Крымского» рукописи названных в письме статей А. И. Маркевича [ИРНБУВ, ф. 1, ед. хр. 22442] представляют несомненный интерес для крымоведческой историографии сложного периода начала 30-х годов XX века, когда были ликвидированы провинциальные краеведческие институты [Непомнящий 2022]. В «Архиве А. Е. Крымского» нами выявлена также рукопись известного крымского ориенталиста О.-Н. А. Акчокраклы «Краткий очерк крымско-татарской литературы» [ИРНБУВ, ф. 1, ед. хр. 25510, л. 1–7], направленная для публикации в этом же выпуске и оставшаяся в рукописи.

Выпустить второй том «Студій з Криму» Агафангелу Ефимовичу, к сожалению, не удалось. Ученый попал под кампанию борьбы с буржуазным украинским националистом и был вытеснен из научной жизни и репрессирован.

Бібліографія

АГАТАНГЕЛ Кримський: нариси життя і творчості / Ін-т сходознавства ім. А. Кримського НАН України; відп. ред. О. Д. Василюк, Ю. М. Кочубей, Е. Г. Циганкова. Київ: Стилос, 2006. 564 с.

ДУБРОВСЬКИЙ В. [Рецензія] // Східний світ. Харків, 1930. № 4/5(13/14). С. 298–301.

ЕПІСТОЛЯРНА спадщина Агатангела Кримського (1890–1941) / Ін-т сходознавства ім. А. Кримського НАН України: У 2-х т. Київ, 2005. Т. 1: 1890–1917. 500 с.; Т. 2: 1918–1941. 359 с.

КЛИМЕНКО І. В. Кримський Агатангел Юхимович // Особові архівні фонди Інституту рукопису: путівник / Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського НАН України; відп. ред. О. С. Онищенко. Київ, 2002. С. 276–282.

КРИМСЬКИЙ А. Мусульманство і його будучність: минула доля ісламу, теперішнє становище ісламських народів, їх інтелігентність, їх відносини до європейської цивілізації. Львів, 1904. — VI, 293 с.

КРЫМСКИЙ А. Школа, образованность и литература у российских мусульман: Культурно-этнографический очерк // Этнографическое обозрение. Москва, 1905. Кн. 63. С. 1–23.

КУРЦ Б. Г. Огляд літератури про Схід, що вийшла на Україні 1924–1932 рр.: [рукопись]. ИРНБУВ, ф. 10, оп. 1, д. 22986, л. 1–141. [1932 год].

НЕПОМНЯЩИЙ А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с.

НЕПОМНЯЩИЙ А. А. Подвижники крымоведения. Т. 2: Taurica orientalia. Симферополь, 2008. 600 с.

НЕПОМНЯЩИЙ А. А. Крымоведение в межличностных коммуникациях Н. Д. Полонской-Василенко: по материалам эпистолярного наследия // Пространство и Время. Москва, 2018. № 1–2. С. 169–180.

Непомнящий А. А. Новые материалы к биографии Б. Н. Засыпкина // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2022. Вып. 27. С. 711–723.

ПРИЦЯК О. Агатангел Кримський // Київська старовина. Київ, 1992. № 1. С. 11–26.

СТУДІЇ з Криму // Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. Київ, 1930. № 89: Філологічна катедра під керуванням А. Е. Кримського, тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму, I–IX. 211 с.

ЦИГАНКОВА Е. Сходознавчі установи в Україні: Радянський період. Київ: Критика, 2007.

SZAPSZAŁ S. [Рецензия] // Myśl karaimska. Wilno, 1934. Zesz. 10 (1932–1934). S. 103–105.

Охлупина И. С.

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

ОПАСНОСТИ МОРЯ В ОПИСАНИЯХ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИХ АВТОРОВ*

Okhlupina I. S.

THE DANGERS OF THE SEA IN THE DESCRIPTIONS OF LATE BYZANTINE AUTHORS

Исторические произведения интеллектуалов поздневизантийского периода изобилуют описаниями морских путешествий и опасностей, которые поджидали моряков и купцов в беспокойном и бескрайнем море. Повышенный интерес писателей к морской проблематике в данный период отражал космополитичный характер съезжившейся империи, густонаселенной и находящейся в окружении самых разных народов, с одной стороны, и посещаемой торговцами, паломниками и другими путешественниками, — с другой [Ephymiadis 2018: 121]. В этих сочинениях мы встречаем описания открытого моря, неблагоприятных ветров, последствий ударов стихии, кораблекрушений, нападений пиратов, что позволило некоторым ученым утверждать, что византийцы не любили море и боялись его [Cosentino 2013: 66, 73; Kazhdan 2009: 263–264].

В нашем докладе мы проанализируем описания морских опасностей в сочинениях поздневизантийских историков «Истории о Михаиле и Андронике Палеологах» Георгия Пахимера [Georges Pachymérès, 1984] и «Истории ромеев» Никифора Григоры [Nicephori Gregorae Historiae Byzantinae, 1829, 1830, 1855]. Авторы отмечают непредсказуемость моря, которое постоянно подвергало корабли и моряков риску бури, кораблекрушения и смерти мореходов от утопления. Повествуя о морском кора-

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

блекрушении, которому подвергся один из кораблей посольства, отправленного Михаилом VIII (вероятно в конце сентября 1261 г.) по случаю вестей об избрании Урбана IV, Георгий Пахимер указывает на «дурное время» для плаваний в начале месяца крония [Georges Pachymérès 1984: 507]. Автор сообщает о сильных порывах разносторонних ветров, которые произвели на море до того страшную бурю, что угрожали плывущим опасностью. Пристань Малею, от которой отправлялись корабли, Пахимер называет древоядной [Georges Pachymérès 1984: 507], намекая на то, что этот весьма опасный для мореплавателей мыс Пелопоннеса, как из-за своего расположения, так из-за дующих около него ветров, разрушает и пожирает построенные из дерева корабли [Георгий Пахимер 1862: 365, сноски 1].

В рассказе о плавании Михаила VIII с сыновьями от Силимврии до Редеста, Пахимер повествует об опасностях, с которыми пришлось столкнуться путникам, поскольку погода вдруг переменилась в бурную, и море, дотоле тихое, от жестокого сильного ветра сильно взволновалось. Корабль был близок к потоплению, и кормчий, борясь со стихией, уповал лишь на помощь Бога [Georges Pachymérès 1984: 663]. Пахимер убежден, что всякое морское искусство было тогда сопряжено с висевшею над головами пустившихся в путь опасностью [Georges Pachymérès 1984: 663]. Поэтому перед морским путешествием византийцы нередко молились Богу [Mullett 2000: 267], а также к святым и ангелам [Laiou 1993: 89], чтобы они уберегли их от опасности в открытом море.

В другом эпизоде Георгий Пахимер сообщает о собственных злоключениях, которые ему пришлось пережить во время путешествия по морю. В компании нескольких спутников Пахимер посетил патриарха Арсения (июль — август 1265 г.), который находился в изгнании, чтобы сообщить ему решение императора и собора [Georges Pachymérès 1984: 373]. По их возвращении разразился ужасный шторм. Пахимер и его спутники искали прибежища в гавани Галилолимена на северо-западе острова Мармара [Georges Pachymérès 1984: 375]. В полночь, по сообщению историка, случилось землетрясение, под воздействием которого часть горы оторвалась и, упав в море, произвела в том месте наводнение. Автор пишет о том, что

стоя на морском берегу, он со спутниками думал, что непременно потонет [Georges Pachymérès 1984: 377]. Все эти события были истолкованы автором как результат того, что, отправившись в обратный путь, они не испросили благословения патриарха [Georges Pachymérès 1984: 375, 377].

Григора, описывая неприятности, с которыми столкнулись венецианские корабли на пути к Константинополю, отмечает, что непогоду корабли обычно пережидали у островов (Крита, Эвбеи, Кикладских островов, Тенедос) при наличии удобных гаваней и пристаней, при отсутствии гаваней, достаточных для размещения флота (как это было на островах Пропонтиды), они пережидали непогоду, стоя на якоре в открытом море. Но несмотря на усилия кормчих, некоторые из кораблей все же погибли, разбившись ночью о камни и мели [Nicephori Gregorae 1855: 85–86].

Еще одной опасностью, с которой можно было столкнуться в море, по сообщениям поздневизантийских авторов, были нападения пиратов. Они упоминают пиратов латинского, греческого и турецкого происхождения. Пахимер в своем произведении сообщает о рейдах генуэзских пиратов, которые беззастенчиво грабили купцов Эвксинском (Черном) море, собирая много добычи, а также о борьбе императорского флота с этой напастью [Georges Pachymérès 1984: 537, 539].

Григора отмечает, что роспуск флота после смерти Карла I Анжуйского (1285 г.) стал для ромеев началом и твердым основанием их бедствий [Nicephori Gregorae 1829: 174–175]. Автор пишет, что разные пиратские триеры стали безбоязненно подплывать к самому городу (Константинополю). От этого стали страдать острова и приморские местности, не имевшие решительно никаких возможностей отражать их нападения [Nicephori Gregorae 1829: 175]. Автор также повествует о нападениях грозного латинского пирата Роджера (Рожера де Флора (1265–1305 гг.)), который во главе войска, набранного из людей низких и грубых в Нижней Иберии и Галатии, не только нападал на корабли, шедшие с грузом с севера и юга, но плавая там и сям, и причинял вред и большим островам и слыл грозой Нижнего моря (Тиррентского моря) [Nicephori Gregorae 1829: 218]. Упоминает он также латинянина Мартина Заккария, правителя Хиоса, который грабил население близлежащих территорий Азии и других пиратов,

которые плавали на кораблях вокруг островов [Nicephori Gregorae 1829: 438–439]. Повествуя о страдании Византия (Константинополя) и большинства ромейских городов от нехватки хлеба, Григора указывает на частые набеги турецких пиратов на Фракию, захват ими рабов и уничтожение урожаев зерна. По этой же причине, прекратилась доставка зерна по Эвксинскому Понту (Черному морю) [Nicephori Gregorae 1830: 683]. В другом эпизоде Никифор Григора повествует о вооруженных до зубов латинских пиратах, которые захватив (в сер. XIV в.) одну ромейскую рыбацью лодку, в проливе, ведущем к Черному морю, большинство из них предали мечу [Nicephori Gregorae 1830: 844].

Страх гибели в море в данное время оставался одной из наиболее ужасающих фобий, укоренившихся в воображении византийских интеллектуалов, поэтому морской шторм стал великолепной метафорой для обозначения перипетий и сложностей человеческой жизни и непростых испытаний, с которыми сталкивалась империя ромеев. Так, Пахимер, подчеркивая бессмысленность действий патриарха Арсения, указывал на то, что его надежды походили на надежды упавшего с корабля, который в надежде спастись, хватался за морскую траву [Georges Pachymèrès 1984: 381]. Григора неоднократно использует метафору шторма для описания споров и раздоров в христианской церкви [Nicephori Gregorae 1855: 55], а также междуусобиц, разгоревшихся в правление Иоанна VI Кантакузина [Nicephori Gregorae 1855: 93].

Таким образом, опасности моря в восприятии Георгия Пахимера и Никифора Григоры ассоциировались с неблагоприятным для плавания зимним временем, сильными разнонаправленными ветрами, штормовой погодой, а также с пиратскими нападениями. В качестве причин, которые приводили к неприятностям в путешествии по морю упоминались как рациональные, связанные с погодными условиями, а также политической обстановкой в регионе, например, роспуском византийского флота и доминированием итальянских морских республик, так и иррациональные, как например отсутствие благословения патриарха. Спасению кораблей под ударами стихии способствовали, по замечаниям авторов, как мореходное искусство кормчих, принимавших мудрые решения, так и Божье

заступничество за путников. Метафорическое использование морской тематики продолжало литературные традиции, оформившиеся еще в раннехристианскую эпоху. Как море, так и связанные с ним опасности, сохраняли всепроникающее значение в жизни и сознании населения ромейского государства поздневизантийского периода, о чем свидетельствуют, в частности, работы Георгия Пахимера и Никифора Григоры.

Библиография

- Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. / ред. проф. Карпов. СПб., 1862.
- Cosentino S. *Mentality, Technology and Commerce: Shipping amongst the Mediterranean Islands in Late Antiquity and Beyond // The Insular System of the Early Byzantine Mediterranean. Archaeology and history* / Ed. by D. Michaelidis, P. Pergola, E. Zanini. Oxford, 2013. P. 65–76.
- Ephymiadis S. *The Sea as Topos and as Original Narrative in Middle and Late Byzantine Hagiography // Ein Meer und seine Heiligen. Hagipgraphie im mittelalterlichen Mediterraneum*. München, Paderborn, 2018. S. 109–121.
- Georges Pachymères. *Relations historiques. Vol. 2: Livre IV–VI*. / éd., trad. A. Faller. Paris, 1984.
- Kazhdan A. *Ships in storms: on imagery and historical interpretations // Kazhdan A. Franklin S. Studies on byzantine literature of the eleventh and twelfth centuries*. Paris, 2009. P. 263–278.
- Laiou A. E. *Byzantine traders and seafarers // The Greeks and the sea*. / Ed. By Vryonis. 1993. P. 79–96.
- Mullett M. E. *In peril on the sea: travel genres and the unexpected // Travel in the Byzantine World. Papers from the Thirty-Fourth Spring Symposium of Byzantine Studies, Birmingham, 2000*. P. 259–284.
- Nicephori Gregorae *Historiae Byzantinae. Volumen I // Corpus Scriptorum historiae Byzantinae* / ed. I. Bekker. Bonn, 1829
- Nicephori Gregorae *Historiae Byzantinae. Volumen III // Corpus Scriptorum historiae Byzantinae* / ed. I. Bekker. Bonn, 1830.
- Nicephori Gregorae *Historiae Byzantinae. Volumen III // Corpus Scriptorum historiae Byzantinae* / ed. I. Bekker. Bonn, 1855.

Пак Б. Б.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

РОЛЬ РОССИИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ БОЛГАРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Рак В. В.

THE ROLE OF RUSSIA IN THE BUILDING OF THE BULGARIAN STATE

1. Усилия России по подготовке основ будущего государственного управления Болгарии

Важным итогом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. являлось создание “Великой Болгарии”, объединявшей болгарское население полуострова. Ее зависимость от Порты в значительной степени носила формальный характер, поскольку создавалось “самоуправляющееся княжество” с христианским правительством и земским войском, князь которого избирался населением Болгарии, утверждался Портой с согласия европейских держав.

В первые послевоенные годы влияние России среди местного населения было велико. Россия пыталась стабилизировать обстановку, ослабить противостояние славян и мусульман. Но основное внимание было сосредоточено на Княжестве Болгария, где русская гражданская администрация, временно осуществлявшая руководство страной, занималась также подготовкой основ ее будущего государственного управления.

По условиям Берлинского трактата, Болгария, будучи вассальным княжеством в составе Османской империи, после ее освобождения в результате Русско-турецкой войны 1877–78 годов до 5 июля 1879 г. находилась под управлением российской администрации, которую возглавлял верховный комиссар князь Александр Дондуков-Корсаков. При активном

участии Временной российской администрации, создавалось Болгарское княжество, была вооружена болгарская армия, обучена гражданская администрация, учрежден действующий и поныне Болгарский народный банк и другие государственные институты.

При активном участии России была создана конституция, которая должна была отразить постепенное высвобождение Болгарии от турецкой зависимости. Петербургский кабинет боролся за передачу всех ключевых позиций на Балканах Болгарии.

Выработка устава будущего управления княжества должна была проводиться под наблюдением российского комиссара в «присутствии комиссара оттоманского» [Татищев, 1903, 512]. Это давало возможность России руководить подготовкой проекта Новой конституции Болгарии.

1.1. Конституция Болгарии

Проект Конституции Болгарии, названный Органическим уставом, был выработан видными юристами в Петербурге при участии российской администрации в Болгарии и населения Княжества (в совете российского комиссара в Болгарии и пересмотрен в особой комиссии, образованной при II Отделении Собственной Его Величества канцелярии, состоявшей из главноуправляющего отделением князя С. Н. Урусова, статс-секретаря Ф. А. Бруна, вице-директора Азиатского департамента МИД А. А. Мельникова и профессора государственного права Петербургского университета А. Н. Градовского [Матвеев, 1887, 26]. При его составлении учитывались внутренние нужды страны, международная обстановка и внешнеполитический резонанс этого акта. Новая конституция должна была приглушить недовольство болгар условиями Берлинского договора, поднять авторитет России на Балканах, определить отношения между новым государством и султанской Турцией. Проект устава, по утверждению Александром II, был передан князем А. М. Дондуковым-Корсаковым на обсуждение созванного им собрания именитых людей Болгарии Болгарии [Матвеев, 1887, 26].

Сессия тырновского учредительного собрания продолжалась около 6 недель, в течение которых оно пересмотрело и переработало проект Органического устава, переименовав его в «конституцию Болгарского княжества».

1.2. Государственные институты

По Органическому уставу Болгария признавалась конституционным представительством, разделявшим законодательную власть с князем; учрежден государственный совет, который должен был заменить верхнюю палату, введено всеобщее голосование, не упомянуто о вассальном отношении Болгарии к султану. Утверждалась свобода совести и мысли, личности, слова, собраний, запрещалась цензура. Все граждане страны признавались равными перед законом; неприкосновенным считалось право частной собственности; для всего мужского населения (христиан и мусульман) вводилась обязательная воинская повинность. Избирательное право распространялось на мужчин, достигших 21 года, без учета имущественного и образовательного ценза.

Тырновская конституция провозгласившая прогрессивные институты, для своего времени являлась одной из самых передовых конституций в Европе [Князь Дондуков-Корсаков - Александру II , 19 февраля 1879 г. в кн.: Татищев, 1903, 525].

17 апреля в Тырнове, после торжественного молебна на площади, русский комиссар открыл великое народное собрание, созванное, на основании конституции для избрания князя. На нем по предложению софийского митрополита Климента единогласно владельческим и наследственным князем Болгарии был избран принц Александр Баттенбергский [Князь Дондуков-Корсаков - Александру II , 17 апреля 1879 г. в кн.: Татищев, 1903, 527].

Трудную задачу введения в Болгарское княжество правильного государственного устройства временное русское управление исполнило в определенный конгрессом 10-месячный срок. Организованы были на основании изданных русской властью части административная, финансовая, судебная

и учебная; все должности распределены между болгарами. Для новоизбранного князя был приготовлен в Софии дворец со всем необходимым. Наконец, в его распоряжение был передан образовавшийся в казне княжества избыток доходов над расходами в 14 млн франков.

1.3. Усилия русского временного управления по созданию болгарской армии

Но главные усилия русского временного управления направлены были к созданию болгарской армии. С этой целью введена в княжестве всеобщая воинская повинность на основах, схожих с принятыми в России, образовано земское войско в составе 27 пехотных дружин, 4 сотен кавалерии, 6 полевых батарей, одной роты осадной артиллерии, одной саперной строевой и одной саперной же учебной роты. Подарена княжеству русская дунайская флотилия, а также все конские ресурсы в Болгарии в количестве 20 000 голов. Осталось служить в болгарской армии в качестве инструкторов и для занятия высших военных должностей 394 русских офицера, из них 36 болгарского происхождения, а русских нижних чинов — 2700. Во главе вооруженной силы княжества по образованию князем Александром первого болгарского министерства поставлен русский генерал, в звании военного министра [Князь Дондуков-Корсаков - Александру II , 19 февраля 1879 г. в кн.: Татищев, 1903, 528].

Усилиями российских офицеров в стране была создана армия, успехи которой выявились уже в ходе сербо-болгарской войны 1885 г. Военным министром первого болгарского правительства, возглавляемого Т. Буромовым был русский генерал. участник русско-турецкой войны П. Паренсов, офицер высокого профессионализма. Военное министерство России в лице Д. А. Милютина поддерживало деятельность П. Паренсова по созданию сильной болгарской армии, способной оказать в случае необходимости помощь России.

В подготовке болгарской армии участвовало более 3,5 тыс. русских офицеров.

Александр II убедил Абдул-Гамида отказаться от намерения вводить свои войска в автономную область Восточной Румелии [Князь А.Б.Лобанов-Ростовский -Князю Горчакову, 23 февраля 1879 г. в кн.: Татищев, 1903, 521].

При выборе на поста Генерал-губернатора Восточной Румелии русскому послу в Константинополе Князю А. Б. Лобанову-Ростовскому удалось остановить окончательный выбор султана на Александре Богориде, лице болгарского происхождения и православном по вероисповеданию. Новый генерал-губернатор въезжал в Филиппополь 15 мая и три дня спустя вступил в управление областью [Генерал Столыпин – Князю А.Б.Лобанову-Ростовскому, 18 мая 1879 г. в кн.: Татищев, 1903, 523].

1.4. Дипломатические отношения

Россия стала первым государством, признавшим независимость Болгарии, а русский дипломатический представитель вручил первым из всех дипломатических агентов свои верительные грамоты Фердинанду Саксен-кобург-готскому. Дипломатические отношения Москва и София установили на третий день существования суверенного болгарского правительства, сформированного 5 июля 1879 года под председательством Тодора Буромова (1834–1906).

Особое место занимало русское влияние по линии русских дипломатических представительств в Болгарии: посольство и пять консульств. В них болгары обращались по самым различным вопросам.

Благодаря финансовой помощи России были урегулированы экономические взаимоотношения между Болгарией и Турцией. Независимое Болгарское государство получило международное признание.

«Строго придерживаться духа и буквы Берлинского трактата»,— такова была программа дипломатическим представителям России при иностранных дворах. Если последствием ее будет всеобщее умиротворение, рассуждал князь Горчаков в инструкции российскому посланнику в Константинополе Князю А. Б. Лобанову-Ростовскому от 23 января 1879 г, то Россия может только выиграть от прекращения неопределенного

положения, тяжелым бременем лежащего на ней; если же напротив она приведет к усложнениям, то лучше для России встретиться с ними, сосредоточив внутри себя свои силы [Князь Горчаков – Князю А.Б.Лобанову-Ростовскому, 23 января 1879 г. в кн.: Татищев, 1903, 528].

Библиография

ТАТИЩЕВ С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. В двух томах. СПб.: Издание Суворина А. С., 1903. Т.II.

МАТВЕЕВ П.А. Болгария после Берлинского Конгресса. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашева и К°, 1887.

Пашкин Н. Г.

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

КРЫМ И ЗОЛОТАЯ ОРДА В ЗЕРКАЛЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ СИГИЗМУНДА ЛЮКСЕМБУРГА С ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ*

Pashkin N. G.

CRIMEA AND THE GOLDEN HORDE IN THE MIRROR OF THE CONFRONTATION BETWEEN SIGISMUND LUXEMBOURG AND THE VENETIAN REPUBLIC

В 1930 г. немецким специалистом Г. Хаймпелем впервые был опубликован источник, отразивший один из эпизодов истории генуэзских колоний Крыма [Heimpel 1930: 154–156]. Контекст этого документа ведет нас на арену международной политики начала XV в. Речь идет о дипломатическом послании, отправленном в Каффу вместе с посольством германского короля Сигизмунда Люксембурга (король Венгрии в 1387–1437 гг., с 1410/1411 г. — германский король, с 1433 г. — император). Точное время его выхода историкам неизвестно, как и время прибытия упомянутой миссии в Крым, но есть основания считать, что решение о ее отправке было принято весной или летом 1412 г. В коротком послании король призывал власти крымско-генуэзской фактории к сотрудничеству. В частности, им предлагалось направлять товары, идущие через Каффу в Европу, морским путем в Килию — гавань в устье Дуная, являвшуюся еще одним опорным пунктом генуэзцев на территории, подконтрольной в тот момент господарю Валахии.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ 1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них»

Исследователи справедливо усматривают в действиях короля Сигизмунда попытку оживить транзитную торговлю с Востоком по Великому Шелковому пути. В этом случае важное значение для Люксембурга приобретали отношения непосредственно с золотоордынскими правителями, и весной-летом 1412 г. обстановка в Орде могла таким отношениям действительно способствовать. Годом ранее власть в Сарае захватил хан Джелаль-ад-Дин (1411–1412), известный своими тесными связями с литовским князем Витовтом (1392–1430), в том числе участием на стороне Литвы в битве под Грюнвальдом (1410) с войсками Тевтонского ордена. Весной 1412 г. в венгерской столице Буде сам Витовт был участником встречи Сигизмунда с королем Польши Владиславом Ягайло (1386–1434). Зафиксировано и появление на той встрече ордынских послов [Гулевич 2018: 138]. Именно состоявшиеся в Буде переговоры и могли стать предпосылкой для последующего контакта Люксембурга с Кафрой. Не исключено, что конечной целью делегации была и ставка самого ордынского хана. Впрочем, в сентябре 1412 г. хан Джелаль-ад-Дин был свергнут и убит.

Действия Сигизмунда, предпринятые им в направлении Крыма и Золотой Орды, традиционно рассматриваются в контексте конфликта короля с Венецианской республикой. Формальной причиной самого конфликта была борьба Венеции и венгерской короны из-за Далмации, которая стартовала в 1409 г. после того, как Республика выкупила номинальные права на далматинские города адриатического побережья у неаполитанского короля Владислава Дураццо (1386–1414), выступавшего в роли титулярного правителя Венгрии. В сентябре 1411 г. конфликт перешел в военную фазу и с перемириями длился до 1433 г. При этом к моменту начала войны масштаб противостояния вышел на новый уровень, так как перед этим Сигизмунд стал германским королем, вследствие чего в конфликт была вовлечена Империя.

Помимо военных средств, Сигизмунд использовал против морской Республики комплекс мер экономического характера, целью которых была торговая блокада Венеции. Поскольку же она была невозможна без нахождения альтернативных путей доставки восточных товаров в Европу,

то именно в этом видится объяснение предпринятой королем попытки переговоров с администрацией Каффы. Однако подобное объяснение не раскрывает всей картины. На самом деле действия Сигизмунда в области международной торговли имели настолько серьезные последствия для всего континента, что их причины едва ли можно выводить из регионального по своему характеру конфликта вокруг Далмации. Это видно и по тому, что борьба с Венецией объединила в политике Сигизмунда внешне очень далекие друг от друга локальные события. Приблизительно к тому же времени, что и приведенный выше источник, относится опубликованное в 1896 г. письмо Люксембурга английскому королю Генриху IV (1399–1413) [Acta Concilii Constanciensis 1896: 89–92]. Сигизмунд обращался к последнему, видя в нем потенциального союзника против Венеции. Как следовало из документа, автор рассчитывал также на вступление в коалицию польского короля и византийского императора. Параллельно ставился вопрос о посредничестве Люксембурга в конфликте политических группировок во Франции и в отношениях между польской короной и Тевтонским орденом. Финалом всех намеченных планов должен был стать созыв Вселенского собора, на котором следовало положить конец латинской схизме, длившейся с 1378 г., а затем принять унию между западными христианами и греко-православным миром. Завершить собор предстояло объявлением Крестового похода против турок. Таким образом, интересы короля простирались от Ла-Манша до Босфора. Посланию в Лондон, скорее всего, предшествовало соглашение Люксембурга с польским королем от 15 марта 1412 г. Известно и обращение Сигизмунда к византийскому императору с предложением о союзе против венецианцев и турок на основе церковной унии.

Факты указывают на то, что Сигизмунд, пытаясь изолировать Венецию от европейского рынка, стремился связать его с черноморским бассейном и использовать торговый тракт, ведущий далее к нижней Волге. Этот проект напрямую задевал интересы Польши, которая соперничала с Венгрией на нижнем Дунае, а также интересы союзника польской короны — княжества Литовского, чья сфера влияния простиралась до Черного моря. За политическими силами Восточной Европы открывались уже интересы

ганзейских городов. Но если принять во внимание, что одновременно решался вопрос о правах на Далмацию, то в этом проекте можно усматривать более амбициозную попытку. Она нацеливалась на то, чтобы связать север Европы на Балтике еще и со Средиземноморьем в обход Венеции.

Необходимо задаться вопросом: чьи интересы лежали в основе политики Сигизмунда? Если бы это были только интересы венгерской короны, вступившей с Венецией в борьбу на Адриатике, то едва ли это могло иметь такие серьезные последствия. В роли союзника Люксембурга иногда предполагается Генуя — конкурент Республики св. Марка. Однако отношения короля с Генуей во время его войны с Венецией не демонстрировали никаких признаков политического сближения. Прослеживается лишь попытка короля установить контакт не с самой Генуей, а с генуэзскими факториями. Немаловажный факт состоит в том, что конфликт Люксембурга с Венецией, начавшийся вокруг Далмации, протекал в основном на территории Италии, где Сигизмунд формально выступал в защиту интересов Империи. Здесь роль его потенциального союзника исполнял папа, но за самим понтификом угадывается в тех событиях политическая игра вовсе не Генуи, а Флоренции. Косвенно это подтверждают и другие известные факты [Пашкин: 2021].

Первые предпосылки грядущего столкновения венгерского короля с Венецией проявились в 1407–1408 гг. За год до этого в 1406 г. под контроль Флоренции перешла Пиза — бывшая морская республика. Морские амбиции самой Флоренции, однако, не сделали ее политическим противником Венеции. В силу своего расположения внутри полуострова у нее не было никаких шансов в открытом конфликте против нее. Есть основания предполагать, что Флоренция пыталась надавить на Венецию, используя альянс между германским королем и папой. В 1409 г. при поддержке Флоренции состоялся Пизанский собор, на котором под предлогом преодоления Великой латинской схизмы (1378–1415) был избран папа Александр V (1409–1410). Последнего в 1410 г. сменил Иоанн XXIII (1410–1415), при котором флорентийский дом Медичи начал ведать финансовым ведомством понтифика. Одновременно началось выдвижение Люксембурга на роль германского короля и претендента на императорскую корону, что означало переход венгерско-венецианского

конфликта из-за Далмации в имперско-венецианский. Осенью 1410 г. состоялось избрание Сигизмунда первой группой курфюрстов.

Происходившие на Западе события перекликаются с тем, что происходило в Крыму. Первый раз Джелаль-ад-Дин захватил власть на полуострове в январе 1411 г. В следующем месяце в Болонье открылись переговоры между венецианцами и посольством от Сигизмунда при посредничестве папы. Переход генуэзских факторий на Черном море под контроль потенциальных союзников короля — князя Литвы Витовта и самого Джелаль-ад-Дина — мог сыграть роль обстоятельства, игравшего на руку венгерской стороне на переговорах. Но их цель тогда не была достигнута, а в Крыму уже в феврале 1411 г. Джелаль-ад-Дин потерпел поражение от правителя Орды Тимур-хана. Однако в июне того же года Джелаль-ад-Дин не только вернул себе власть над Крымом, но и менее чем через месяц захватил Сарай [Гулевич 2018: 132–137]. Параллельно конфликт Люксембурга с Венецией начал приближаться к своей военной фазе. В июле 1411 г. последняя группа курфюрстов признала за Сигизмундом статус римского короля. В сентябре им была начата война с Венецианской республикой. Нахождение в тот момент во главе Золотой Орды Джелаль-ад-Дина могло только способствовать подобному повороту событий, за которыми стояли интересы городов Италии на международном рынке.

Библиография

Acta Concilii Constanciensis / Hrsg. von H. Finke. Münster, 1896. Bd. 1.

Heimpel H. Zur Handelspolitik Kaiser Sigismunds // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1930. Vol. 23. S. 145–156.

Гулевич В. П. От ордынского улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань, 2018.

Пашкин Н. Г. Средиземноморский вектор международных отношений в зеркале конфликта Сигизмунда Люксембурга с Венецией (1411–1413) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. URL: <https://history.jes.su/s207987840015139-1-1/>

Пономарев Л. Ю.

Независимый исследователь

АНТИЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ КРЕПОСТИ ЕНИ-КАЛЕ: ЗАГАДКА И СУДЬБА ОДНОГО ИЗ НАДГРОБИЙ

Ponomarev L. Yu.

ANTIQUES OF THE FORTRESS OF YENI-KALE: THE MYSTERY AND THE FATE OF ONE OF THE TOMBSTONES

С конца XVIII в. Крым стал своего рода «Меккой» для русских и европейских ученых и путешественников. Многие из них побывали в Керчи, оставив в своих записках и трудах описание найденных, как в самом городе и его окрестностях, так и на Таманском полуострове, античных древностей, в том числе надгробий, скульптур и архитектурных мраморных деталей. В числе прочих, неоднократно упоминались и «антики» крепости Ени-Кале. Судьбу одного из них мы и попытаемся проследить.

Первым об античных древностях, собранных в крепости Ени-Кале и ее форштадте, в 1786 г. упомянул Шарль Жильбер Ромм, сопровождавший в поездке по Крыму, в качестве домашнего учителя, юного графа П. А. Строганова. У стены юго-западного («водяного») бастиона (фланкирующего «Керченские» ворота) он обратил внимание на «общественный фонтан», вода из которого стекала в перевернутую крышку мраморного саркофага — «большой мраморный бассейн. Он был привезен сюда из Тамани, где служил тому же назначению; это — покрытие с могилы такой же формы, как и древнегреческие». На берегу, к востоку от крепости, рядом с карантинными строениями он увидел «две колонны, две капители, пьедестал, двух львов — все это из белого мрамора и также привезено из Тамани». И наконец, в доме обер-коменданта крепостей Керчь, Ени-Кале

и Фанагория (с 1 января 1783 по 1794 гг.) генерал-поручика А. Г. Розенберга ему показали надгробие из белого мрамора, по его словам, более «достойный внимания... барельеф, изображавший греческую женщину в античном костюме; подле нее — ребенок. Оба помещаются в нише под фронтоном, посреди которого находится круглое окно. Эта композиция до некоторой степени напоминает ежегодно совершавшийся в фанагорийском храме обряд» [Петрова, Прохорова 2011: 99].

В 1794 г. П. С. Паллас уточнил и дополнил описание античных древностей в Ени-Кале Ш. Ж. Ромма. Под «малым бастионом» крепости он тоже обратил внимание на крышку саркофага у «фонтана» — «Мраморный саркофаг, взятый из Тамани, составляет водоем этого водопровода». Около карантина ему показали «два туловища львов, которые по высшему приказанию были привезены сюда из Тамани», однако, он ошибочно принял их за «памятники бывшего там венецианского владычества». Рядом со львами он увидел «три прекрасные колонны из мрамора с правильно, как по линейке, проложенными в длину серыми прожилками» и две капители «высеченные грубой работой». В доме обер-коменданта, на момент его приезда, находилось, уже «несколько древних камней», которые по его настоянию были «заделаны в стены для их лучшей сохранности» [Паллас 1999: 124]. Рисунки двух из них — надгробий — он привел в своем сочинении [Pallas 1801: fig. 3; 4].

И, вот с этого момента начинается загадка — одно из находившихся в доме обер-коменданта надгробий — Наны, матери Менодора и его сестры Демостратеи [КБН 1965: 208, № 285], которое упомянул Ш. Ж. Ромм, а потом зарисовал и попросил «заделать» в стену П. С. Паллас [Pallas 1801: fig. 4] (рис. 1, 1), оказалось вмонтированным в стену керченской церкви Иоанна Предтечи.

В 1794 г., уже после П. С. Палласа, в Керчи побывал Ф. К. Маршал фон Биберштейн. Спустя три года он анонимно издал небольшое сочинение «О древних греческих надгробных камнях, встречающихся около Таврического пролива», в которое включил и надгробия, увиденные П. С. Палласом в доме обер-коменданта в Ени-Кале [Биберштейн 1797: 35–50; Тункина 2010: 595, рис. 22; 24]. Одно из них, надгробие Гезуса,

сына Аполлонида [Pallas 1801: fig. 3; КБН 1965: 636–637, № 1095], вполне ожидаемо, он обнаружил в стене «обер-комендантского» дома в крепости Ени-Кале, куда его поместили по просьбе П. С. Палласа [Тункина 2010: рис. 24; 25]. Согласно Ф. К. Маршалу фон Биберштейну найдено оно было на Таманском полуострове. В 1855–1856 гг. его, в числе прочих керченских древностей, выкрали «союзники», ныне оно хранится в Британском музее [КБН 1965: 637].

Что касается надгробия Наны и Демостратеи, его Ф. К. Маршал фон Биберштейн нашел уже в стене церкви Иоанна Предтечи [Тункина 2010: рис. 22]. Но, почему одно из надгробий оставили в крепости Ени-Кале, а второе перевезли в Керчь и вмонтировали в стену церкви, наверняка, навсегда останется загадкой. Можно лишь предположить, что на это П. С. Палласа подвигло уже имевшееся собрание «антиков» в храме.

В 1786 г. Ш. Ж. Ромм обнаружил среди мраморных плит его пола два фриза. Еще один, гораздо лучше сохранившийся фриз, был, по его словам, вмонтирован в лестницу северного входа, а в кладке северной стены церкви он нашел надгробие с надписью «ΘΕΟΝΑ ΥΙΕ | ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ | ΑΜΑΣΤΡΙΑΝΕ, | ΧΑΙΡΕ» [Петрова, Прохорова 2011: 97]. Об античных древностях церкви упомянул и юный граф П. А. Строганов. В письме своему отцу — А. С. Строганову, написанному 13 апреля 1786 г. из Симферополя, он написал: «В Керчи, кроме церкви, ничего нет достойного примечания; она очень стара, и на починку оной употреблено много остатков древности» [Великий князь... 1903: 348].

К сожалению, куда именно в 1794 г. по просьбе П. С. Палласа поместили надгробие Наны и Демостратеи неизвестно. Возможно, в западную стену, которая была разобрана при строительстве западной пристройки (1801–1804 гг.). Время ее строительства надежно подтверждается свидетельствами английского путешественника Э.-Д. Кларка, заставшего подготовительный цикл работ и акварельным рисунком И. А. Иванова, изобразившего уже практически достроенную пристройку в августе 1803 г.

Накануне начала ее строительства в 1800 г. Э.-Д. Кларк обратил внимание на множество «греческих барельефов, собранных для ремонта церкви», и, хотя был возмущен «варварским отношением к ним со стороны

местных жителей», к сожалению, не считал нужным подробно описать их [Кларк 1999: 27; Clarke 1816: 119].

По завершению строительства пристройки надгробие Наны и Демостратеи вновь вмонтировали, но уже в южную ее стену рядом с другим надгробием. Еще два надгробия поместили в ее северную стену. В 1825 г. четыре барельефа, из которых два «высокой работы, с именами усопших и окончанием – радуйся», насчитал в стенах храма П. П. Свиньин [Свиньин 1826: 458]. В 1836 г. с лапидарными памятниками церкви ознакомился Н. Н. Мурзакевич. В северной стене западной пристройки он увидел два надгробия с изображениями и надписями — «Феонайя (дочь) Дионисия радуйся», «Публий Косса радуйся», а в южной стене еще два надгробия, но почему-то написал, что оба они были без надписей [Мурзакевич 1837: 682–683]. Наиболее полная сводка античных лапидарных памятников из церкви была приведена в сочинении А. Б. Ашика «Воспорское царство», изданном в 1848–1849 г. В их числе оказались надгробия Метродора, Наны и Демостратеи, Лисимаха, Публия сына Коссы и Феоны сына Дионисия [Ашик 1848: I, 87, № 25; II, 60–62, 64, №№ 4, 5, 6, 8, 15]. В 1890 г. некоторые надгробия из церкви были изданы В. В. Латышевым (IOSPE, II, №№ 40, 115, 192, 200, 285).

В процессе реставрации церкви (1972–1980 гг.), надгробия из северной стены были извлечены, а два надгробия, в том числе Наны и Демостратеи, оставлены на своих местах (рис. 1, 2). Их и поныне можно увидеть над центральным парным окном южной стены западной пристройки (рис. 1, 3).

Что касается остальных антиков, привезенных в Ени-Кале с Таманского полуострова в последней четверти XVIII в. (к 1786 г.), как уже упоминалось выше, надгробие Гезуса, сына Аполлониды хранится ныне в Британском музее. Архитектурные мраморные детали, упомянутые путешественниками у Еникальского карантинного здания были, видимо, после 1795 г. перевезены в Тамань, где, возможно, некоторые из них в 1803 г. Н. А. Львов использовал для возведения монумента Тмутараканского камня [Прозрителев 1914: 405; Апостолов 1914: 409–410; Оленин 1806: 29–30]. Хранившиеся у карантинного здания две мраморные скульптуры львов в 1811 г. перевезли в Феодосию, где они и поныне находятся перед зданием музея [Пономарев 2022: 291]. Крышка мраморного саркофага,

использованная в качестве резервуара у «водяного» бастиона, упоминалась в путеводителях вплоть до начала XX в. Скорее всего, она была уничтожена во время войны.

Библиография

АПОСТОЛОВ Л. Я. Камень с надписью деяний князя Глеба // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911. М., 1914. Т. I. С. 406–410.

АШИК А. Б. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса, 1848–1849. Ч. I–III.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи императора Александра I. СПб., 1903. Т. 1.

КЛАРК М.Е.-Д. Путешествие по России, Татарии и Турции. Глава XVIII. От Боспора Киммерийского до Каффы // АИБ. Керчь, 1999. Т. III. С. 11–38.

МУРЗАКЕВИЧ Н. Н. Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. СПб, 1837. Ч. 13. № 3. С. 621–691.

О[ЛЕНИН] А.[Н.] Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину о камне тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 г. СПб., 1806.

ПАЛЛАС П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.

ПЕТРОВА Э.Б., ПРОХОРОВА Т. А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году». Симферополь, 2011.

ПОНОМАРЕВ Л. Ю. Османская Керчь в описании участников «Керченского похода» 1699 г.: фортификационные, гражданские и культовые сооружения и их дальнейшая судьба // БИ. Керчь, 2022. Вып. XLIV. С. 278–370.

ПРОЗРИТЕЛЕВ Г.Н. К истории Тмутараканского камня // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911. М., 1914. Т. I. С. 401–405.

СВИНЬИН П. П. Обзор путешествия издателя Отечественных записок по России, в 1825 году, относительно археологии // Отечественные записки. СПб., 1826. Ч. XXV. Кн. LXXI. С. 440–467.

ТУНКИНА И. В. Археолого-эпиграфические исследования Ф. К. Маршала фон Биберштейна в Восточном Крыму и на Кавказе в конце XVIII в. (по неизданным архивным документам) // Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 588–610.

CLARKE E. D. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. Part the first. Russia, Tahtary and Turkey. London, 1817. Vol. II.

PALLAS P. Bemerkungen auf einer Reise in die Südlichen Staathalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. Leipzig, 1801. Bd. II.

Прудников В. В.

Институт востоковедения РАН, г. Москва

**К ВОПРОСУ О ПРИСУТСТВИИ
ТЮРОК-СЕЛЬДЖУКОВ
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ к. XI — н. XII вв.**

Prudnikov V. V.

ON THE ISSUE
OF THE PRESENCE OF THE SELJUK TURKS
IN THE NORTHERN BLACK SEA REGION
END of XI — BEGINING of XII CENTURY

Одним из далеко идущих последствий битвы при Манцикерте в 1071 г. стало постепенное и неизбежное установление политического господства тюрок-сельджуков над огромными территориями Малой Азии и в сопредельных регионах. Ряд предприимчивых предводителей, многие из которых принимали непосредственное участие в сражении и были эмирами сельджукского султана Алп-Арслана, воспользовались дестабилизацией византийской империи и приступили к основанию собственных владений.

На западе они дошли до побережья Мраморного моря и проливов Босфор и Дарданеллы. Племянник султана Алп-Арслана и правнук самого Сельджука Сулейман ибн Кутулмыш заложил основы сельджукского султаната Рума со столицей в греческом городе Никее.

Другой приближенный Алп-Арслана Данышменд Гази обосновался в Неокесарии (Никсар) и Сивасе, что сделало его обладателем чрезвычайно выгодной в стратегическом отношении позиции, которая не только давала возможность успешно обороняться от внешних вторжений, но одновременно вести не менее успешную экспансию во всех направлениях [Bryer, Winfield, 1985: 107]. Не менее удачно сложилась судьба других тюркских эмиров, заложивших основу династий правителей: Салтукидов в Эрзеруме, Менгучаков в Эрзинджане и пр.

Очевидно, что в полной мере последствия поражения Византии в битве при Манцикерте испытали на себе в первую очередь регионы Малой Азии, во многих из которых власть империи пошатнулась либо оказалась утраченной на время или навсегда. Но какими оказались последствия для других регионов Византийской империи, а конкретно для Таврики к. XI — н. XII вв.?

Немецкий хронист первого крестового Альберт Ахенский вкладывает в уста сына Сулеймана ибн Кутулмыша Кылыч-Арслана I, потерявшего Никею и победу под Дорилеей под ударами крестоносцев, следующие слова: «*Non amplius de omnibus terris et ciuitatibus et presidiis que tenui mihi relictum est, quam Foloraca arx que est iuxta mare et confinia regna Russie*» [Albert 2007: 256]. Эти слова можно было бы перевести следующим образом: «Ни одной из всех земель, и городов, и замков, которыми я владел, не осталось мне, кроме Фолороки, цитадели, которая примыкает к морю и к границам королевства Руси».

Идентификация термина *Foloraca arx* (в другом варианте *Foloroca*) представляется крайне сложным делом, что побуждает исследователей в подавляющем большинстве случаев избегать ответов на данный вопрос, либо заявлять об абсурдности свидетельства Альберта [Paszkiewicz 1965: 155–157].

Тем не менее, британский историк, считающийся ведущим авторитетом в области византиноведения и истории Киевской Руси, Джонатан Шепард предположил, что в данном отрывке у Альберта нашли отражение известия об операциях на Черном море тюркского эмира Данышменда Гази, а точнее одного из его сподвижников: Сулеймана ибн Нумана, под которым хронист ошибочно выводит Кылыч-Арслана I [Shepard 1974: 24].

Р. Браунинг в своей работе «*An Anonymous Basilikos Logos*» со ссылкой на данные византийского источника говорит об избавлении усилиями Алексея Комнина Черного моря от некоего «дракона пирата», под которым британский профессор признавал Чака-бея [Shepard 1974: 23]. Хорошо известно, что зять Кылыч-Арслана тюркский эмир Чака-бей обосновался в Смирне (Измир) и создал флот в 1081 г. (эта дата по сей день считается годом основания военно-морского флота Турции), с помощью

которого захватил несколько городов и островов в Эгейском море. Шепард выразил несогласие с мнением Браунинга о том, что под «драконом-пиратом» следует понимать именно Чаку-бея и попытался связать информацию в первую очередь с Данышмендом [Shepard 1974: 23].

Дело в том, что Чака-бей действительно был связан с правителем Сиваса и Никсара, так как Чавулдур-Чака упоминается в эпосе Данышменд-наме [Kafesoğlu 1984: 56]. Оказывается, что прежде чем попасть в плен к византийцам Чавулдур-Чака он же Чака-бей принял участие в походе другого сподвижника легендарного эмира Турусуну на Константинополь, а после этого отправился с самим Данышмендом на Герееде, где отличился при взятии Чаги [Turan 2017: 118].

Также Шепард предположил, что крепость Folorasa aḡh могла быть расположена в Крыму и была тождественна городу известному как Фуллы. По мнению Шепарда, этот город с наибольшей долей вероятности мог быть расположен у поселка Планерское¹ в Восточном Крыму между Феодосией и Судаком [Shepard 1974: 24]. Вероятно понимая всю слабость своей аргументации, Шепард не настаивает на своей версии идентификации Folorasa aḡh в качестве загадочного города Фуллы, но продолжает утверждать сам факт существования мощной тюркской крепости в Северном Причерноморье, о котором якобы очень хорошо были осведомлены современники [Shepard 1974: 25].

В частности он ссылается на данные древнерусского источника к. XI в., повествующего о перенесении южно-италийскими норманнами мощей святого Николая архиепископа Мирликийского из Малой Азии в Бари. Поскольку византийцы не любили вспоминать об этой истории, то возможным путём проникновения этой информации на Русь мог послужить один из православных монастырей Южной Италии [Шляпкин 1881: 21–23]. В этом повествовании под 1087 г. сообщается о набегах «измаилтяном еже суть трокаменни», которые по Божьему суду и промыслу напали

---

¹ Современный поселок городского типа Коктебель, на южной окраине которого расположено городище Тепсень, где проводили исследования Н. Барсамов, В. Бабенчиков, М. Фронджуло и В. Майко. По одной из версий Тепсень действительно отождествляли с городом Фуллы. Вопрос о локализации Фулл имеет обширную историографию и явно выходит за рамки данного исследования.

на греческие земли по ту сторону моря, начиная с Корсуня до Антиохии и Иерусалима [Шляпкин 1881: 5].

По мнению издателя, автор «поучения» подразумевает не сельджуков, а половцев и печенегов, которые в это время очень активно действовали в Северном Причерноморье и он мог знать об общем происхождении последних с сельджуками [Шляпкин 1881: 13]. Также ученый был совершенно уверен в том, что речь в данном случае идет о Херсонесе Таврическом, а ни о каком другом городе или местности с похожим названием [Шляпкин 1881: 12]. С другой стороны, Шепард считал, что сельджуки уже были способны совершать рейды в район Северного Причерноморья и оказывать там мощное влияние [Shepard 1974: 25]. В таком случае очевидно, что под «измаилтяном еже суть трокаменни» в древнерусском источнике имеются в виду «исмаилиты» и «туркоманы», а другими словами тюрки-мусульмане, под которыми византийцы обычно подразумевали тюрков-сельджуков [Анна Комнина 1996: 274, 276].

Довольно противоречивую информацию мы получаем из более поздних западных источников, на которые ссылается Шепард в своей работе: «Chronicon Universale Anonymi Laudunensis» XIII в. и исландскую сагу XIV в. В них содержится отчет о военной активности англосаксов в Северном Причерноморье, которые после поражения в битве при Гастингсе в поисках лучшей доли покинули родную Англию и нашли наконец пристанище при дворе византийских императоров. В соответствии с предоставленными данными Алексей I Комнин предложил беженцам освободить некие византийские территории захваченные язычниками и в случае успеха получить их от него в наследственное владение. Эти земли по данным саги располагались в шести днях и ночах плавания на север и северо-восток от Миклагарда [Siggaar 1974: 340–342], а анонимный автор «Хроникона» также помещал их от Константинополя «... в шести днях морского пути на север, в начале регионов Скифии» [Siggaar 1974: 323].

Гораздо более определенно высказываются византийские авторы, когда свидетельствуют о восстановлении влияния империи в регионе Азовского и восточного побережья Черного моря около 1100 г. [Shepard 1974: 20]. Так в письме Феофилакта Охридского говорится о том, что эмир

Мелик Гази Данышменд лишился возможности собирать дань с греческих городов расположенных вокруг Черного и Азовского морей, а также по реке Дон [Shepard 1974: 21]. Мануил Ставроман в хвалебной речи в честь Алексея Комнина превозносит того за возвращение под власть империи Боспора Киммерийского и береговой линии Малой Азии от Киликии до Колхиды [Shepard 1974: 22].

Таким образом, приведённые данные источников не позволяют нам утверждать, что в Крыму или Северном Причерноморье на рубеже XI–XII вв. существовали укрепления, находившееся под властью тюрк-сельджуков. А крайне смелая гипотеза Дж. Шепарда о проникновении сельджуков в Крым, построенная на основании изучения сообщений всего двух латинских, двух византийских, одного скандинавского и одного древнерусского источников и вызывает сильные сомнения у исследователей. С другой стороны, британский исследователь совершенно прав, доказывая тот факт, что в к. XI тюрки-сельджуки имели выход к Черному морю. Поэтому даже при отсутствии прямых данных источников с большой долей вероятности можно предположить, что правителю Сиваса Данышменду, на какое-то время удалось не только создать небольшой флот, но и с его помощью совершать рейды по Черному морю, как это сделал в 1081 г. его соратник Чака-бей в Эгейском море. Тогда Византийская империя ещё имела достаточно сил и возможностей, чтобы эффективно подавлять подобные попытки некоторых особо энергичных сельджукских эмиров.

Библиография

АННА КОМНИНА. Алексиада, пер. с греческого Я. Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996. 703 с.

ШЛЯПКИН, И. Русское поучение XI века о перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным источникам. 1881. 23 с.: с факсимиле рукописи XIII–XIV века; 30 см.— (Памятники древней письменности. X).

ALBERT OF AACHEN. *Historia Ierosolimitana*. History of the Journey to Jerusalem, ed. and trans. S. B. Edgington. Clarendon: Press Oxford Medieval, 2007.

BRYER A., WINFIELD D. *The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos*. Vol. I Washington: Dumbarton Oaks Publications Office, 1985.

PASZKIEWICZ, H. *Mare Russiae // Antemurale*. Vol. IX. Romae: Institutum Historicum Polonicum Romae 1965. P. 133–164.

CIGGAAR, K. *L'émigration anglaise à Byzance après 1066. Un nouveau texte en latin sur les Varangues à Constantinople // Revue des études byzantines*. 32. 1974. P. 301–342.

KAFESOĞLU, İ. *Selçuklu ağındaki İzmir Türk Beyinin Adı; Çaka mı, Çağa mı, Çakan mı? // İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi. Tarih Dergisi. Sayı 34, (1983–84). İstanbul, 1984, S. 55–60.*

SHEPARD, J. *Another New England? — Anglo-Saxon Settlement on the Black Sea // Byzantine Studies*. Vol. I. 1. Tempe: Arizona University Press, 1974. P. 18–39.

TURAN, O. *Selçuklular Zamanında Türkiye*, Ötüken Neşriyat, İstanbul, 2017.

Роменский А. А.

ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь

ДАРЫ РОМЕЕВ КНЯЗЮ СВЯТОСЛАВУ: К ПРОЧТЕНИЮ ЛЕТОПИСНОЙ СТАТЬИ 6479 (971) г.

A. A. Romensky

GIFTS OF THE ROMANS TO PRINCE SVYATOSLAV: TO THE READING OF THE CHRONICLE ARTICLE 6479 (971)

Согласно рассказу Начальной летописи о походе русской дружины в Болгарию, после победы Святослава Игоревича над византийцами в решающем сражении греческие «боляре» посоветовали своему «царю» соблазнить противника дарами, предлагая ему золото и шелковые ткани («искусимъ и любъзвивъ ли естъ злату. ли паво[ло]камъ»). Подарки не произвели на князя особого впечатления («не зрѣ на на. и повелѣ схоронити»), и тогда хитрые греки преподнесли ему меч и другое оружие, к чему он не смог остаться равнодушным («нача хвалити и любити. и цѣлова црѣ»). По мнению византийских сановников, такое отношение подчеркивало воинственность предводителя русов, вследствие чего василевс был вынужден согласиться на выплату дани. Получив сколько хотел, в том числе и за погибших воинов, Святослав возвратился в Переяславец «с похвалою великою» [Лаврентьевская летопись 1926: 70–71; Ипатьевская летопись 1908: 58–59].

Летописный нарратив, по всей вероятности, не соответствует историческим реалиям (согласно византийским источникам, исход сражений у Преслава и Дристры (Доростола) был неблагоприятным для русского войска [Leo Diaconus 1828: 132–141; Ioannes Scylitzes 1973: 294–303; Карышковский 1953: 55–58], но, тем не менее, позволяет охарактеризовать некоторые особенности актуального дипломатического ритуала. Драгоценные

металлы (золото и серебро, чаще всего в виде монет) и шелка традиционно использовались ромейской дипломатией для даров иностранным государям. Так, по сведениям Иоанна Малалы, подтверждаемым Феофаном Исповедником, лазский правитель Тзат получил от императора Юстина венец, белую шелковую хламиду с золотой полосой вместо багряной и императорским портретом, а также белый шелковый стихарь, парагаудий с золотым орнаментом [Ioannes Malalas 2000: 340–341; Theophanes 1883: 168–169; Филипчук 2013: 391–392]. Анна Комнина сообщает, что василевс Алексей Комнин подарил германскому королю Генриху IV 144 тысячи номисм и сто кусков пурпурного шелка, пытаясь заручиться его поддержкой в борьбе с герцогом Апулии, Сицилии и Калабрии Робертом Гвискардом [Anna Comnena 2001: 113; Cutler 2001: 251]. Золото и паволоки обычно получали от византийцев и киевские князья: после возвращения из похода на Царьград Олег Вещий вернулся, «неса злато и паволоки. и ввощи. и вина. и всакоє оузорочье»; «злато и паволоки» на всех воинов получил и Игорь накануне заключения договора с ромеями [Лаврентьевская летопись 1926: 32, 46]. Лев Диакон свидетельствует о том, что василевс Никифор Фока обещал «тавроскифам» Святослава пятнадцать кентинариев (около 435 кг) золота [Leo Diaconus 1828: 63; Лев Диакон 1988: 183, прим. 26]. Византийскому дипломату патрикию Калокиру удалось соблазнить князя «дарами и льстивыми речами», чтобы спровоцировать войну русов с болгарам [Leo Diaconus 1828: 77]. Декларируемое в летописи равнодушие Святослава к золоту находит параллели в скандинавских источниках: воинский этос эпохи викингов требовал от правителя делиться добычей с дружинниками, а «щедрость на золото» считалась одной из важных добродетелей [Литвина, Успенский 2018: 55–57].

Вложенная в уста греческих «боляр» летописная интерпретация восхищения Святослава оружием как доказательства его свирепости («лють се мужь хоче быти. аєко имѣньає не брежетъ. а в ружьє ємлетъ [Лаврентьевская летопись 1926: 71] также нуждается в уточнении. Примечательно, что в Скандинавии эпохи викингов существовал обычай дарения мечей и другого оружия, что символизировало мирные намерения. Так, послы норманнов подарили свои мечи королю Людовику Немецкому в знак подчинения [Андрошук 2013: 168]. В 860 г. морской конунг Хастинг велел нести доспехи, топоры и мечи

перед своим мнимым катафалком, чтобы обмануть жителей североитальянского города Луны [Dudo Sancti Quintini 1865: 132–135]. В этом контексте подаренное ромеями оружие могло восприниматься Святославом как действительный знак их стремления к миру. С другой стороны, благодарность за дар послам и самому василевсу вполне могла быть частью требуемого традицией этикета [Литвина, Успенский 2018: 62].

Библиография

- Андрощук Ф. А. Мечи викингов. Киев, 2013.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908.
- Карышковский П. О. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. 1953. Т. 6. С. 36–71.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Л., 1926.
- Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко, статья М. Я. Сюзюмова, комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1988.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контуры русско-варяжского культурного взаимодействия. М., 2018.
- Филипчук О. М. *Studia Byzantino-Rossica*. Експансія, війна та соціальні зміни. Чернівці, 2013.
- Annae Comnenae Alexias* / Recens. D. R. Reinsch et A. Kambylis // CFHB. Berolini, Novi Eboraci, 2001. Vol. 40. Pars 1.
- Cutler A. Gifts and Gift Exchange as Aspects of the Byzantine, Arab and Related Economies // DOP. 2001. Vol. 55. P. 245–276.
- Dudo Sancti Quintini. *De moribus et actis primorum Normanniae ducum* / Ed. J. Lair. Caen, 1865.
- Ioannis Malalae *Chronographia* / Recens. I. Thurn // CFHB. Berolini, Novi Eboraci, 2000. Vol. 35.
- Ioannis Scylitzae *Synopsis Historiarum* // CFHB. Vol. 5 / Recens. I. Thurn. Berolini, 1973.
- Leonis Diaconi *Historiae libri decem* / Recens. C.-B. Hasius // CSHB. Bonnae, 1828. Pars 11.
- Theophanis *Chronographia* / Recens. C. De Boor. Lipsiae, 1883. Vol. 1.

Список сокращений

- ВВ — Византийский временник
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- DOP — *Dumbarton Oaks Papers*
- CFHB — *Corpus fontium historiae byzantinae*
- CSHB — *Corpus scriptorum historiae byzantinae*

Сазанов А. В.

Институт археологии РАН, г. Москва

**КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II в.
С ПОСЕЛЕНИЯ «ИЛЬИЧ-1»
НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ.
СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ КОЛОНКА
И ХРОНОЛОГИЯ СЛОЕВ
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ**

Sazanov A.V

**CERAMIC CONTEXTS
DATED TO THE SECOND HALF OF THE 2ND CENTURY
AD FROM IL'ICH-1 SETTLEMENT
ON THE TAMAN PENINSULA.
STRATIGRAPHIC COLUMN AND CHRONOLOGY
OF ROMAN DEPOSITS**

В результате изучения неукрепленного поселения «Ильич-1», исследованного экспедицией отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН (А. В. Бонин) была получена стратиграфическая колонка II–IX вв.

Таблица 1. Исходная стратиграфическая колонка уч. I неукрепленного поселения «Ильич-1».

Слой I, период 1	Вторая половина IX в.
Слой II, период 5	Последняя четверть V–VI в.
Слой II, период 4	Третья четверть V
Слой II, период 3	Первая половина V в.
Слой II, период 2	Вторая половина IV -начало V в.
Слой II, период 1	Начало-первая половина IV в.
Слой III, период 3	Середина-вторая половина III в.

Таблица 1. Исходная стратиграфическая колонка уч. I неукрепленного поселения «Ильич-1».

Слой III, период 2	Вторая половина II-первая половина III в.
Слой III, период 1	Первая половина-середина II в.
Исходная стратиграфическая колонка [Сазанов 2023]	Датировка

В предшествующих публикациях, посвященных этому памятнику, рассматривались материалы слоев римского времени второй четверти II в., конца II–III в. и второй половины III в.

Однако при проработке комплексов слоя III.2 выяснилось, что они должны быть разделены на два хронологических этапа: второй половины II и конца II-первой половины III в., что вызвало необходимость перенумерации периодов слоя III. Период III.1 остался без изменений, период III.2 ограничен второй половиной II в., период III.3 датируется концом II-первой половиной III в., введенный новый период обозначаемый как слой III.4 соответствует второй половине III в.

Предлагаемая вниманию работа посвящена комплексам слоя III.2, перекрывавшего горизонт второй четверти II в. (Слой III.1) и, в свою очередь перекрытого слоем конца II-первой половины III в. (Слой III.3), маркированного появлением амфор C IV D.

Датирующие находки в показательных контекстах рассматриваемого слоя III.2 приведены на следующей таблице.

Таблица 2. Слой III. 2. Датирующие находки комплексов.

		Ильич-1–2015/16. Слой III.2	
		Комплексы	
		Яма-объект 208	Яма-объект 197
Типы			
Пифосы	Пифос		
	Зеест 83/89		
Амфоры	C IV C 2		
	Зеест 81		

Таблица 2. Слой III. 2. Датирующие находки комплексов.

Ильич-1–2015/16. Слой III.2			
Комплексы		Яма-объект 208	Яма-объект 197
Типы			
Красноглазные сосуды	Кувшин Pontic sigillata формы 4		
	Kühnelt Pontic sigillata, PS II. Form S-1d. Миска		
	Kühnelt Pontic sigillata, PS I. Form K-1a=- Журавлев Pontic sigillata. Кувшин. Форма 2.1		
	Kühnelt Pontic sigillata, PS III. Form T-1b- II= Журавлев Pontic sigillata A. Тарелка. Форма 3.3		
	Kühnelt Pontic sigillata, PS IV. Form T-1a-V		
	Kühnelt Pontic sigillata, PS IV. Form K-3b = Журавлев Pontic sigillata. Кувшин. Форма 20.1		
	Kühnelt Pontic sigillata, PS IV. Form K-7 Журавлев Pontic sigillata, Чаша. Форма 30.2		
	Арсеньева светильник с открытым ре- зервуаром. Б. Тип 2		

Яма-объект 208. Обнаружена на отметках +213, +206 в восточной части кв. 41, представляет собой округлую в плане, трапециевидную в разрезе хозяйственную яму диаметром 1,85 м., глубиной 1,75 м (+53, +48), заполненную однородной светло-серой супесью.

Среди находок заполнения абсолютно преобладали фрагменты керамических изделий (94, 4%), встречена одна стенка стеклянного сосуда. Количество костей животных составляло 5, 1% от находок комплекса.

Таблица 3. Распределение находок из заполнения ямы-объекта 208 по категориям материала

Категория	Венчики (края)	ручки	донья	стенки	пробки	Всего	%
Керамические изделия (рис. 1, 1–11, 12, 14)	6	1	3	156	1	167	94,4
Изделия из стекла (рис. 1, 13)				1		1	0,5
Кости						9	5,1
Всего	6	1	3	157	1	177	100
Ильич-I-2015	Яма-объект 208						

Распределение керамических фрагментов по функциональным группам показывает обычное преобладание амфор (почти 80%). Вторую по численности группу составляют фрагменты пифосов (5, 4%) и краснолаковой посуды (4, 19%). Несколько меньше фрагментов строительной керамики и кухонной посуды (3, 6%). Еще меньше представлена столовая посуда (2,4%). Фрагмент закрытого серолощеного сосуда единичен. Отметим преобладание фрагментов пифосов над краснолаковой, столовой и кухонной, а также кухонной над столовой.

Таблица 4. Распределение керамики из заполнения ямы-объекта 208 по функциональным группам.

Функциональная группа	Венчики (края)+горла	ручки	донья	стенки	Всего	%
Строительная керамика				6	6	3,59
Пифосы (рис. 1, 6)	1			8	9	5,39
Амфоры (рис. 1, 7, 9)	1	1		131	133	79,64
Краснолаковая посуда (рис. 1, 8, 10, 11)	4		2	1	7	4,19
Серолощеноя посуда (рис. 1, 12)			1		1	0,60
Столовая посуда				4	4	2,40
Кухонная посуда				6	6	3,59
Пробка (крышка) керамическая (рис. 1, 14)					1	0,60
Всего	6	1	3	156	167	100
Ильич-I-2015	Яма-объект 208					

При этом круговая нетарная посуда абсолютно преобладает над лепной.

Таблица 5. Соотношение круговой и лепной посуды заполнения ямы-объекта 208

Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)+	Донья	Стенки	Всего	%
Круговая посуда		5	3	6	14	73,7
	1.1. Краснолаковая посуда (рис. 1, 8, 10, 11)	4	2	1	7	
	1.2. Круговая лощеная посуда (рис. 1, 12)		1		1	
	1.2. Круговая столовая посуда (рис. 2, 1-3, 11-13)	1		4	5	
	1.4. Круговая кухонная посуда			1	1	
Лепная посуда				5	5	26,3
Всего		5	3	11	19	100
Ильич-1-2015	Яма-объект 208					

Датированных фрагментов керамики 8 из, 167 что составляет 4, 8%.

Таблица 6. Соотношение датированных находок заполнения ямы-объекта 223 по хронологическим группам.

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики)	Донья	Всего	%
Вторая половина II-начало III в. (рис. 1, 6-8)	3		3	37,5
Последняя четверть I-первая половина II в. (рис. 1, 9-11)	3	2	5	62,5
Всего	6	2	8	100
Ильич-1-2015	Яма-объект 208			

Примесь «снизу» абсолютно преобладала, составляя 62,5% датированных фрагментов. Она представлена ручкой узкогорлой светлоглиняной амфоры C IV A 2 последней трети I в. н. э., краснолаковыми тарелками Pontic sigillata A формы 4.2 конца I-первой половины II в. н. э., краснолаковой чашкой Pontic sigillata A формы 30.2 конца I-первой половины II в. н. э. (рис. 1, 9-11) [Внуков 2016: 44, рис. 3, 1, 6; Журавлев 2010: 145, табл. 18, 106, 107, 27, 195, 197; Труфанов 1997: 186, 187, III-Г-3].

Датирующие материалы включают венчик амфоры Зеест 89, горло краснолакового кувшина Pontic sigillata формы 4 и венчик красноглиняного пифоса (рис. 1, 6-8).

Венчик красноглиняной амфоры типа Зеест 89 находит аналогии в контекстах конца II-первой половины III в. в Пантикапее и Горгиипии (рис. 1, 7) [Голофаст 2010: Рис. 15, 13; Алексеева 1997: Табл. 112, 7, 133, 13, 14]. Важно отметить, что аналогичные венчики в Пантикапее обнаружены в комплексе конца II-первой половины III в., связанном с изготовлением этих сосудов [Yermolin, Fedoseev 2013: Fig. 7, 2, 8, 2]. Форма 4 краснолаковых кувшинов Pontica sigillata датируется второй половиной II-началом III в. (рис. 1, 8) [Журавлев 2010: Табл. 45, 357]. Аналогичный нашему венчик пифоса происходит из контекста Горгиипии II-середины III в. (рис. 1, 7) [Алексеева 1997: Табл. 131, 33].

Датирующие материалы, отсутствие фрагментов амфор C IV D и стратиграфическое положение объекта (выше слоя III.1 второй четверти II в.) позволяет отнести время формирования одномоментной засыпи ямы ко второй половине II в., скорее всего к концу этого столетия.

Яма-объект 197. Обнаружена в западной части кв. 42 на отметках +224, +166. Хозяйственная яма с овальной в плане горловиной размером 1,5 x 0,95 м., в разрезе грушевидная, глубиной составила 1,6 м., сооруженная в материке была заполнена однородной светло-серой супесью.

Абсолютно преобладали фрагменты керамических изделий. Однако процент костей животных в комплексе существенен (20, 4%).

Таблица 7. Распределение находок из заполнения ямы-объекта 197 по категориям материала

Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Две трети профиля	Пробки (крышки)	Грузила	Зернгогерки	Всего	%
Керамические изделия	23	15	13	240	1	2	1		295	78,2
Изделия из стекла	1								1	0,3
Изделия из металла									1	0,3
Шлак производственный									1	0,3
Изделия из камня						1		1	2	0,5
Кости									77	20,4
Всего	24	15	13	240	1	3	1	1	377	100
Ильич-I-2015	Яма-объект 197									

Распределение керамических фрагментов по функциональным группам показывает преобладание амфор (68,8%). Второе место занимает кухонная посуда (12,9%), далее следуют строительная керамика (8,8%) и краснолаковая посуда (5,1%). Остальные группы представлены единичными фрагментами.

Таблица 8. Распределение керамики из заполнения ямы-объекта 197 по функциональным группам.

Функциональная группа	Венчики (края)+горла	ручки	донья	стенки	Полный профиль с отбитой ручкой	Всего	%
Архитектурная керамика				2		2	0,7
Строительная керамика				26		26	8,8
Пифосы (рис. 4, 15)			1	3		4	1,4
Амфоры (рис. 2, 6–12)	1	7	2	193		203	68,8
Краснолаковая посуда (рис. 3, рис 4, 3–8)	5	3	5	1	1	15	5,1
Столовая посуда (рис. 2, 13, 4, 13 14)	1	3				4	1,4
Кухонная посуда (рис. 4, 9, 10, 16, 17, рис. 5)	17	1	5	15		38	12,9
Пробки (крышки) керамические (рис. 6, 1, 3)						2	0,7
Грузила (рис. 6, 4)						1	0,3
Всего	24	14	13	240	1	295	100
Ильич-I-2015	Яма-объект 197						

При этом круговая посуда абсолютно преобладает над лепной.

Таблица 9. Соотношение круговой и лепной посуды заполнения ямы-объекта 197

Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)+	Ручки	Донья	Стенки	Полный профиль со сбитой ручкой	Всего	%
Круговая посуда		9	5	7	38	1	60	66,7
	1.1.Краснолаковая посуда (рис. 3, рис. 4, 3–8)	5	3	5	1	1	15	
	1.2.Круговая столовая посуда (рис. 2, 13, 4, 13, 14)	1	2		34		37	
	1.4.Круговая кухонная посуда (рис. 4, 16, 17)	3		2	3		8	
Лепная посуда		14	1	3	12		30	33,3
Всего		23	6	10	50	1	90	100
Ильич-I-2015	Яма-объект 197							

Датированных фрагментов керамики 33 из 296 что составляет 11, 1%. *Датирующих* фрагментов керамики 21, что составляет 63, 6% от датированных. Соответственно примесь более раннего материала-36, 4%.

Таблица 10. Соотношение датированных находок заполнения ямы-объекта 197 по хронологическим группам.

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Полный профиль со сбитой ручкой	Всего	%
Вторая половина II-начало III в. (рис. 2, 6–13, 3)	4	13	3	1	21	63,6
Последняя четверть I-первая половина II в. (рис. 4, 1–11)	6	2	3		11	33,3
440–430 гг. до н.э (рис. 4, 12)			1		1	3,1
Всего	10	15	7	1	33	
Ильич-I-2015	Яма-объект 197					

Примесь «снизу» представлена группами V в. до н.э. и последней четверти I-первой половины II в. К 440–430 гг. до н.э. относится окатанная ножка хиосской амфоры типа Монахов IV A (рис. 4, 10) [Зеест 1960: Табл. IV, 11 г; Монахов 2003: 20, рис. 8]. В состав группы, которая может быть датирована последней четвертью I-первой половиной II в. входят венчик и ручка амфор C IV A 2 последней трети I в.н.э. (рис. 4, 1, 2), краснолаковый кувшин Kühnelt Pontic sigillata, PS I. Form K-1a=Журавлев Pontic sigillata. Форма 2.1 (рис. 4, 3), краснолаковая тарелка Kühnelt Pontic sigillata III формы T-1b-II= Журавлев Pontic sigillata A форма 3.3 второй половины I-первой половины II в.(рис. 4, 4), видимо краснолаковый кубок Pontic sigillata A формы 3 последней четверти I- середины II в. (рис. 4, 5), краснолаковая тарелка Eastern sigillata B 2 Hayes form 60 конца I-первой половины II в. (рис. 4, 6), краснолаковый кувшин Pontic sigillata формы 11.1 по Журавлеву=Kuhnelt PS IV Form K-10a последней четверти I- середины II в. (рис. 4, 7), краснолаковый кувшин Pontic sigillata форма 25 по Журавлеву конца I-начала II в. (рис. 4, 8), сероглиняный круговой горшок, по комплексам, не выходящий за пределы второй четверти II в.¹ (рис. 4, 10) [Внуков 2016: Рис. 3, 1–6; Голофаст 2010: 211, Рис. 3, 18, 19, 4, 3, 5, 1–7; Kühnelt 2008: 203, 247, 259, 260, 426, 455, N 128, 290, 336, 338, Abb. 38, 336, 338; Журавлев 2010: 128, 135, 149, 162, 170, табл. 8, 26, 16, 98, 31, 242, 244, 48, 381, 57, 146; Крапивина 1993: Рис. 35, 4].

Скорее всего, также к «примеси снизу» можно отнести фрагмент кастрюли с биконическим приземистым туловом типа 2 по Дж. Хейсу (рис. 4, 9) [Hayes 1983: 122, fig. 7, 81–89]. По мнению О. П. Дорошко, они были в употреблении на протяжении всего II в. В комплексах первой половины III в. их уже нет, они были сменены более удлиненной формой с ярко выраженным ребром на тулове (классический вариант Дж. Хейса). Аналогии рассматриваемому фрагменту известны из Афин, там они датируются концом I – началом II в. [Robinson 1959: 42, pl. 7, G194, G195], Истрии [Suceveanu 2000: Pl. 35], Херсонеса около середины II в. [Дорошко, Дорошко, Дьячков 2019: Рис. 2, 8] и римского военного поста на высо-

¹ Автор благодарит О. П. Дорошко за указания на аналогии сероглиняному кухонному горшку.

те Суздальской [Дорошко 2021: Рис. 1, 3]. О. П. Дорошко также отмечает их наличие в засыпи херсонесских терм, которые, согласно хронологии слоев и комплексов римской цитадели, были построены в середине II в². Как мы видим, ближайшие аналогии ограничивают верхнюю дату этого сосуда серединой II в., что позволяет отнести этого фрагмент к «примеси снизу» [Дорошко 2021a: Рис. 1, 2].

Кроме того в эту же группу входит венчик стеклянного стакана с диско-видным дном и профилированным краем, сбитым с выдувной трубки типа Ф 1 по Н. П. Сорокиной, Е. М. Алексеевой, датирующегося второй четвертью I-началом II в. (рис. 4, 11) [Алексеева, Сорокина 2007: Табл. 33, 3, 4].

Датирующие материалы представлены амфорами типов Зеест 83/89, узкогорлыми светлоглиняными С IV С 2, Зеест 81, краснолаковой посудой Pontic sigillata PS II Form S-1d, Pontic sigillata, PS I Form K-1a, Pontic sigillata PS III Form T-1b-II, Pontic sigillata PS IV Form T-1a-V, Pontic sigillata PS IV Form K-7 по типологии Н. Kühnelt, Pontic sigillata формой 30.2 по Д. В. Журавлеву, светильником с открытым резервуаром группы Б типа 2 по Т. М. Арсеньевой.

Таблица 11. Распределение датирующих амфор заполнения ямы-объекта 197 по типам

Тип	ручки	донья	Всего	%	Условно целые сосуды	%
Зеест 83/89 (рис. 2, 6–8)	3		3	42,9	2	40
Узкогорлые светлоглиняные С IV С 2 (рис. 2, 9, 10)	2		2	28,6	2	40
Зеест 81 (рис. 2, 11, 12)	1	1	2	28,6	1	20
Всего	6	1	7	100	5	100
Ильич-1–2015	Яма-объект 197					

Амфоры Зеест 83/89 представлены тремя ручками, датирующимися периодом от второй четверти II в. до середины III в. (рис. 2, 6–8) [Бураков 1976: Таб. II, 13 в; Арсеньева, Ильяшенко Науменко 2009: Рис. 7, 1; Арсеньева, Науменко 1992: 139, рис. 15; Голофаст 2010: Рис. 14, 1, 4, 16, 15, 6, 8].

Две ручки узкогорлых светлоглиняных амфор С IV С 2 относятся ко второй половине II в. (рис. 2, 9, 10) [Внуков 2016: Рис. 4, 10; Арсенье-

ва, Ильяшенко, Науменко 2009: 42, рис. 13, 1; Науменко 2017: 25, рис. 4, С 2; Голофаст 2010: 93, рис. 20, 9, 21].

Амфоры типа Зеест 81 встречены в контекстах II–III вв. (рис. 2, 11, 12) [Зеест 1960: 115, табл. XXXIV, 81; Алексеева 1997: Табл. 127, 1].

Совмещение циклов рассмотренных амфор указывает на вторую половину II в. как время их единовременного бытования.

Таблица 12. Распределение датированных краснолаковых сосудов заполнения ямы-объекта 197 по типам

Тип	Венчики+горла	ручки	поддоны	Полный профиль с отбитой ручкой	Всего	%
Kühnelt Pontic sigillata, PS II. Form S-1d. Миска (рис. 3, 1)	1				1	14,3
Kühnelt Pontic sigillata, PS IV. Form T-1a-V (рис. 3, 2)	1				1	14,3
Kühnelt Pontic sigillata, PS IV. Form K-3b = Журавлев Pontic sigillata. Кувшин. Форма 20.1 (рис. 3, 3, 5)		1	1		2	28,6
Kühnelt Pontic sigillata, PS IV. Form K-7 (рис. 3, 4)		1			1	14,3
Журавлев Pontic sigillata, Чаша. Форма 30.2 (рис. 3, 6)			1		1	14,3
Арсеньева светильник с открытым резервуаром. Б. Тип 2 (рис. 3, 7)				1	1	14,3
Всего	2	2	2	1	7	100%
Ильич-1–2015	Яма-объект 197					

Краснолаковая миска типа Kühnelt Pontic sigillata, PS II, form S-1d датируется концом II-первой половиной III в. (рис. 3, 1), краснолаковая миска Kühnelt Pontic sigillata, PS IV, form T-1a-V-второй -последней четвертями II в. (рис. 3, 2), краснолаковый кувшин Kühnelt Pontic sigillata, PS IV, form K-3b = Журавлев Pontic sigillata форма 20.1.-второй половиной II-началом III в. (рис. 3, 3, 5), краснолаковый кувшин Kühnelt Pontic sigillata, PS IV, form K-7- второй половиной II-первой половиной III в. (рис. 3, 4), чаша Pontic sigillata формы 30.2. по Д. В. Журавлеву- второй-третьей четвертя-

ми II в. (рис. 3, б) [Kühnelt 2008: 119, 177, 196, 185, 229, 241, 247, 252, 402, 410, 419, 442, 455, N 30, 60, 100, 222, 269, 290; Журавлев 2010: 135, 145, 155, 166, табл. 16, 98, 27, 196, 41, 314, 53, 427, 54, 430].

Круговой светильник, местами покрытый красным лаком относится к типу 2 светильников с открытым резервуаром, известным в контекстах Танаиса первой половины III в. (рис. 3, 7) [Арсеньева 1988: 52, 53, табл. XXVII, 2, 3]³.

Суммируем хронологию датирующих материалов. Они образуют следующие хронологические группы:

- вторая четверть II в. — середина III в. (амфоры Зеест 83/89),
- вторая половина II в. (амфоры С IV С 2),
- II–III вв. (амфора Зеест 81),
- конец II-первая половина III в. (Краснолаковая миска типа Kühnelt Pontic sigillata, PS II, form S-1d, краснолаковый светильник с открытым резервуаром),
- последняя четверть I-вторая половина II (краснолаковый кувшин Kühnelt Pontic sigillata, PS I, form K-1a=Журавлев Pontic sigillata, форма 2.1),
- вторая половина I-середина II в. (краснолаковая тарелка Kühnelt Pontic sigillata, PS III, form T-1b-II= Журавлев Pontic sigillata A, форма 3.3),
- вторая -последняя четверть II в.(краснолаковая миска Kühnelt Pontic sigillata, PS IV, form T-1a-V),
- вторая половина II-начало III в.(краснолаковый кувшин Kühnelt Pontic sigillata, PS IV, form K-3b = Журавлев Pontic sigillata форма 20.1),
- вторая половина II-первая половина III в. (краснолаковый кувшин Kühnelt Pontic sigillata, PS IV, form K-7),
- вторая-третьи четверти II в (краснолаковая чаша Pontic sigillata формы 30.2. по Д. В. Журавлеву).

Эти группы совмещаются в период середины-второй половины II в., что позволяет отнести время формирования одномоментной засыпи ямы ко второй половине II в., скорее всего к концу этого столетия.

Таким образом в стратиграфической колонке поселения «Ильич-1» выявляется слой второй половины II в. В результате получена скорректированная стратиграфическая колонка слоев римского времени:

³ Автор благодарит В. В. Дорошко за указанную аналогию.

слой III.1- вторая четверть II в. н. э.,
 слой III.2-вторая половина II в. н. э.,
 слой III.3-конец II-первая половина III в.,
 слой III.4- середина-вторая половина III в.

Общая стратиграфическая колонка с учетом коррекции выглядит следующим образом:

Таблица 13. Исходная стратиграфическая колонка уч. I неукрепленного поселения «Ильич-1» и ее скорректированный вариант.

Слой I, период 1	Вторая половина IX в.	Слой I, период 1	Вторая половина IX в.
Слой II, период 5	Последняя четверть V–VI в.	Слой II, период 4	Последняя четверть V–VI
Слой II, период 4	Третья четверть V	Слой II, период 3	Начало-третья четверть V в.
Слой II, период 3	Первая половина V в.		
Слой II, период 2	Вторая половина IV -начало V в.	Слой II, период 2	Вторая половина IV -начало V в.
Слой II, период 1	Начало-первая половина IV в.	Слой II, период 1	Начало-первая половина IV в.
Слой III, период 3	Середина-вторая половина III в.	Слой III, период 4	Середина-вторая половина III в.
Слой III, период 2	Вторая половина II-первая половина III в.	Слой III, период 3	Конец II-первая половина III в.
Слой III, период 1	Первая половина-середина II в.	Слой III, период 2	Вторая половина II в.
		Слой III, период 1	Вторая четверть II в.
Исходная стратиграфическая колонка [Сазанов 2023]	Датировка	Скорректированная стратиграфическая колонка	Датировка

Последующая синхронизации со стратиграфическими колонками других памятников (Танаиса, Горгииппии, батареок Таманского полуострова, Пантикапея, сельских поселений европейского Боспора) даст возможность прийти к обоснованным историческим выводам.

Библиография

АЛЕКСЕЕВА Е. М. Античный город Горгиппия / Ин-т археологии РАН. М.: Эдиториал УРСС, 1997.

АЛЕКСЕЕВА Е.М., СОРОКИНА Н.П. Коллекция стекла античной Горгиппии. М. Институт археологии РАН, 2007.

АРСЕНЬЕВА Т.М., НАУМЕНКО С. А. Усадьбы Танаиса. М.: ИА РАН, 1992.

АРСЕНЬЕВА Т. М. Светильники Танаиса. М.: Наука, 1988.

АРСЕНЬЕВА Т.М. ИЛЬЯШЕНКО С.М. НАУМЕНКО С. А. Новые закрытые комплексы Танаиса II и III вв. н.э. // ДБ 13, 2009. С. 38–78.

БУРАКОВ А. В. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. К. Научная думка. 1976.

ВНУКОВ С. Ю. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор // РА. 2016. № 2. С. 36–47.

ДОРОШКО О. П. Кухонная гончарная посуда римского времени из южного сектора на высоте Суздальская (исследования 2009, 2012, 2017–2018 гг.) // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / Под ред. Д. А. Костромичева, Е. С. Лесной. — Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2021. С. 94–99.

ДОРОШКО О. П. Гончарные кастрюли с биконическим туловом I–III вв. из раскопок Херсонеса Таврического и его окружи: к вопросу о месте производства // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.) / Отв. ред. В. В. Лебединский; ред.-сост. Н. В. Гинькут, Ю. А. Пронина. — М.: ИВ РАН, 2021а. — С. 78–80.

ДОРОШКО В. В., ДОРОШКО О. П., ДЬЯЧКОВ С. В. Комплекс находок из раскопок цистерны помещения 35-Д херсонесской «казармы» // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 17–19 сентября 2019 года / Ред. Д. А. Костромичев. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический», 2019. С. 74–78.

ГОЛОФАСТ Л. А. Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2010. Вып. 16. С. 82–113.

ЖУРАВЛЕВ Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э.: (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Supplementum 9. Симферополь: Изд-во БФ «Деметра», 2010.

ЗЕЕСТ И. Б. Керамическая тара Боспора. — Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — (Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР. Ин-т археологии АН СССР; № 83).

КРАПИВИНА В. В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993.

МОНАХОВ С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов, 2003.

НАУМЕНКО С. А. Торговые связи Танаиса с Понтийским регионом // Вестник Танаиса. Вып. 4/2017. С. 22–31.

ТРУФАНОВ А. А. Типология краснолаковых тареклок с вертикальным бортиком (по материалам могильников юго-западного и центрального Крыма // БИАС 1997. Вып. 1. С. 182–193.

HAYES J. W. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery // The Annual of the British School at Athens, 1983, vol. 78. P. 97–169.

KÜHNELT E. Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. zur Erlangung des Doktorgrades eingereicht am Fachbereich Geschichts- und Kulturwissenschaften der Freien Universität Berlin im April 2008. Berlin, 2008.

ROBINSON H. Pottery of the Roman Period. Chronology. The Athenian Agora. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies, vol. V. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1959.

SUCEVEANU A. La céramique romaine des Ier-IIIe siècles ap. J.-C. Histria X. Bucuresti, 2000.

YERMOLIN A.L., FEDOSEEV N.F. A Ceramic amphorae production workshop of the first half of the 3rd Century AD in Panticapaeum // PATABS III. Production and trade of amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Constanța 6–10 octobre 2009. Pontica XLVI. Supplementum. Constantza. 2013. P. 185–197.

Сеитмеметова С. А.

ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник», г. Бахчисарай

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

К 140-ЛЕТИЮ ОБЩЕТЮРКСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТЕРДЖИМАН»: ИЗУЧЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ НАСЛЕДИЯ ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

Seitmemetova S. A.

TO THE 140TH ANNIVERSARY OF THE ALL-TURKIC NEWSPAPER «TERDZHIMAN»: THE STUDY AND POPULARIZATION OF THE HERITAGE OF ISMAIL GASPRINSKY

В 2023 году исполняется 140 лет одной из самых ярких страниц жизни тюрко-мусульманских народов второй половины XIX — начала XX вв. — газете «Терджиман» (1883–1918). Ее становление и развитие тесно переплетаются с многогранной деятельностью «отца тюркской нации» — Исмаила Гаспринского (1851–1914).

С первых лет издания газета поднимала самые острые и наиболее насущные народные проблемы и рассказывала о самых интересных и полезных начинаниях. Особое место на ее страницах занимали вопросы, посвященные проблемам национального просвещения, религии, культуры, науки, женскому вопросу в мусульманском обществе и актуальным событиям в жизни тюркских народов и исламских стран.

Первый номер газеты вышел 10 (22) апреля 1883 — к 100-летию присоединения Крыма к России. С самого начала своего основания газета строилась по «зеркальному» принципу: русский и тюркский части точно соответствовали друг другу. С 9 декабря 1905 г. газета начала выходить

на общетюркском языке с русским отделом, содержащим наиболее важные из общественно-политической точки зрения материалы.

Процесс изучения материалов газеты «Терджиман» был начат еще во время существования ее как печатного органа. Однако в разное время к изучению издания относились с разным уровнем научности. Не будет ошибкой утверждать, что историю газеты «Терджиман» в полном объеме еще не изучали и комплексным анализом ее материалов еще не занимались.

На сегодняшний день одной из серьезных проблем для исследователей, изучающих труды И. Гаспринского, является отсутствие библиографических работ по газете «Терджиман».

Первая библиографическая работа по газете И. Гаспринского была составлена Сеитгъазы Гафаровым и опубликована в 1989 г. в журнале «Йылдыз» (Звезда). Очерк писался в 1973–1986 гг. и представляет собой выборку из статей, заметок, художественных текстов, опубликованных большей частью на русскоязычных страницах «Терджимана». Несмотря на то, что составленная им библиография не соответствует стандартам библиографической работы, труд С. Гафарова, как справочный материал, не утратил свою значимость по сей день.

Следующая попытка создания библиографического списка — двухтомник турецкого исследователя Сабри Арыкана «Идеалы, дела, предложения и новости Исмаил бея Гаспринского», включающий более 1000 (1166) заметок издателя газеты «Терджиман». К сожалению, в этой работе нет четкой классификации, а в некоторых местах нарушен хронологический порядок.

Тематическая систематизация публикаций газеты «Терджиман» в хронологическом порядке была проделана И. А. Керимовым в книге «Гаспринскийнинъ «джанлы» тарихи» («Живая» история Гаспринского), в которой автор привел свыше 500 (507) информационных заметок и статей из жизни и культуры крымских татар и других тюркских народов Российской империи.

В пособии «До джерел кримськотатарскої журналістики» И. А. Богданович и В. Ю. Ганкевич выделили 221 редакционную статью и заметки, касающиеся издательского дела и непосредственно работы типографии «Терджиман».

Как известно, русскоязычная часть газеты «Переводчик-Терджиман» (1883–1905) состоит из 1194 номеров, в каждом из которых И. Гаспринский размещал не менее 10-ти заметок и статей. К сожалению, в настоящее время мы не располагаем библиографическим трудом, охватывающим все номера русскоязычного «Терджимана». Существующие попытки создания таких работ во многом не соответствуют уровню библиографических справочников и указателей.

Отсутствие полной библиографии говорит о том, что мы не имеем представления о полном объеме интеллектуального наследия И. Гаспринского.

Очередной вехой в изучении наследия И. Гаспринского стало издание полного собрания трудов просветителя. В 2015 г. Крымским научным центром Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан было инициировано издание полного собрания сочинений просветителя. Целью проекта стало не только повышение уровня доступности произведений просветителя, но и популяризация и сохранение для следующих поколений идей и мыслей Исмаила Гаспринского. Для достижения поставленной цели, были привлечены ресурсы научно-исследовательских и культурных учреждений Крыма, Казани, Санкт-Петербурга, Москвы. Проект полного собрания сочинений И. Гаспринского был призван объединить усилия крымских исследователей и ученых изучающих наследие И. Гаспринского, проживающих за пределами Крыма. Основными крымскими партнерами в этом проекте стали: Бахчисарайский музей-заповедник и Крымскотатарская библиотека им. Исмаила Гаспринского.

Первый том увидел свет в 2016 г. В него вошли оригинальные литературно-художественные произведения И. Гаспринского, написанные на русском языке, художественные тексты, изданные отдельными брошюрами, произведения И. Гаспринского, опубликованные на арабско-графических страницах газеты «Терджиман» и ее приложения «Иляве-и Терджиман».

Второй том был издан в 2017 г. и вобрал в себя раннюю публицистику И. Гаспринского, опубликованную в 1879–1886 гг. на страницах сборников и периодических изданий «Тонгуч», «Шафак», «Зийаи Кавказие»,

«Таврида», «Переводчик–Терджиман», а также труды, изданные отдельными брошюрами в Симферополе и Стамбуле.

Третий том собрания сочинений, увидевший свет в конце 2019 г., содержит публицистические произведения И. Гаспринского, опубликованные им в номерах газеты «Переводчик–Терджиман» за 1887–1890 гг.

Для удобства читателей и будущих исследователей интеллектуального наследия просветителя и по причине отсутствия библиографических справочников по газете «Терджиман» было решено осуществить подачу материала в хронологической последовательности — года издания. Большая часть публицистического наследия И. Гаспринского, размещенная в томах, публикуется впервые. Материалы «от первого лица» раскрывают наиболее значимые общественно-политические, экономические и культурные реалии второй половины XIX в.

В иллюстративных материалах показаны трансформации, произошедшие с самим изданием «Переводчик–Терджиман»: приводится количество его номеров за каждый год, дается детальная информация об изменениях формата, логотипа. Иллюстрации так же отражают связь публицистических произведений И. Гаспринского с его эпохой: личными фотографиями крымскотатарского просветителя; изображениями исторических деятелей, с которыми он сотрудничал либо упоминал их в своих публикациях; фотографиями знаковых событий, отразившихся в публицистике газеты «Терджиман» и т. д.

Хочется отметить, что проект объединил не только ведущие научные и культурно-просветительские учреждения Крыма, но и талантливых исследователей-переводчиков. Благодаря их работе мы познакомились с малоизвестными тюркоязычными публицистическими произведениями И. Гаспринского, которые были впервые транслитерированы, переведены на русский язык и введены в научный оборот.

Скуридин О. А.

ФГБУК «Государственный историко-археологический музей – заповедник
«Херсонес Таврический», Севастополь

ПОЛЯ СРАЖЕНИЙ — МЕМОРИАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА ЭЛЛИНСКОЙ АНТИЧНОСТИ

Skuridin O. A.

BATTLEFIELDS — MEMORIAL AREAS OF HELLENIC ANTIQUITY

*Раньше Нептун смоев остров Саламин, чем память
о Саламинской победе, и раньше сотрётся с лица земли беотийская Левктра, чем слава битвы при Левктре!*

Марк Туллий Цицерон. Тускуланские беседы, I, XLVI (110),
пер. с лат. М. Л. Гаспарова

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью изучения истоков одного из важнейших видов памятников — пространств великих сражений. Поля битв нового и новейшего времени, такие как Аустерлиц, Бородино, Ватерлоо, Мамаев курган, Курская дуга, известны всему миру. Они имели аналоги в эллинской античности.

Целью данной публикации является исследование особенностей мемориальных пространств — полей битв древности (на примерах эпохи поздней архаики и классики).

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

— дать краткую характеристику мемориальным локусам эллинской античности;

— классифицировать пространства великих сражений античности по степени авторитетности в глазах древних авторов;

— показать примеры данных памятников.

Краткая характеристика мемориальных ландшафтов

Пространства великих сражений являлись особым видом памятников эпохи эллинской античности. Это значительные по размерам ландшафты, атрибутами которых служили элементы географического ономастикона: горы, долины, реки и т. д., а также детали растительности.

Мы знаем, что накануне битвы при Марафоне (сентябрь 490 г. до н. э.) афиняне и платейцы стояли у подножия небольшой горы на довольно пересечённой местности (во многих местах росли одиночные деревья) [Nep. Milt., 5]. О марафонском лесе, куда отступили персы, говорилось в эпитафии, которую повелел высечь на своей могиле Эсхил, участник этого сражения [Paus. I, XIV, 4]. Недалеко от поля битвы находилось топкое болото, где нашли свою погибель варвары [Paus. I, XXII, 6].

Особо следует отметить локации морских баталий, включая острова, мысы, заливы и т. д.

Скалы острова Саламина, по словам Эсхила, отражали ликующие крики греков [Aesch. Pers. 388–390]. Сам морской бой произошёл в узком проливе, который стал местом скопления множества вражеских судов [Nep. Them., 4]. В итоге, персы пытались спастись на небольшом островке Пситталя, недалеко от Саламина, где развернулся кровавый эпилог битвы [Herod. VIII, 95].

На местности поле брани было ограничено особыми сооружениями (надгробиями, святилищами). Например, на краю поля битвы при Платеях, находились мраморные алтарь и статуя Зевса Элевтерия, а также медное изваяние божества-покровителя этой территории Киферона [Paus. IX, II, 4].

Как правило, в центре возводился трофей, представляющий архитектурную и смысловую доминанту. Так было на поле боя при Марафоне: в середине памятного локуса возвышался мраморный обелиск [Ibid. I, XIV, 4].

Учитывая вышеизложенное, отметим, что мемориальные пространства полей великих сражений эпохи поздней архаики и классики представляли собой ландшафты, сочетающие природные и рукотворные элементы.

Классификация рассматриваемых памятников

Как показано выше, пространства великих сражений почитались как места проявления воинской доблести, однако их социокультурная ценность, в представлении древних, имела градации.

Особое значение придавалось полям сражений с варварами. Это, прежде всего, относится к битвам Греко-персидских войн, а топонимы Марафон, Саламин, Фермопилы, Платеи, служили напоминанием о примерах храбрости и патриотизма достойных безусловного подражания [Cic. De offic. XVIII, 59]. Обратимся к рассмотрению примеров таких мемориальных локусов.

Выше, нами был кратко описан ландшафт поля битвы при Марафоне. Добавим, что его доминантой, кроме трофея, являлись братские могилы афинян и платейцев: на каждой из них стояли стелы с именами погибших [Paus. I, XIV, 3]. Даже через шесть столетий эти погребения почитались с благоговейным трепетом: «Марафоняне почитают тех, кто пал в этой битве, называя их героями» [Павсаний 2002: 84].

В битве при Фермопилах (сентябрь 480 г. до н.э.) лаконцы потерпели поражение, но стяжали право быть непобедимыми. На поле брани была сооружена стена, пересекавшая проход в горах, которая служила напоминанием о мужественной обороне всей Эллады. В месте сужения этого прохода находился холм, где приняли смерть спартанцы во главе с царём Леонидом и был установлен каменный лев [Herod. VII, 225].

Морское сражение при Саламине (сентябрь 480 г. до н.э.) представляло особое мемориальное пространство, которое включало морскую гладь, а также острова Саламин и Пситгалея, вокруг которых развернулась баталия [Paus. I, XXXVI, 2]. Закономерно, что именно на них эллины установили победные трофеи [Plut. Arist., IX, Paus. I, XXXVI, 1].

Рассмотрим также пример битвы не только за Отчизну, но и за её святыни. Сражение при Платеях (сентябрь 479 г. до н.э.) происходило на широкой равнине за рекой Асоп [Herod. IX, 59]. После этого сражения в центре поля брани были сооружены два трофея [Plut. Arist., XX], а также братские погребения (афинян, спартанцев, остальных эллинов) [Paus. IX,

II, 4]. В тылу объединённого греческого воинства располагалась священная роща Деметры [Herod. IX, 62]. Для эллинов был очень важен тот факт, что данное святилище осталось не осквернённым иноплеменниками [Ibid. IX, 65].

Херонейская битва (август 338 г. до н.э.) закончилась разгромом македонскими войсками объединённых сил греков во главе с афинянами и фиванцами. На поле этого сражения, изменившего судьбу Эллады, располагался надгробный памятник [Strab. II, 37]. Печальный конец греческого ополчения передаёт эпитафия «Палатинской антологии», которая заканчивалась словами:

«...мы старались спасти эту землю святую Эллады,

Пали на славных полях здесь в Беотийской земле» [цит. по: Демосфен 1995: 577].

В отличие от сражений с иноземными захватчиками, события межполисных войн получили **негативную** оценку у античных авторов. Трофеи, воздвигнутые на полях таких баталий, по словам историка и философа I–II вв. Плутарха Херонейского, представлялись свидетельствами «беды и позора» Эллады [Плутарх 1963: 28].

Исключениями являлись битвы между сильным агрессором и более слабыми полисами, сумевшими добиться победы. Таковы сражения при Левктрах и Мантинее, где были повержены считавшиеся «непобедимыми» спартанцы. Рассмотрим детально данные мемориальные пространства.

На поле битвы при Левктрах (июль 371 г. до н.э.), располагались могилы двух молодых женщин, подвергшихся насилию со стороны лакедемонян и покончивших с собой [Paus. IX, XIII, 3]. Во время обряда перед сражением стратег Эпаминонд дал обет в том, что сражение будет вестись не только во имя его родных Фив, но и в отмщение за невинно загубленные души [Ibidem]. После боя свыше тысячи спартанцев и их союзников, а также несколько десятков фиванцев и беотийцев погребли в братских могилах, рядом с захоронениями женщин [Ibid. IX, XIII, 4].

Очевидно, что данные надгробные памятники являлись не только архитектурными, но и смысловыми доминантами, символизируя как доблесть, так и верность обету победителей.

Путешественнику Павсанию во II в. местные жители показывали опушку рощи Пелагоса, где произошла кульминацией сражения при Мантинее (362 г. до н.э.) [Ibid. VIII, XI, 3]. Ему также было известно место Скопа (Наблюдение), откуда руководил битвой и где был похоронен финикийский военачальник Эпаминонд [Ibid. VIII, XI, 4].

Сделаем вывод, что поля брани великих баталий периода поздней архаики и классики почитались как места проявления высочайшей воинской доблести. При этом, неоспоримым авторитетом пользовались памятники борьбы с персидскими поработителями, а мемориальные локусы, посвящённые событиями межполисной вражды, имели гораздо меньшее значение.

Выводы

Подведём итог, указанному выше.

1. Мемориальные пространства полей великих битв эпохи поздней архаики и классики представляли собой ландшафты, сочетающие естественные (горы, реки, долины, леса и т.д.) и рукотворные элементы (трофеи, захоронения, святилища и т.д.).

2. Пространства великих сражений почитались как места проявления высочайшей воинской доблести и патриотизма.

2.1. Особое значение имели поля сражений с варварским полчищами. Примерами таких памятников служат поля битв Греко-персидских войн.

2.2. Гораздо меньшее значение придавалось мемориальным локусам, посвящённым межполисной вражде. Исключением являлись поля боёв за свободу и независимость с сильным агрессором, такие как Левктры и Мантиней.

3. Примеры, рассмотренные в данной публикации, показывают, что сооружения в центре мемориальных пространств (трофеи, захоронения, статуи) часто служили их архитектурными и смысловыми доминантами. Роль своеобразных реперных точек играли сооружения (погребения, святилища и т.д.), а также природные объекты (горы, реки, леса и т.д.), ограничивающие пространство поля брани.

Библиография

ДЕМОСФЕН. Речи. В 3 т. Т. 3 / пер. с древнегреч., отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. — М.: Памятники исторической мысли, 1995. — 624 с.

ПАВСАНИЙ. Описание Эллады. В 2 т. Т. 1. Кн. I–VI / пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк. — М.: АСТ, Ладомир, 2002. — 492 с.

ПЛУТАРХ. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 2 / пер. с древнегреч. М. Е. Грабарь-Пассек, С. П. Маркиш. — М.: Издательство академии наук СССР, 1963. — 548 с.

Александр Андрэ Луи Солька
Независимый исследователь, Лозанна-Москва

**ДРЕВНЕСКИФСКИЕ ПЛЕМЕНА
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ИЗУЧЕНИЕ
КОЛХИДСКОЙ
ТОПОНИМИИ: ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО ЛЕГЕНДАМ И ГЕОГРАФИИ
ОТ АНАТОЛИЙСКИХ КАСКА
ДО АРГОНАВТОВ**

Alexandre André Louis Solcà
Independent Researcher, Lausanne-Moscow

THE ANCIENT SCYTHIAN TRIBES
OF THE BLACK SEA REGION AND
THE STUDY OF COLCHIS TOPONYMY: A JOURNEY
THROUGH LEGENDS AND GEOGRAPHY
FROM THE ANATOLIAN KASKS TO THE ARGONAUTS

Obviously, Scythia, Colchis and Kaska regions have a lot to offer for those interested into a deep journey into Caucasian and early Anatolian contacts in Crimea, Georgia and all Eastern Black Sea region. It is no coincidence if the most famous journey of the Argonauts took precisely place in the Colchis region.

However, not so many studies tried to classify early Greek and Anatolian testimonies starting from the Hellespont eastwards to the Phasis river and Pontic cultural region and connect them to potential datas to be found in Ossetian or other Abkhazian early legends and descendants of Scythian tribes and how we can attribute, with some certainty, actual river and topographical names in the South Ossetian and Georgian regions, a connection to early Iranian and Hattian lexical words.

That is precisely the topic of our presentation and we hope many of you will get interested by our small but meaningful findings. Before exploring more in details Hattian and Scythian ethno-topographical realia in the Pontic region, we must a major and important part of the work has already been undertaken by Dr Anca Dan [Dan, 2016, P. 245–277]. However, a few interesting elements have been left for further research and that is why we decided to look more into it.

We would like to start our survey of ethno-topographical terms with Strabo, Geography, Liber VII, 3¹.

[... They occupied either bank of the Danube, as also did the Mysians, likewise a Thracian people, now called the Moesi, from whom are descended the Mysians, settled between the Lydians, the Phrygians, and the inhabitants of the Troad. Even the Phrygians themselves are the same as the Briges, a people of Thrace, the Mygdones, the Bebryces, the Mædobithyni, the Bithyni, the Thyni, and, as I consider, also are the Mariandyni. All these people quitted Europe entirely, the Mysians alone remaining. Posidonius appears to me to have rightly conjectured that it is the Mysians of Europe (or as I should say of Thrace) that Homer designates when he says,

*“ and his glorious eyes
Averting, on the land look'd down remote
Of the horse-breeding Thracians, of the bold
Close-fighting Mysian race. . . .1” [Homer, Iliad XIII, 3].*

For if any one should understand them as the Mysians of Asia, the expression of the poet would not be fitting. For this would be, that having turned his eyes from the Trojans towards the land of the Thracians, he beheld at the same time the land of the Mysians, situated not far off from where he was, but conterminous with the Troad, rather behind it and on either side, but separated from Thrace by the breadth of the Hellespont.² This would be to confound the continents, and at the same time to disregard the form of the poet's expression. For 'to turn his eyes again,' is more especially to turn them behind him; but he who extends his vision from the Trojans to the people either behind them, or on either side of them, stretches his sight to a greater distance, but not in the least behind him. And this

---

¹ <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0239%3Abook%3D7%3Achapter%3D3>

also is introduced as a proof of this very thing, that Homer classes with these the Hippemolgi,³ the Galactophagi,⁴ and the Abii,⁵ who are the Scythian Hamaxœci⁶ and Sarmatians; for at this day, all these nations, as well as the Bastarnœ, are mixed with the Thracians, more especially with those beyond the Danube, and some even with the Thracians on this side the Danube; also amongst these are the Keltic tribes of the Boii, Scordisci, and Taurisci. Some, indeed, call the Scordisci the Scordistœ, and give to the Taurisci the names of Ligurisci⁷ and Tauristœ. [3]

Posidonius relates that the Mysians religiously abstain from eating any thing that had life, and consequently, from cattle; but that they lived in a quiet way on honey, milk, and cheese; wherefore they are considered a religious people, and called Capnobataœ.⁸ He adds, that there are amongst the Thracians some who live without wives, and who are known by the name of Ctistœ. These are considered sacred and worthy of honour, and live in great freedom. [He pretends] that the poet comprehends the whole of these people when he says, “and where abide, On milk sustain’d, and blest with length of days, The Hippemolgi, justest of mankind.⁹Iliad xiii. 5.

This extensive and beautiful catalogue made by Strabo does serve many useful purposes.

- 1. It informs us of valuable and less well known Black Sea and Northern-Western Anatolian cultures who should be studied under such ethno-topographical clusters.**
- 2. Such Scythian cultures as Hamaxœci, Abii, Galactophagi provide clues to further linguistical cross-analysis of early Indo-Iranian-Ubykh connections bringing to further parallels on Ossetian and Abkhazian early kingdoms and cultural tales.**
- 3. Lexical and hydrographical researches explain many aspects of Pontic current topography and needs therefore to be checked between different early inscriptions and geographical treaties.**

There are many Scythian and Northern Caucasian lexemes and realia which we are currently working on. As the conference is devoted more specifically to Crimea and Eastern Black Sea basin, we decided to focus on those terms related to the Pontic and Phasis river area, as well as Scythian hydronyms and ethnonyms which can be traced back into their current local names.

Now, we simply wish to introduce some original and interesting lexical considerations. Here is one example. Let us focus on the Capnobatae (Καπνοβάται) or in Latin Capnobatae), which according to many researchers, should be understood as “those walking among clouds or those of the clouds”². Obviously, some wishful “scholars” wished to relate them to shamanism and other kind of related divination practice³. We completely differ with their opinions. And here is why. Because we suspect we might have some common Near-East-Indo-European etymology. First of all, we should therefore search more into the kapna lexeme and see what could be hidden in this root.

Even if kapnos can be related to cloud or smoke⁴, this doesn't mean at all that this should be the only possible explanation of this ethnic name. Indeed, in Thessalian, we find an interesting variant of the classical Greek word ἀπήνη⁵, (καπάνᾱ (kapánā), καπάνη (kapánē), cf. LSJ page 875. This word designates a four wheel chariot drawn by mules.

καπάνη [πᾱ], ἡ, chariot, Thess. for ἀπήνη, Xenarch. II. (Prop. the cross-piece in a chariot seat, the side-pieces being καπάνᾱκες, Poll. 1.142.) II. = κάπη, Hsch.; also, a felt helmet, Id.

Besides, in Hesychius, we do find the following glosses.

(καπάναι)· φάτναι
καπάνη· εριχίνη † κυνή

² https://penelope.uchicago.edu/Thayer/e/roman/texts/strabo/7c*.html (Note 66 of the online editor)

“Scholars have suggested various emendations to «capnobatae,» but there is no variation in the spelling of the word in any of the manuscripts, either here or in section 4 below. Its literal meaning is «smoke-treaders» (cp. Ἄεροβάτης, ἀεροβάτω Aristophanes, Clouds 225, 1503), and it seems to allude in some way to the smoke of sacrifice and the more or less ethereal existence of the people, or else (see Herodotus I, 202 and IV, 75) to the custom of generating an intoxicating vapour by throwing hemp-seed upon red-hot stones.»

³ <https://crowhag.com/2022/04/01/capnomancy-the-occult-art-of-cloud-walking-and-smoke-reading-in-ancestral-cults-romanian-folklore-and-contemporary-tradition/>

⁴ https://en.wiktionary.org/wiki/καπνός#Ancient_Greek

See also LSJ page 876 sub verbo καπνός (with among others, quotes from Iliad I, 317 and Odyssea 12, 219) This word is said to relate to Proto-Hellenic *kapnós, from Proto-Indo-European *kwep- (“to smoke, boil, move violently”) but clear proofs for earlier parallel etymologies are scarce.

⁵ This word being a potential and attractive Northwest Semitic loanword, attested as Ugaritic (ʾpn, “wheel of a chariot”) and Hebrew עֲרִיכָן (’ōpān, “wheel of a chariot”). The clipped variant has perhaps been connected vulgarly with πήνη (pénē, “spool”). And possibly not excluded also attested in ancient Egyptian, cf. [Faulkner and Jegorovic, 2002, P. 352]

Φάτνη means usually manger, crib. And we can observe very useful connections between this word and early mythological horses, cf. LSJ page 1919

φάτναι Ζηνός, of the *manger* of Pegasus, Pi. O. 13.92: also of oxen, *ὡς τις τε κατέκτανε βοῦν ἐπὶ φ.* Od. 4.535, 11.411. 2. *βοῦς ἐπὶ φ.*, proverb. of ease and comfort, Philostr. *Im.* 2.10; also *πλουσίαν ἔχειν φ.* E. *Fr.* 378; *φάτναις ἀργυραῖς χρῆσθαι* Str. 3.2.14; *ἡ ἐν τῇ φ. κύων* 'the dog in the manger', Luc. *Tim.* 14, cf. *AP* 12.236 (Strat.);

As for the second entry, also revealing that this glossa means a hairy helmet, cf. *κυνέη*, *κυνη* (Attic contracted form), a word meaning dog's skin but also designating helmet. Clearly, we can see a connection between chariots, warriors and hairy horses and this fits perfectly with the Thessalian form of *apenê* and the Scythian-Sarmatian use of different chariots with hairy mules or horses.

As for *bata*, the second part of this ethnonym, we should not forget we have in Old Persian the word *bāta*- "wine", also attested in Iranian loanwords in other languages [Dahlén, 2017, page 105, note 20]⁶.

Therefore, we humbly propose that *Capnobatae* should be better interpreted as «wine-traders using *kapana* (four wheel chariots)».

Finally, a few elements on different hydronyms of Pontic area which will be presented at length with a complete list of hydronyms during our online paper but we focus here just on one enlightening example: the Pontic River called *Thermodon* [Bekker-Nielsen, 2015, P. 221–241]⁷.

We wish to suggest that *Thermodon* contains a beautiful and harmonious Greek-Scytho-Pontic syncretized etymology, clearly combining ancient Greek *θερμός* (hot) and *don* (the famous general *dana* Celto-Eastern European word for water, river) and which obviously we do see also in the Don River. We will even present concluding elements with the *Rhône* stream in our country Switzerland.

And regarding the interesting Old Persian and Hittite parallels⁸, we might reconstruct the original river name as **G(w)armadon*. pronounced surely more as **gwarma-don* and this would lead to a later form heard as *thwarmadon*.

⁶ (cf. <http://uu.diva-portal.org/smash/get/diva2:1439397/FULLTEXT02.pdf>) and comments on old Iranian word *batugara*. See further references with Tavernier 2007, 147, 273.

⁷ Tønnes Bekker-Nielsen, *Two Pontic Rivers, Cedrus*, vol. 3, Mediterranean Civilizations Research Institute, 2015, pages 221–241, in particular page 236 http://proje.akdeniz.edu.tr/mcri/cedrus/3-2015/CDR_Jun2015_231to242.pdf https://www.academia.edu/18012850/Two_Pontic_rivers

⁸ Old Persian *Garmapada*-, name of the fourth month, corresponding to June/July, from Old Persian *garma*- «heat;» Hittite *war-*»to burn»

References

TØNNES, BEKKER-NILSEN, Two Pontic Rivers, *Cedrus*, vol. 3, Mediterranean Civilizations Research Institute, 2015, P. 221–241.

DAHLEN, ASHK P. «Living the Iranian Dolce Vita: Herodotus on Wine Drinking and Luxury among the Persians», *Boreas* 37, 2017, in *Achaemenid Anatolia, Persian Presence and Impact in the Western Satrapies 546–330 BC*, Proceedings of an International Symposium at the Swedish Research Institute in Istanbul, 7–8 September 2017, P. 99–126.

DAN, ANCA, The Rivers Called ‘Phasis, *Ancient West and East* 15, January 2016, P. 245–277 cf. https://www.researchgate.net/publication/317000219_The_Rivers_Called_%27Phasis%27

FAULNER, RAYMUND O., A, *Concise Dictionary of Middle Egyptian*, modernized by Boris Jegerovic, Griffith Institute, Oxford, 2002.

Супренков А. А.

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

Топоривская М. А.

Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург.

**ПРОВАНСАЛЬСКАЯ ОЛЬВИЯ — *VILLE JUMÉLÉE*¹ УКРЕПЛЕННЫХ ГОРОДИЩ
ЗАПАДНОГО КРЫМА (?).
ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Suprenkov A. A.

Toporivskaya M. A.

PROVENÇAL OLBIA IS THE *VILLE JUMÉLÉE*
OF THE FORTIFIED SETTLEMENTS
OF THE WESTERN CRIMEA (?).
WRITTEN EVIDENCE AND ARCHAEOLOGICAL
RESEARCH.

Провансальская Ольвия² — одна из колоний Массалии, основанных на средиземноморском побережье Галлии в V–IV вв. до н.э., в момент наивысшего политического и экономического развития этого полиса. Среди нескольких городов, упомянутых в текстах Страбона (IV, I, 5, 9) и Псевдо-Скимна (206–216), безусловное местонахождение было определено в двух случаях — Агатэ и Ольвия. Второй колонии в этом плане сопутствовала большая удача с археологической точки зрения. Её строительные остатки, выявленные на прибрежной территории Йера (рис. 1–2), не были застроены в период новейшего времени, античный

1 Город-побратим. В данном случае подразумевается историко-археологическое сходство.

2 Это устойчивое во французской историографии наименование, введенное в научный оборот для выделения этого полиса в Галлии среди прочих одноимённых.

город прекрасно сохранился [Fleury-Alcaraz 2001]. Среди письменных свидетельств об Ольвии, помимо вышеуказанных — тексты Птолемея (*Géographie*, 2, 10, 8), Стефана Византийского (*Ethniquis*, 489) и Помпония Мелы (*Description de la Terre*, II, 70). А известный эпиграфический источник рубежа II–III вв³. дополняет два других, и в данном случае, мы располагаем их триединством.

Археологические исследования Ольвии начались с середины XIX в., когда мэр Йера Альфонс Дени заинтересовался древним валом в местечке л'Альманар. Результаты его изысканий были опубликованы в 1882 г. Исследователь полагал, что обследуемое им поселение соотносится с *Помпонианой*, указанной в *Морских путевых заметках* Антонина [Denis 1882]. В начале XX столетия Пуатевэн де Морейан публикует работу, где представлен план этого поселения и рисунки некоторых вещей. По мнению этого автора, раскопанные им строительные остатки относились к фокейской Ольвии, ставшей Помпонианой в римское время [Poitevin de Maureillan 1907]. А вышеуказанная надпись на мраморной плите с названием полиса подтвердила эту точку зрения.

Систематические же раскопки начались с 1947 г. и связаны с именем Жака Купри, профессора университета Бордо. Его усилиями поселение было внесено в список Исторических памятников в 1949 г, а позднее стало объектом, охраняемым государством. Шурфы, заложенные этим исследователем в 1947–1951 гг., позволили определить план города и дали представление о сохранности строительных остатков. Раскопки Ж. Купри продолжались вплоть до 1971 г., благодаря им удалось проследить градостроительную эволюцию Ольвии от её основания в конце IV в. до н.э. до запустения в VII в. [Olivier, 2007: 14]. Его последователем стал Мишель Батс, который в период 1982–1989 и 2002–2008 гг. образцово раскопал один из городских кварталов — Plôt VI.

Итак, колония Ольвия «Благословенная» была основана на севере полуострова де Жьен у подножия горы des Oiseaux (Птиц) на плато песчаника. Эта территория с востока была ограничена болотами, частично осушенными в настоящий момент. В древности на побережье, где находился

3 *Cenio Vicinia Castellanae Olbiensium*. Надпись, найденная в 1909 г в Йере.

город, косы двух мысов Сисье и Лардые формировали удобную гавань и делали территорию защищённой от морской абразии [Bats 2010: 159].

Город был основан во второй половине IV в. до н.э. В плане он представлял собой квадрат со стороной около 160 м, и был окружён валом с башнями по углам. Еще четыре башни были устроены вдоль стен [Bats 1990: 206–207]. Единственные ворота находились на востоке, а сам полис был разделён на четыре части двумя основными осями, ориентированными по сторонам света. Каждый из четырёх городских участков был в свою очередь разделён на кварталы шириной 11 м и длиной 34,5 м. Между ними были расположены улицы шириной 2,1 м. Известные общественные постройки эллинистического периода были в основном представлены святилищами. На севере мог находиться храм Афродиты — здесь была найдена надпись, посвящённая богине, более 200 керамических сосудов, а также клад бронзовых монет Массалии конца III в. до н.э. На крайнем западе по оси восток-запад было выявлено прямоугольное помещение с множеством терракотовых статуэток, изображающих сидящую богиню, предположительно святилище Артемиды Эфесской, почитаемой, согласно Страбону, во всех колониях Массалии. Однако наиболее изученное святилище — Эврисфея, располагалось за городом, на границе полуострова Жьен. Оно датируется концом II в. до н.э. — I в. н.э. При его раскопках было найдено около 600 керамических сосудов, половина из которых содержали посвятельные надписи. Раскопки этого святилища, помимо информации о сакральной жизни полиса, дали многочисленные сведения и о массалийской ономастике [Bats 2010: 160].

В центре города на месте пересечения осевых улиц была расположена площадь, где был найден большой общественный колодец, вокруг которого во II–I вв. до н.э. был обустроен портик [Joncherey 2018: 406–407]. Площадь этого участка составляла около 42 кв. м. Глубина колодца — 7,5 м при диаметре 2,1 м. До уровня 6,6 м в глубину его стенки были сложены из обработанного песчаника, далее скважина была высечена в скале. Им активно пользовались, судя по всему, вплоть до III в. н.э. [Bats 2010: 159].

В I в. до н.э. территория города подверглась многочисленным перестройкам, хотя его ориентировка, сформированная в эллинистический период, осталась неизменной.

Один же из городских кварталов (Îlot № VI) был исследован полностью (рис. 3). Его датировка соответствует середине I в. до н.э.— середине I в. н.э. Квартал состоял из трёх помещений одинакового размера 11 × 11,5 м и площадью 126 кв. м, формирующих дом на одну семью. Планировка включала в себя общий двор, к которому примыкали три-четыре помещения. Стены были сложены из сырцовых кирпичей на каменном основании. Здесь были найдены следы ремесленного производства, кузнечного дела и также остатки печей. Центральное помещение, выходящее на улицу, было снабжено печью, которая очень активно использовалась, что видно по многочисленным остаткам пепла и пищи [Bouet 1997: 444].

Единообразие городской застройки Ольвии привело большинство исследователей к мысли, что изначальная организация колонии предусматривала одинаковый размер *kléros-oikopédon* для жителей. А хорошо изученный благодаря раскопкам îlot VI быт, подчёркивал скромность их жизни.

Общепринято, что колонии Массалии, в частности Ольвия могли выполнять тройственную функцию. Прежде всего, военную — они служили аванпостами — *epiteikhismata* для защиты морских путей от варваров, о чём говорил Страбон. Далее — социальную, создание *апойкий* было необходимым для расселения демоса из митрополии в момент демографического роста. И наконец, торговую, выполняя роль *эмпориев*, хотя этот аспект мог быть и незначительным. Значение второй функции подчёркивает существование у Ольвии сельской территории, которая могла возникнуть уже в эллинистический период и быть достаточно обширной, достигая 300 га [Dominguez 2005: 159]. Ранее нами подчёркивалась особенность организации сельской территории Массалии, которая возможно не предусматривала выделения всем колонистам земельных участков, а также создания элементов, необходимых для существования обширной хоры — сельских поселений, усадеб, оборонительных сооружений [Супренков, Топоривская 2021: 269–273]. Широко известно также, что в Массалии господствовал аристократический строй. В данном

случае основание и обустройство Ольвии может свидетельствовать о наличии демократических элементов в организации полиса? И попыток организовать суб-колонию на равноправных началах? Или же суб-колония в большей степени представляла собой военное поселение? Это вопросы уже в большей степени исторические. Будем помнить о незначительных размерах Ольвии по сравнению с митрополией. Если в первом случае здесь могло проживать до 400 семей [Brun 1999: 437–461], то в Массалии в эпоху Цезаря население могло составлять до 20 000 человек [Супренков 2013: 50].

В период после осады Массалии Цезарем политический статус Ольвии точно не известен. Письменные источники на этот счёт несколько противоречивы. Так Дион Кассий автор высказывания о том, что Цезарь забрал у Массалии всё кроме свободы (XLI, 25). Флор говорит примерно то же самое (IV, 2), а Орос дополняет: «Цезарь оставил Массалии только жизнь и свободу, забрав остальное» (VI, 15). Однако Страбон, более приближенный по времени к описываемым событиям высказывается иначе: «Как Цезарь, так и последующие императоры в память стародавней дружбы проявили умеренность в отношении проступков, совершенных массалиотами во время войны, и сохранили городу автономию, которой он пользовался с самого начала; поэтому ни сама Массалия, ни зависящие от нее города не подчинялись преторам, посылаемым в провинцию» (IV, I, 5)⁴. Если следовать этому более обстоятельному высказыванию, то и Ольвия сохранила независимость от Рима.

Так или иначе, в эпоху империи топография полиса сильно изменилась. При Тиберии здесь возникают термы на севере города, а позднее и в его прибрежной части, хотя общая планировка по-прежнему оставалась неизменной с эллинистического периода. Приходят в запустения вышеописанные святилища и несколько кварталов. По-видимому, население Ольвии могло уменьшиться по сравнению со II в. до н.э. [Brun 2007: 23–24.]. Город существует вплоть до периода поздней античности, до его разрушения лангобардами. Позднее, в XIII в. здесь возникает аббатство Сан-Пьер Альманар.

---

4 Перевод Г.А. Стратановского.

Переходя к вопросу об исторических параллелях, мы в полной мере осознаём «прозрачность» этих процессов. Очевидно, что многие греческие колонии, так или иначе, повторяли определённый исторический путь. И нашей задачей не является полноформатное историко-археологическое сравнение. Мы только выделяем очевидные черты сходства или же различия описываемых нами реалий с хорошо знакомыми нам и читателям колониями-государствами Северного Причерноморья. Как бы приглашая к дискуссии. Калос Лимен уже упоминался нами коротко при описании соседней с Ольвией колонией Агатэ [Супренков Топоривская 2022: 14]. В данном случае мы также не можем не обратить внимание как на историческое сходство — близость по времени основания и нахождение в составе территориальных держав Массалии и Херсонеса соответственно, так и на археологическое. Среди последних — почти квадратный план города, со схожей длиной сторон, наличие угловых башен и городских ворот с восточной стороны. Отметим и практическую идентичность площади отдельных исследованных домов (120 кв. м в Калос Лимене) [Щеглов 1976; Наливкина 1957]⁵. Имеет значение и наличие в обоих случаях следов древнего межевания территории. Но только если хора Херсонеса является эталонным примером размежёвки территории на участки, то этого нет в случае Массалии. Укажем на это как на пример исторического различия.

Библиография

НАЛИВКИНА М. А. Раскопки Кекинитиды и Калос-Лимена (1948–1952) // История и археология древнего Крыма. Киев. 1957.

СУПРЕНКОВ А. А. Сельская территория Массалия в VI–III вв. до н. э.: по данным археологии. Российская археология, 2013, № 4. М. С. 45–57.

СУПРЕНКОВ А. А., ТОПОРИВСКАЯ М. А. К вопросу о территориальной организации греческой Массалии до начала Пунических войн (письменные источники и археология). Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы

---

5 В данном случае мы намеренно используем только «классические» сведения, не углубляясь в результаты новейших исследований. Это не входит в формат нашей заметки.

международной научной конференции (Севастополь, 2–6 июня 2021 г.) М., 2021. С. 269–273.

СУПРЕНКОВ А.А., ТОПОРИВСКАЯ М.А. Агатэ: аванпост греческой Массалии в Северо-Западном Средиземноморье. Западная Таврида в истории и культуре древнего и средневекового Средиземноморья. Симферополь, 2022. С. 14–27.

ТОПОРИВСКАЯ М.А. История археологического изучения античных памятников Северо-Западного Средиземноморья: греческая Массалия, ее окрестности и колонии. Выпускная квалификационная работа. Севастополь, 2021.

ЩЕГЛОВ А.Н. Полис и хора. Симферополь, 1976.

FLEURY-ALCARAZ K. Renaissance et aménagement d'un site; Olbia la grecque // *Archéologia*, 2001. НН. 34–39

BATS M. Olbia // *Voyage en Massalie, 100 ans d'archéologie en Gaule du Sud*. 1990. PP. 206–207.

BATS M. Établissements grecs du littoral gaulois, III — Hyères (Olbia de Provence // *Archéologie des rivages méditerranéens: 50 ans de recherche. Actes du colloque d'Arles 2009*. Paris, 2010. PP. 158–163.

BATS M. Les phocéens, Marseille et la Gaule (VII–III s. av. J-C). // *Pallas* 89. 2012. PP. 145–156.

BOUETA. Olbia-de-Provence (Hyères-les-Palmiers, Var): la maison de l'îlot VI et l'évolution de la maison à *pastas* de type olynthien. // *Revue d'études anciennes*. 1997. PP. 443–457.

BRUN J-P. Olbia. // *Carte archéologique de la Gaule*. 83/1. Var. 1999. PP. 437–461.

BRUN J-P. Olbia romaine dans son contexte historique et archéologique. // *Etudes massaliètes* 9. Olbia de Provence à l'époque romaine. 2007. PP. 21–28.

DENIS A. Hyères Ancien Moderne — Promenades Pittoresques, Scientifiques et Littéraires sur son Territoire, ses environs et ses Îles. Hièrex, 1882.

DOMINGUEZ A. J. Spain and France (Including Corsica) // *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. 2005.

JONCHERAY C. Les colonies grecques du sud de la Gaule (VII–II s. av. N.E.). // *Cadernos de LEPAARQ*, 2018. Vol. XV. PP. 402–417

DE MAUREILLAN P. Pomponiana (Olbia), San-Salvador, la Pompeï hyréoise. Toulon, 1907.

OLIVIER D. Bref historique de l'exploration archéologique du site d'Olbia // *Etudes massaliètes* 9, 2007. PP. 13–20.

**Иллюстрации к статье Кузенкова П. В., Могаричева Ю. М.,
Сазанова А. В. К ВОПРОСУ ДАТИРОВКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ
МАНГУПСКОЙ НАДПИСИ ИЗ ТАБАНА-ДЕРЕ**

Рис. 1. Надпись из башни укрепления А.ХІ (Табана-Дере. Мангуп). Фото В.Л. Руева.

Рис. 2. Образцы почерков в надписях XIII в. (Херсонес, Эски-Кермен, Мангуп). 1 — IOSPE³ V 172 (Мангуп, 994 или 1294). 2 — IOSPE³ V 243 (Партенит, 906 г.). 3 — IOSPE³ V 66 (Херсонес, 915 г.). 4 — IOSPE³ V 67 (Херсонес, X в.). 5 — IOSPE³ V 240 (Панаир, Алушта, X в.). 6 — IOSPE³ V 30 (Херсонес, X/XI в.). 7 — IOSPE³ V 11 (Херсонес, 1059 г.). 8 — IOSPE³ V 12 (Херсонес, XI в.). 9 — IOSPE³ V 17 (Херсонес, XII в.). 10 — IOSPE³ V 224 (Эски-Кермен, XIII в.). 11 — IOSPE³ V 151 (Каламита, XIII в.). 12 — IOSPE³ V 175 (Мангуп, 1282 г.). 13 — IOSPE³ V 176 (Мангуп, 1361 г.). 14 — IOSPE³ V 144 (Лаки, 1364 г.).

**Иллюстрации к статье Кузнецовой Е.В., Монахова С. Ю.,
Чурековой Н. Б. АМФОРЫ ПОЗДНЕАРХАИЧЕСКОГО
И РАННЕКЛАССИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЯЛТИНСКОГО МУЗЕЯ**

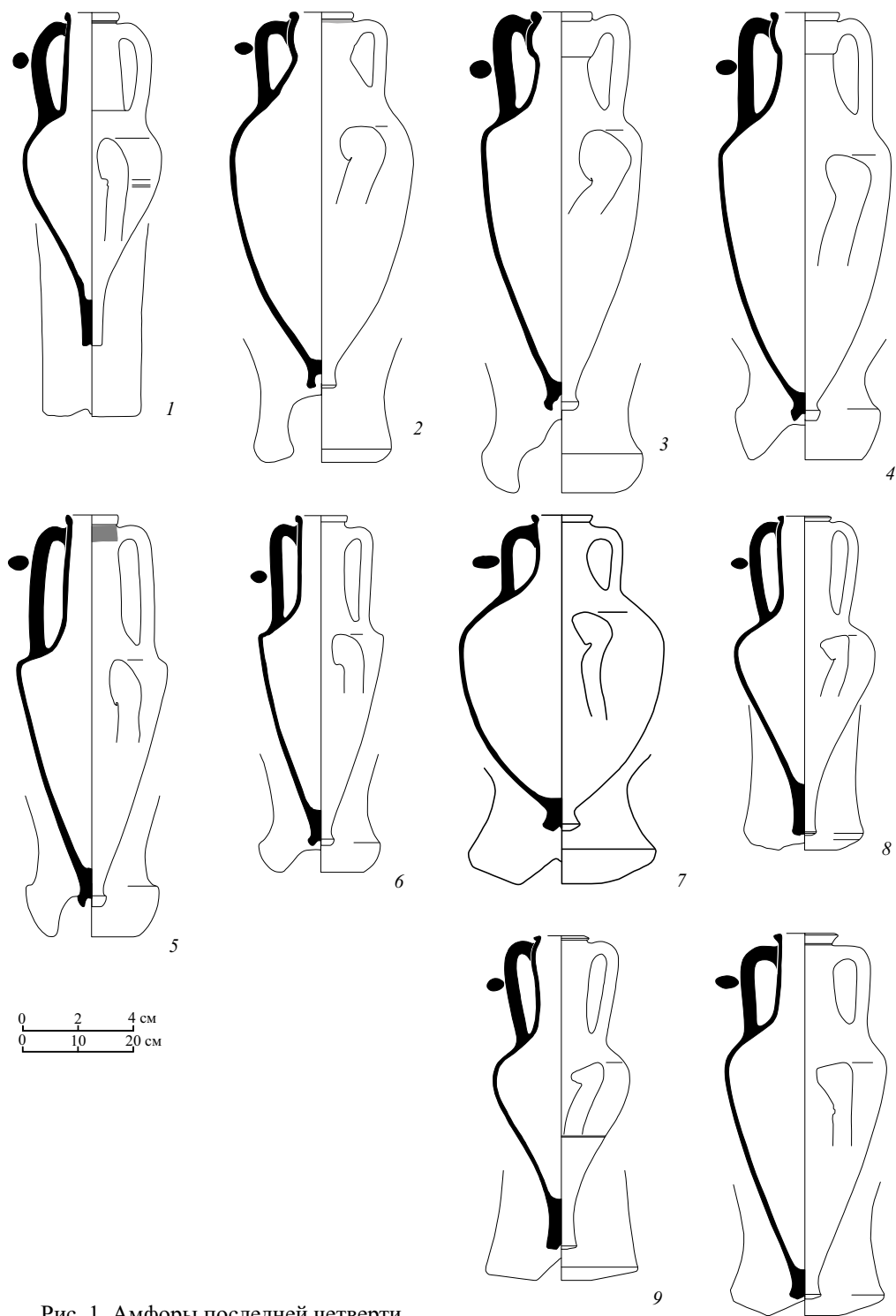

Рис. 1. Амфоры последней четверти VI – конца V в. до н.э. из Ялтинского музея.
1 – Лесбос; 2–6, – Хиос; 7 – Менда;
8, 9 – «с раздутым горлом»; 10 – Фасос.

**Иллюстрации к статье Лебединского В. В., Прониной Ю. А.,
Тюрина М. И. РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЕЙШИХ
ПОДВОДНО-АРЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В СИРИЙСКОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

Рис. 1. Керамический материал, обнаруженный в акватории напротив устья реки Эль Хсейн.

Рис. 2. Остров Эль Фанар, общий вид сверху (аэрофотосъемка).

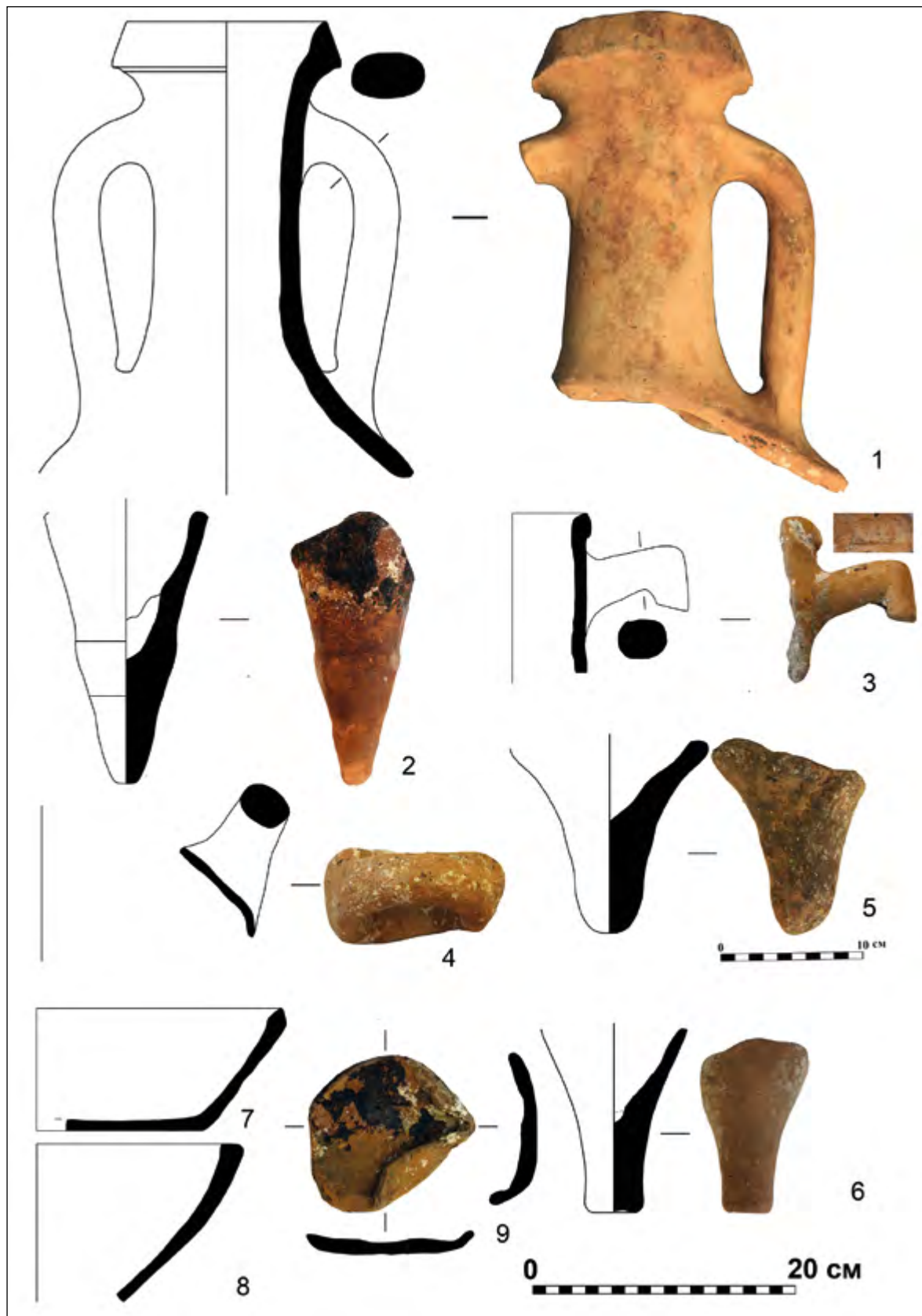

Рис. 3. Подъемный материал, собранный у острова Арвад.

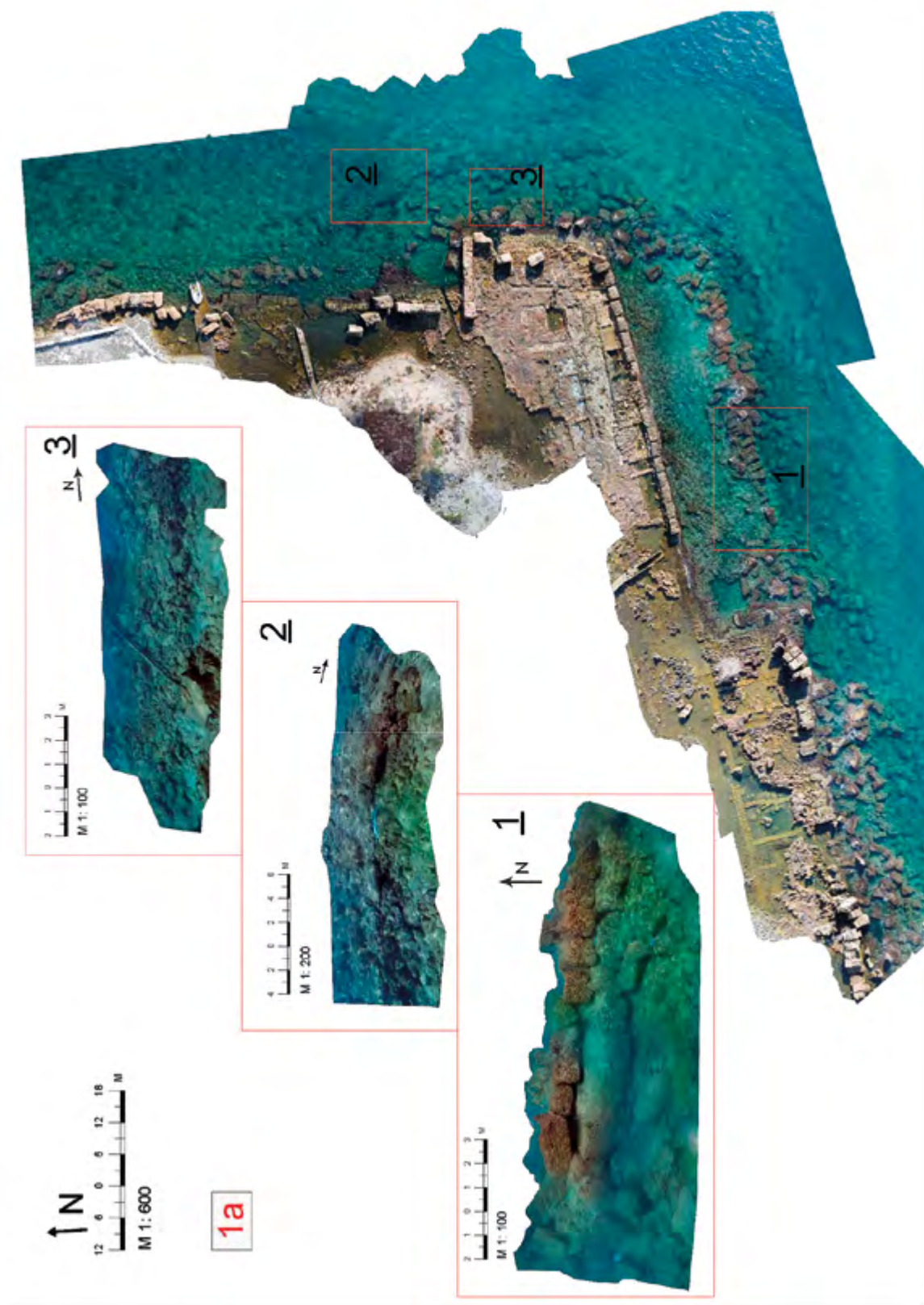

Рис. 4. Остров Арвад, юго-восточная часть (район 1а), видны остатки оборонительных и портовых сооружений (аэрофотосъемка).

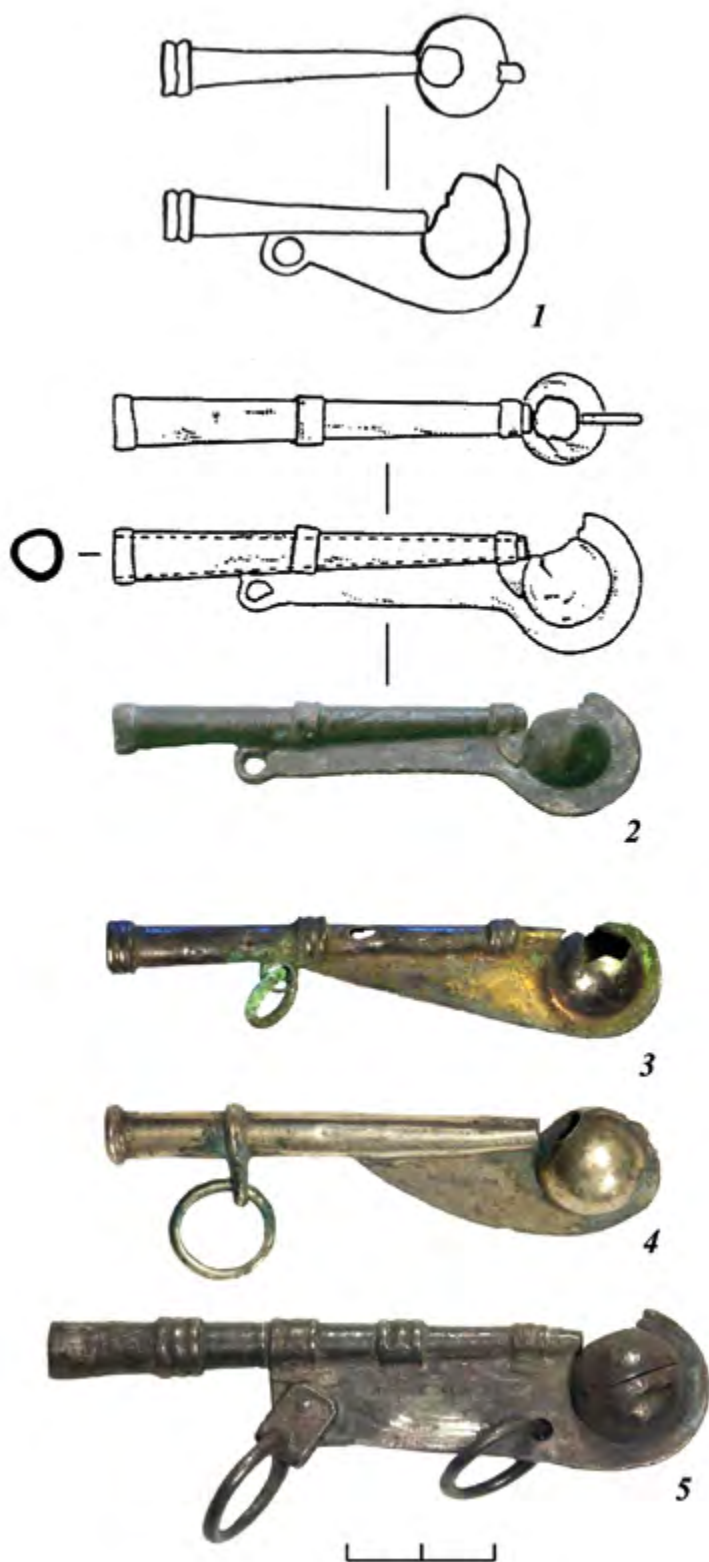
Рис. 5. Общий вид острова Арвад (аэрофотосъемка).

**Иллюстрации к статье Майко В.В. СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ
ИМПОРТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СУГДЕИ XIV—XV ВВ. СТАРЫЕ
НАХОДКИ – НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Рис. 1. Фрагмент кувшина группы Maiolica arcaica di Pisa из средневековой Сугдеи и типологически близкие изделия.

1 – Сугдея; 2 – кувшин из собрания музея Сан Маттео (по <https://commons.wikimedia.org>); 3 – по Ermeti, 2020 4 – (по <https://www.google.com....catawiki>).

Рис. 2. Бронзовый корабельный свисток из Сугдеи и его аналогии.
1 – Сугдея 1997 г.; 2 – Чембало 2003 г. (по Адаксина, Кирилко, Мыц); 3 – курган 2
станция Тульская 1900 г.; 4 – курган 26 станция Белореченская 1896 г.; 5 – курганы
станция Костромская или Андрюковская 1986 г.

**Иллюстрации к статье Махачашвили З.В.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
СЕРЕДИНЫ XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА**

Рис. 1. Карта Причерноморья. (Часть карты: Европейская Россия, по губерниям и железные дороги // А. Ильин. Новый учебный географический атлас для полного гимназического курса, состоящий из 38 карт. Издание Общества «Картографическое заведение А. Ильина». Петроград, Пряжка. Карта №8.)

Рис. 2. Новороссія. (Россия. Географическое описание Российской империи по губерниям и областям с географическими картами / [авт. вступ. ст.: А. Е. Рябченко]. — СПб. : Тип. «Бережливость», Невский, 139, 1913 // Европейская Россия. XII. Новороссія.)

Рис. 3. Кавказский край. Карта Кавказского края. Издание Ильина. СПб, 1872 (1 дюйм — 30 верст).

Иллюстрации к статье Пономарева Л.Ю.

**АНТИЧНЫЕ ДРЕВНОСТИ КРЕПОСТИ ЕНИ-КАЛЕ:
ЗАГАДКА И СУДЬБА ОДНОГО ИЗ НАДГРОБИЙ**

1

2

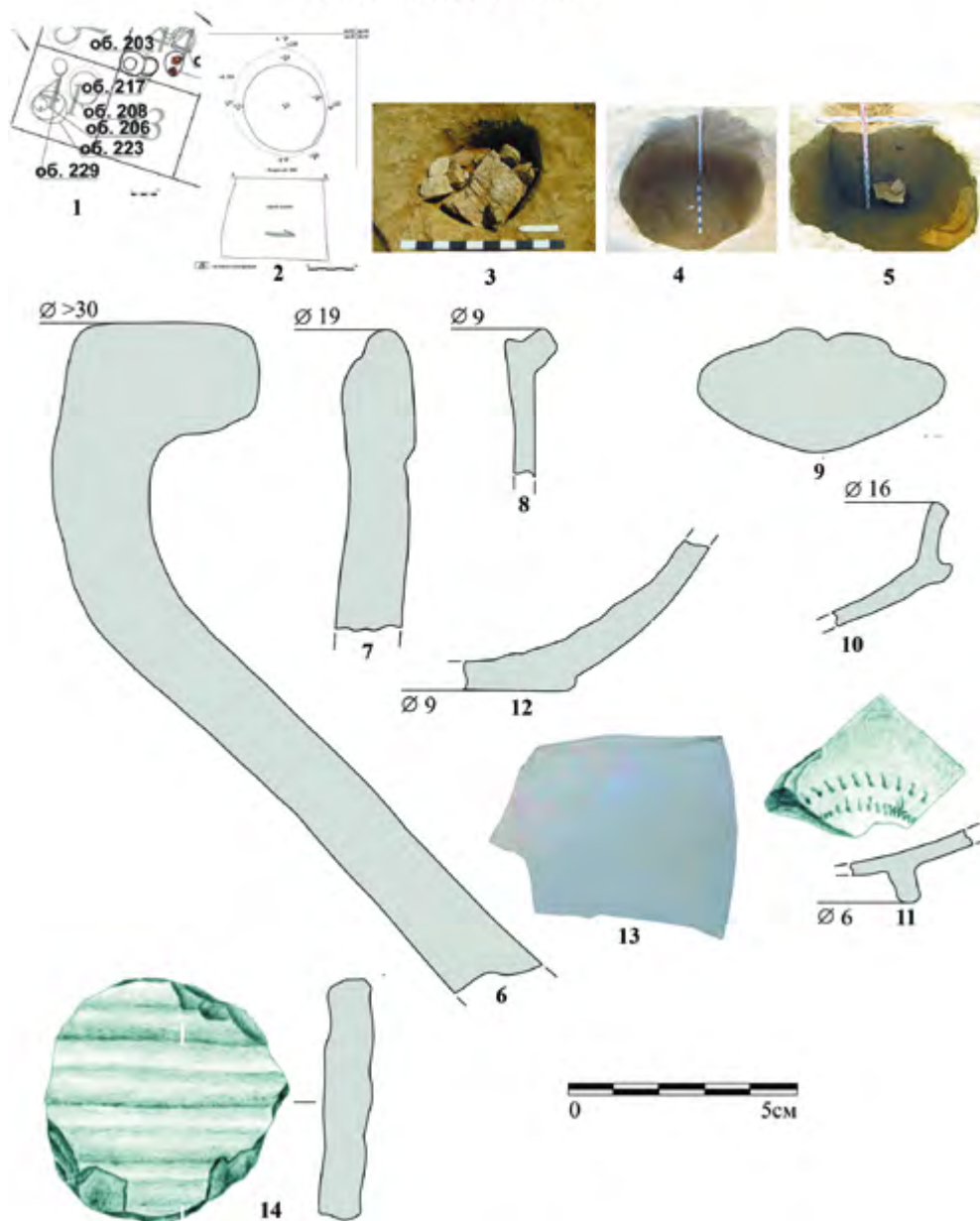
3

Рис. 1. 1 – надгробие Наны и Демостратеи (по Pallas, 1801); 2 – надгробие Наны и Демостратеи в южной стене церкви Иоанна Предтечи (фото В.В. Сокирко, 1973 г.); 3 – надгробия в южной стене церкви (фото автора, 2008 г.).

Иллюстрации к статье Сазанова А.В.

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ II в. С ПОСЕЛЕНИЯ «ИЛЬИЧ–1» НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ КОЛОНКА И ХРОНОЛОГИЯ СЛОЕВ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Ильич-1-2015. Кв. 41. Слой III.2 Яма-объект 208

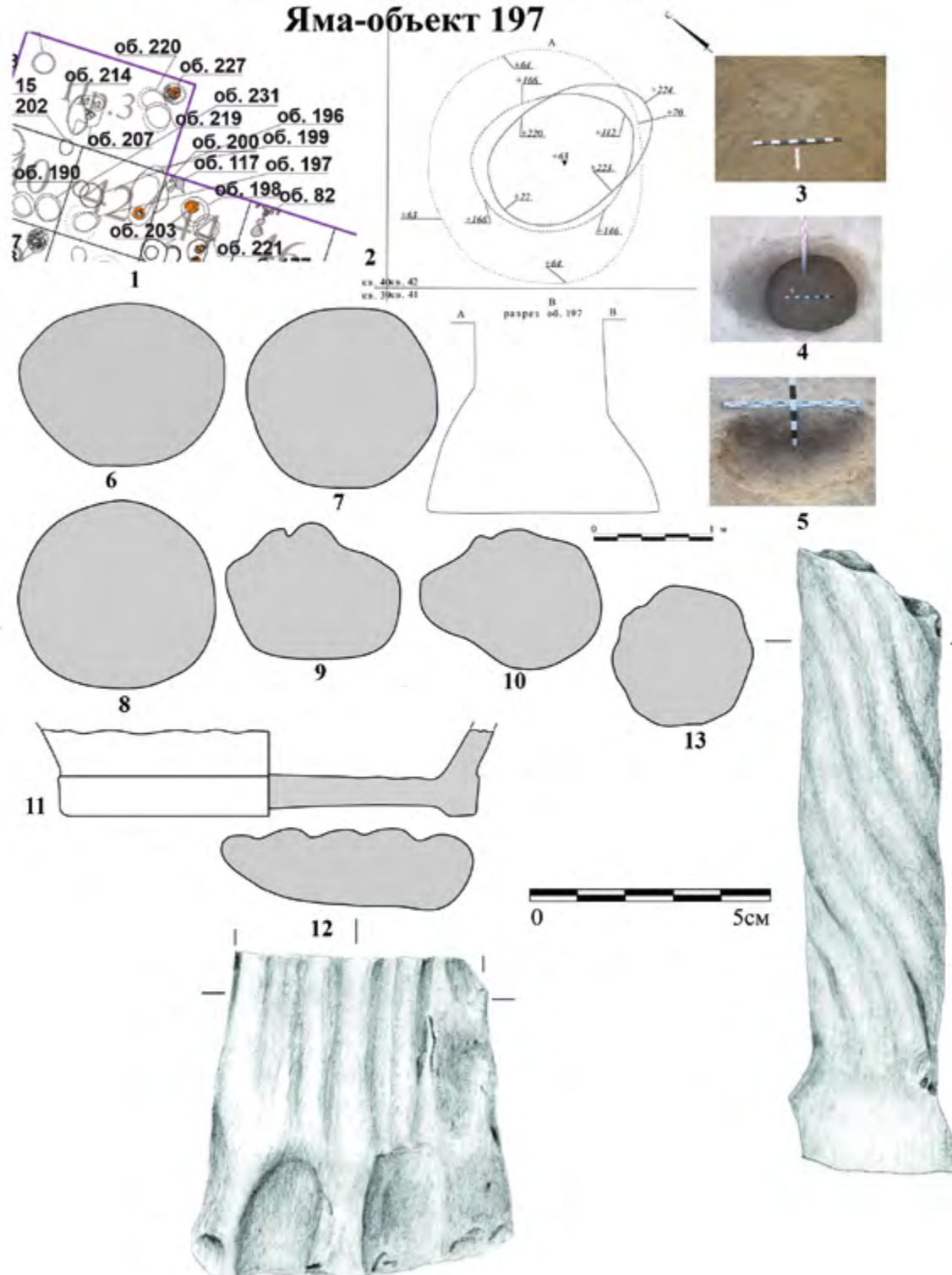

Рис. 1. Слой III.2. Кв 41. Яма-объект 208. 1-местоположение ямы-объекта 208, 2-план и разрез, 3-засыпь горловины ямы, 4-яма после удаления засыпи, 5- разрез заполнения ямы, 6-красноглиняный пифос, 7-амфора Зеест 89, 8- краснолаковый кувшин Pontica sigillata форма 4, 9-узкогорлая светлоглиняная амфора C IV A 2, 10, 11 - краснолаковые тарелки Pontic sigillata A формы 4.2, 12 -сероглиняный лощеный закрытый сосуд, 13-стекло, 14-амфорная крышка, изготовленная из рифленой стенки розовоглиняной амфоры.

Ильич-1-2015. Слой III.2. Кв. 42.

Вторая половина II в. н.э.

Яма-объект 197

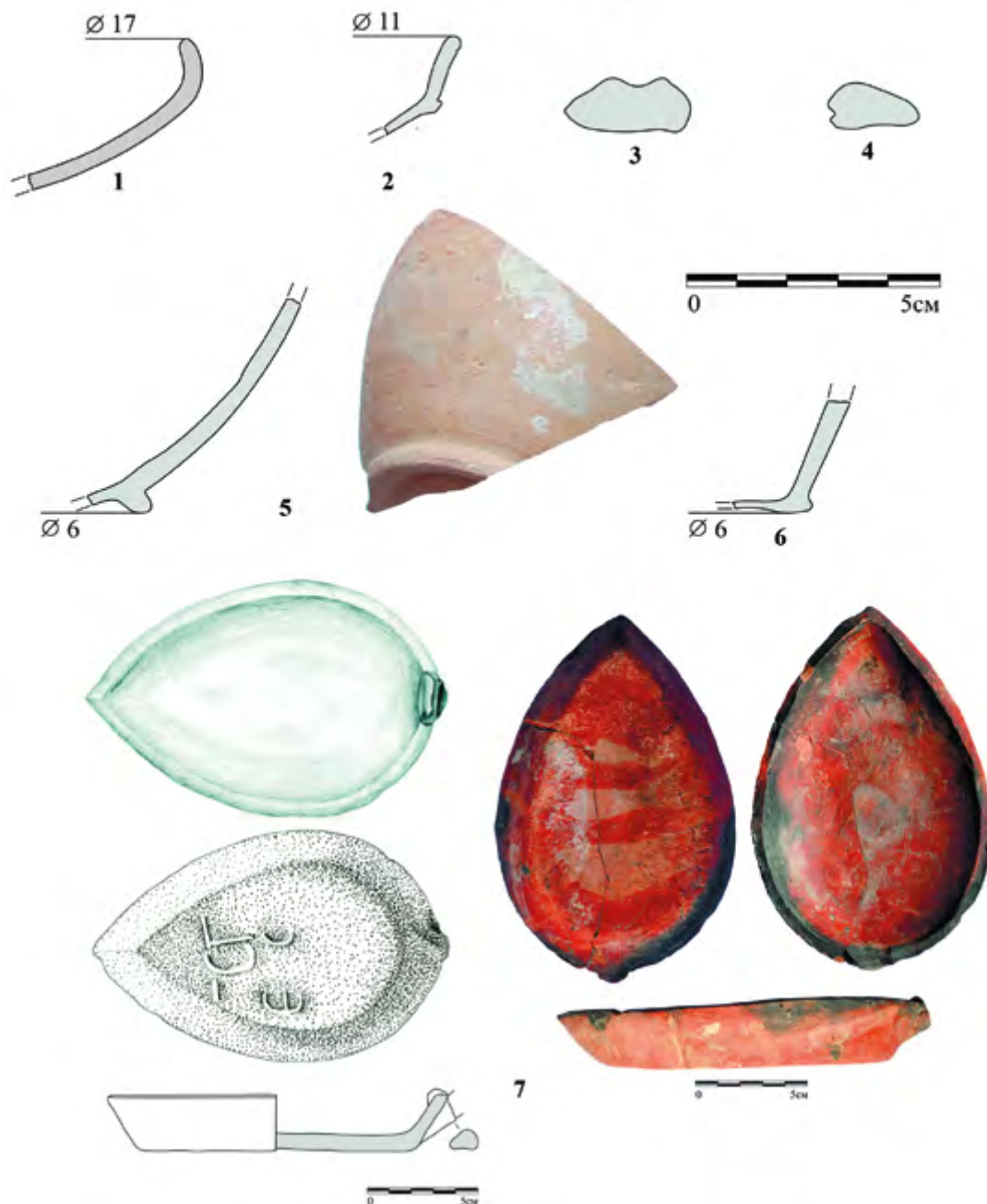

Рис. 2. Слой III.2. Кв 42. Яма-объект 197. 1-местоположение ямы-объекта 197, 2-план и разрез, 3-засыпь горловины ямы, 4-яма после удаления засыпи, 5- разрез заполнения ямы, 6-8-красноглиняные амфоры Зеест 83/89, 9, 10-узкогорлые светлоглиняные амфоры С IV С 2, 11, 12-красноглиняная плоскодонная амфора Зеест 81, 13- красноглиняный круговой кувшин с реберчатыми ручками.

Ильич-1-2015. Слой III.2. Кв. 42.

Вторая половина II в. н.э.

Яма-объект 197

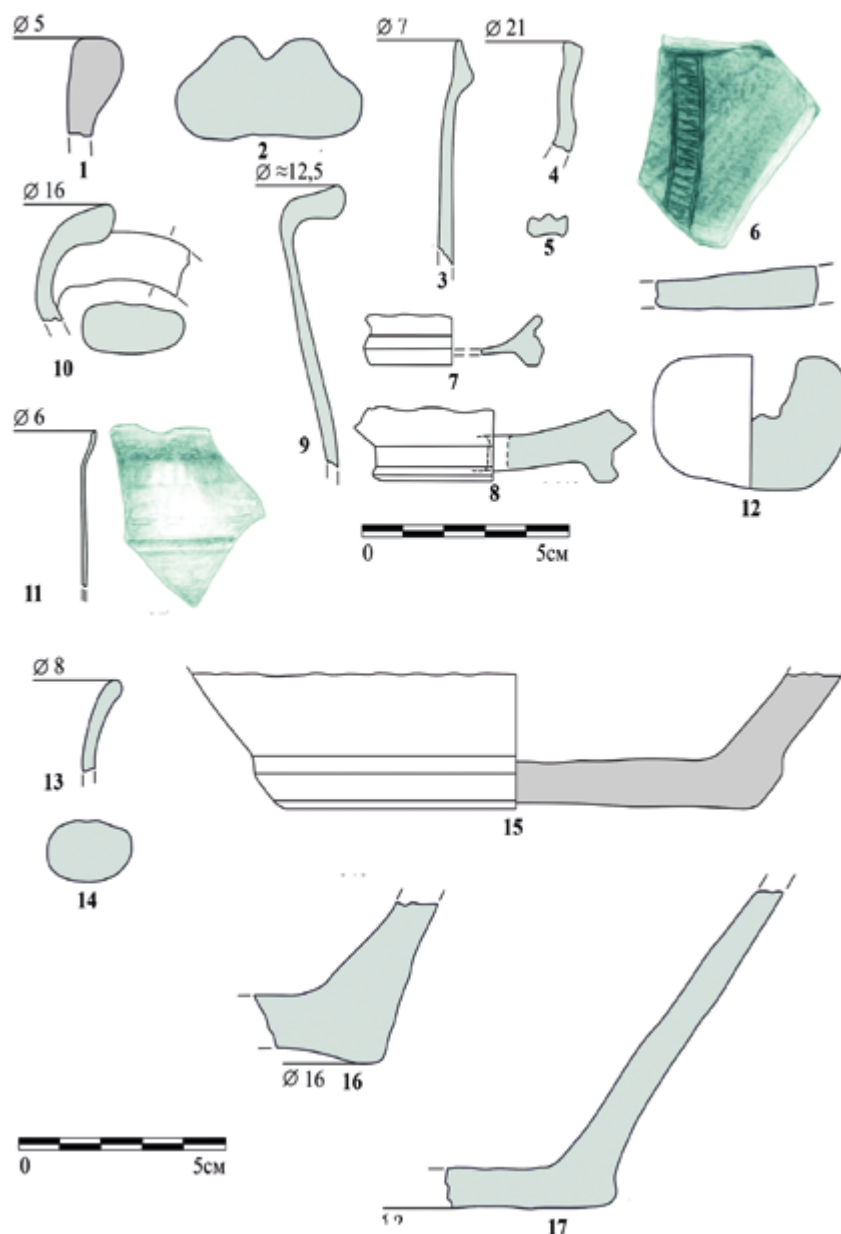

Рис. 3. Слой III.2. Кв 42. Яма-объект 197. 1- миска Kühnelt Pontic sigillata, PS II. Form S-1d, 2- чашка Kühnelt Pontic sigillata, PS IV. Form T-1a-V, 3- кувшин Kühnelt Pontic sigillata, PS IV. Form K-3b=Журавлев Pontic sigillata. Форма 20.1, 4-кувшин. Kühnelt Pontic sigillata, PS IV. Form K-7, 5- кувшин Журавлев Pontic sigillata. Форма 20.1, 6- чаша Журавлев Pontic sigillata. Форма 30.2, 7- круговой светильник с открытым резервуаром с потеками красного лака Арсеньева Б. Тип 2.

Ильич-1-2015. Слой III.2. Кв. 42.

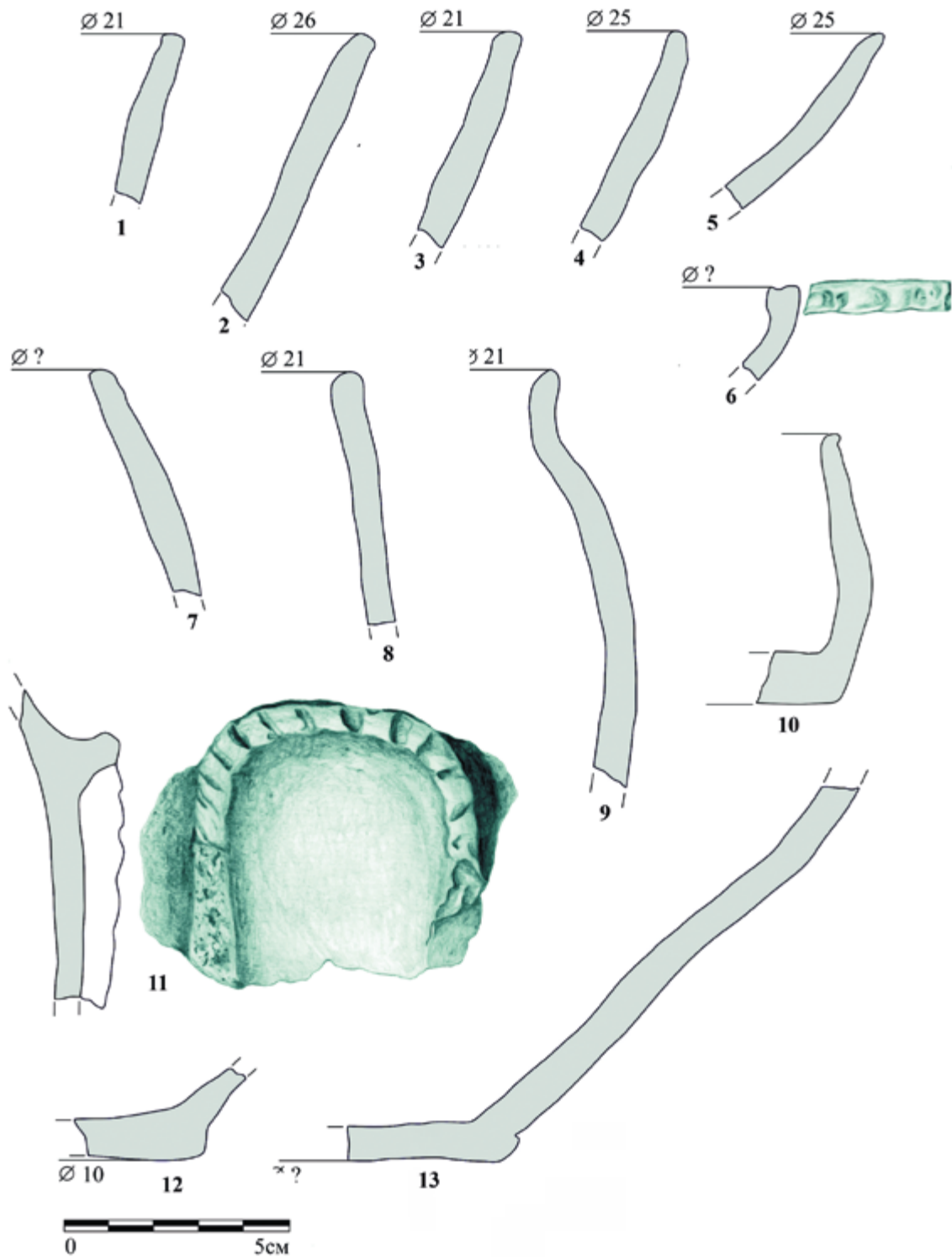
Вторая половина II в. н.э.

Яма-объект 197

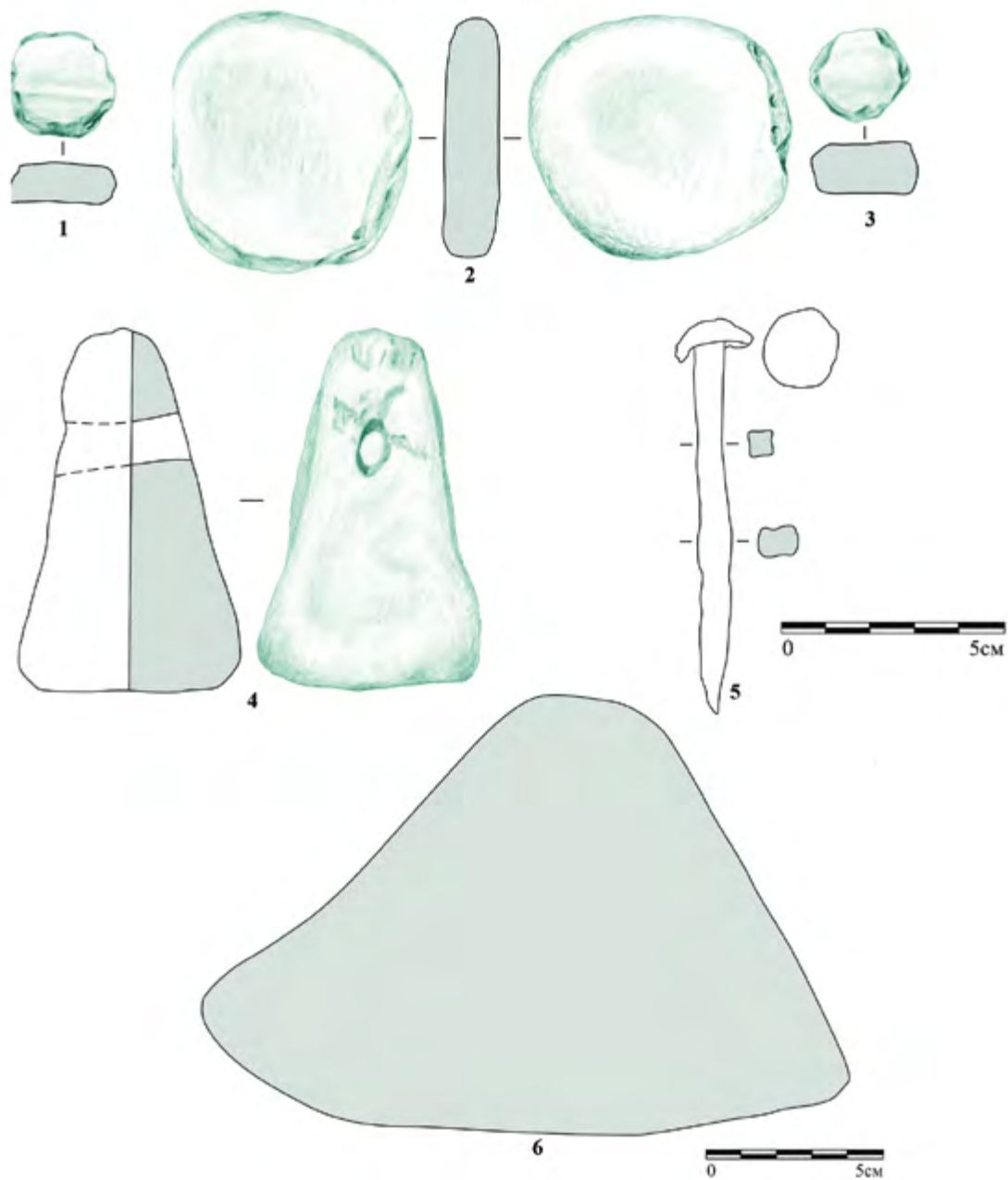
Рис. 4. Слой III.2. Кв 42. Яма-объект 197. 1, 2- амфоры C IV A 2, 3- краснолаковый кувшин Kühnelt Pontic sigillata, PS I. Form K-1a=Журавлев Pontic sigillata. Форма 2.1, 4- краснолаковая тарелка Kühnelt Pontic sigillata, PS III. Form T-1b-II= Журавлев Pontic sigillata A. Форма 3.3, 5- краснолаковый кубок Журавлев Pontic sigillata A.Форма 3, 6- краснолаковая миска Eastern sigillata B 2 Hayes form 60, 7- пряслице сделанное из поддона краснолакового кувшина Pontic sigillata. Форма 11.1 по Журавлеву=Kuhnelt PS IV.Form K-10a, 8- пряслице сделанное из поддона краснолакового кувшина Pontic sigillata. Форма 25 по Журавлеву, 9- кастрюля с биконическим приземистым туловом типа 2 по Дж. Хейсу, 10- круговой сероглиняный горшок, 11- стеклянный стакан с дисковидным дном и профилированным краем, сбитым с выдувной трубки типа Ф 1 по Н.П. Сорокиной-Е. М. Алексеевой, 12- пробка, изготовленная из окатанной ножки хиосской амфоры типа Монахов IV A, 13, 14 – круговые столовые кувшины, 15- красноглиняный пифос, 16, 17 – круговые кухонные закрытые сосуды.

**Ильич-1-2015. Слой III.2. Кв. 42.
Вторая половина II в. н.э.
Яма-объект 197**

Рис. 5. Слой III.2. Кв 42. Яма-объект 197. Лепная кухонная посуда.

**Ильич-1-2015. Слой III.2. Кв. 42.
Вторая половина II в. н.э.
Яма-объект 197**

Рис. 6. Слой III.2. Кв 42. Яма-объект 197. 1, 3-керамические амфорные крышки, 2-каменная амфорная крышка, 4- глиняное грузило, 5-бронзовый гвоздь, 6-фрагмент каменной зернотерки.

Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Том 2

**Иллюстрации к статье Супренкова А. А., Топоривской М. А.
ПРОВАНСАЛЬСКАЯ ОЛЬВИЯ — VILLE JUNI E УКРЕПЛЕННЫХ
ГОРОДИЩ ЗАПАДНОГО КРЫМА ( )/?/]. ПИСЬМЕННЫЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Рис. 1. Провансальская Ольвия на картах: 1. Средиземноморья; 2. южной Франции; 3. аэрофотография с востока (М. Vats, 2010).

Рис. 2. Ольвия. 1. Общий вид с запада; 2. общий вид с севера; 3. реконструкция античной колонии (М.А. Топоривская, 2021).

Рис. 3. Ольвия. Квартал VI, вид с юга (М. Bats, 2010).

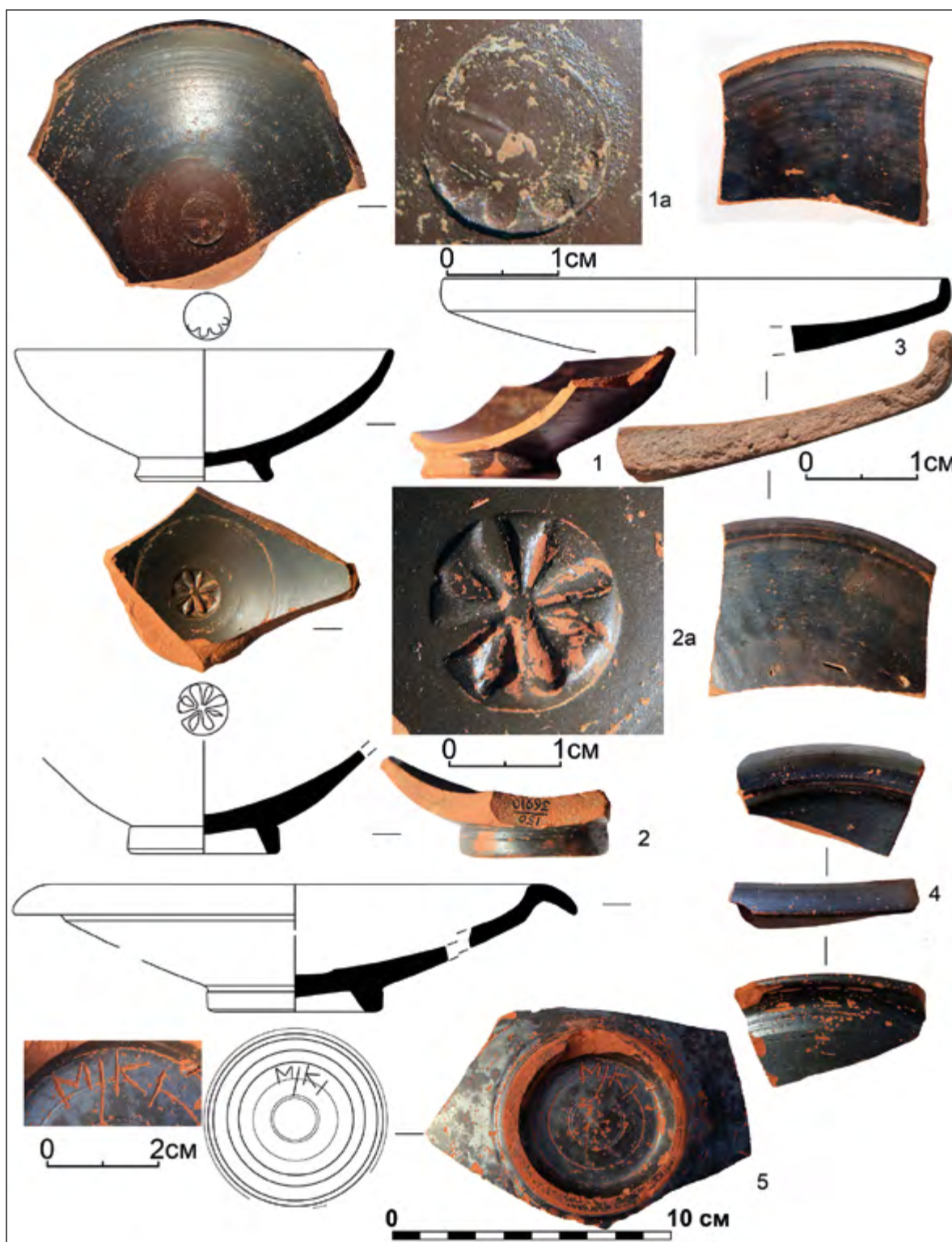
**Иллюстрации к статье Тюрина М.И., Ушаковой К.С.
ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА САМРАНА А ИЗ ХЕРСОНЕСА
ТАВРИЧЕСКОГО И ЕГО ХОРЫ: НЕСКОЛЬКО НАХОДОК
ИЗ КОМПЛЕКСОВ**

Рис. 1. Сосуды группы Самрана А из херсонесского некрополя: раскопки Р.Х. Лёпера (1) и В.В. Борисовой (2, 3).

Рис. 2. Сосуды группы Самрана А из раскопок Р.Х. Лёпера (1), Г.Д. Белова и С.Ф. Стржелецкого (2-7) на Херсонесском городище.

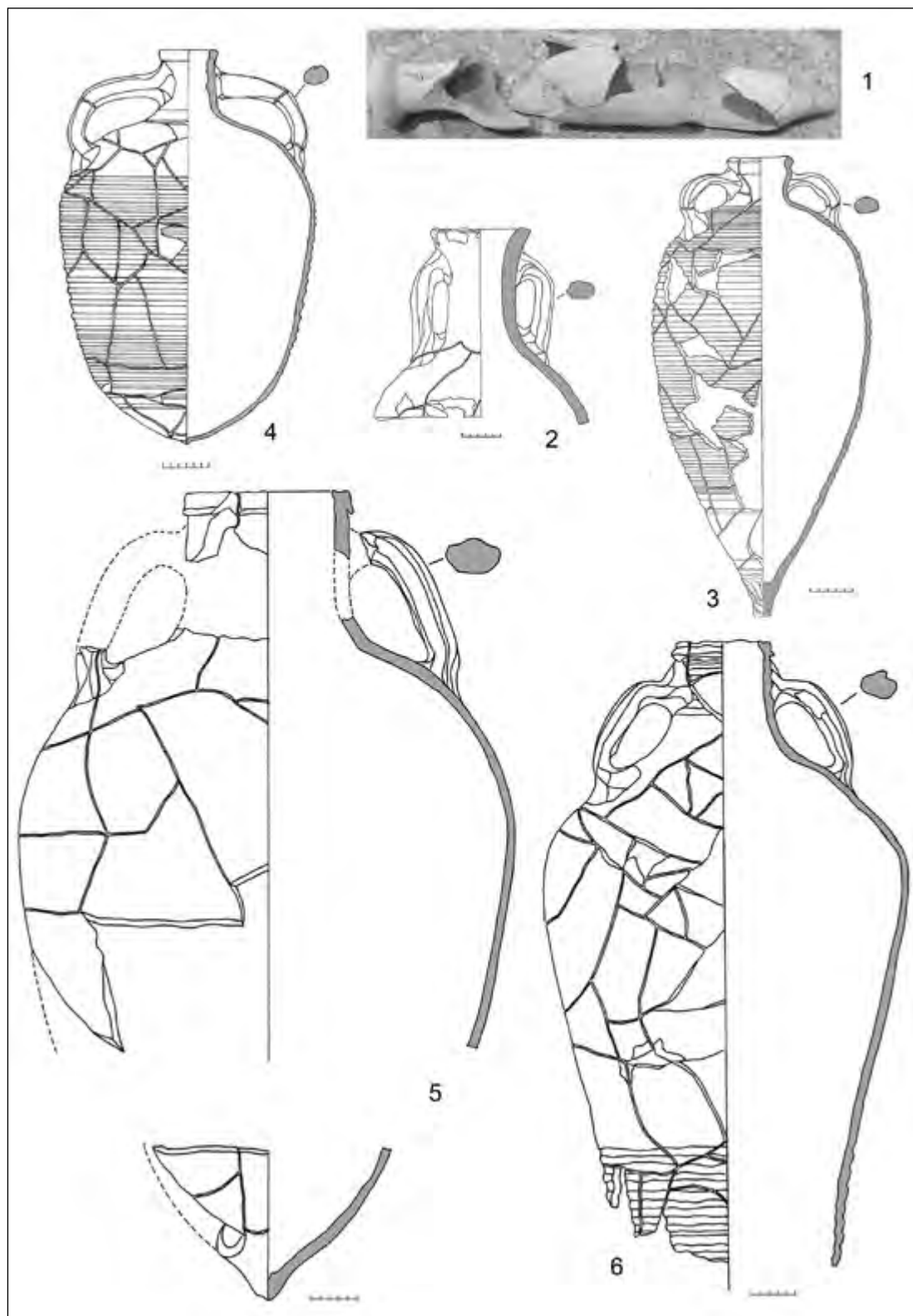

Рис. 3. Сосуды группы Самрана А из раскопок М.И. Золотарёва (1-2) на Херсонесском городище, С.Л. Соловьёва (3-5) на Южном пригороде Херсонеса.

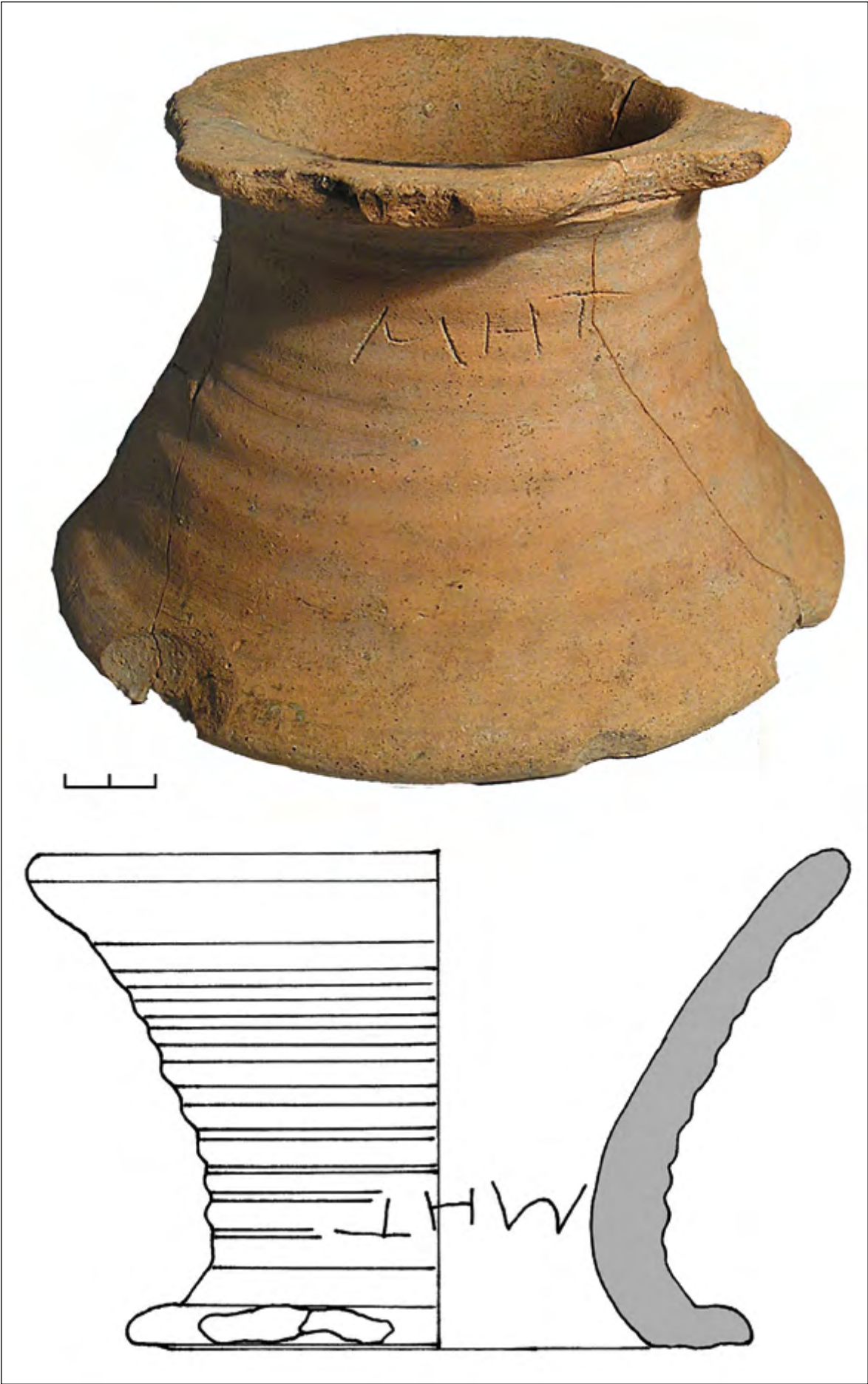

Рис. 4. Сосуды группы Самрана А из памятников ближней хоры Херсонеса: разведок В.В. Дорошко (1) на усадьбе участка 328 и С.В. Язикова (2) на усадьбе участка 378.

**Иллюстрации к статье Ушакова С.В. АМФОРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ ИЗ РАСКОПОК СЕВЕРО-
ВОСТОЧНОГО РАЙОНА ХЕРСОНЕСА
/(КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)/**

**Иллюстрации к статье Чемодурова Н. Н. ДОВОЕННЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВАРВАРОВКА:
НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О СТАРОМ ОТКРЫТИИ**

Рис. 1. Варваровский отряд. Фото август 1939 г. П. Н. Шульц стоит в крайнем левом ряду третий от начала шеренги [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 4. Д. 91. Л. 12].

Рис. 2. Страница Дневника Варваровского отряда Ольвийской экспедиции [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 53. Л. 1 об.].

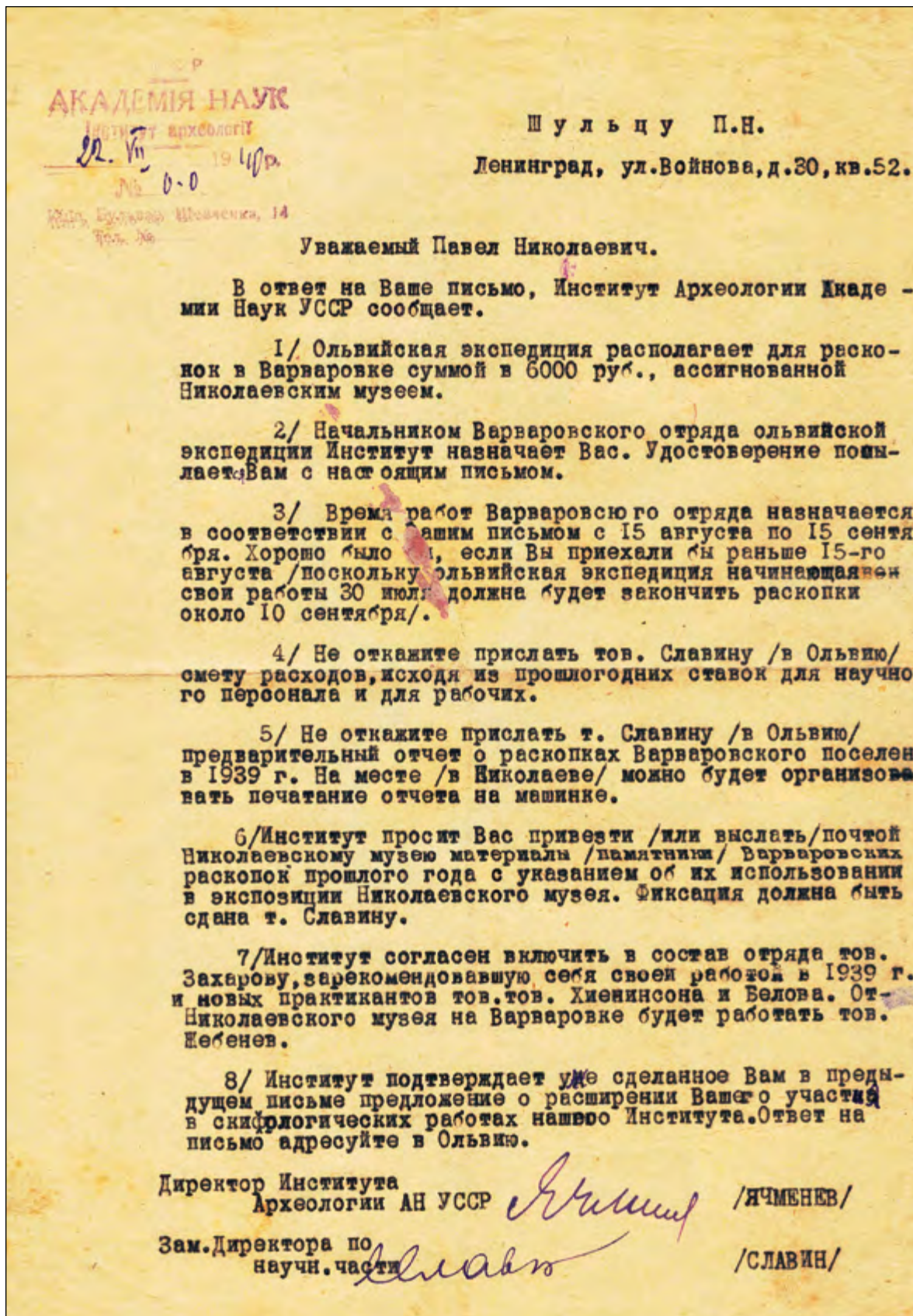
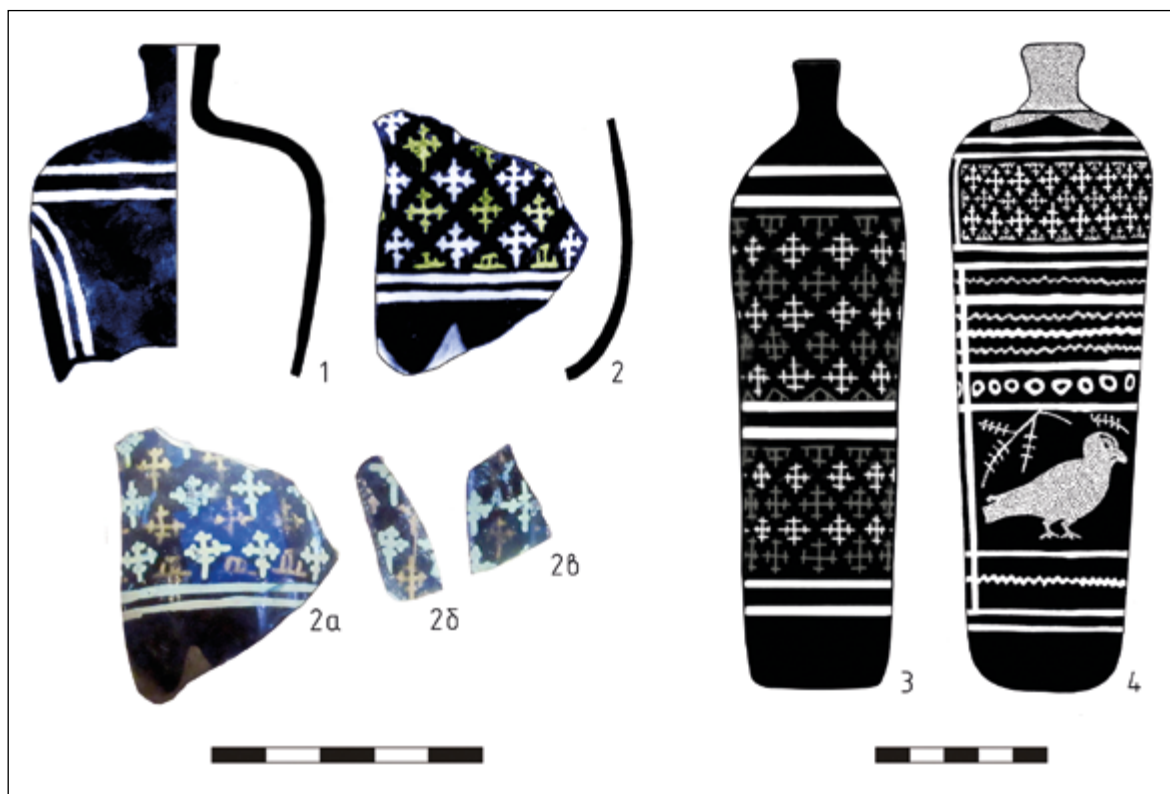

Рис. 3. Письмо П. Н. Шульцу из ИА АН УССР от 22. 07. 1940 г. [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 61. Л. 14].

**Иллюстрации к статье Чхаидзе В. Н. ФРАГМЕНТЫ
ВИЗАНТИЙСКИХ СТЕКЛЯННЫХ ФЛАКОНОВ XIII в.
ИЗ РАСКОПОК ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА**

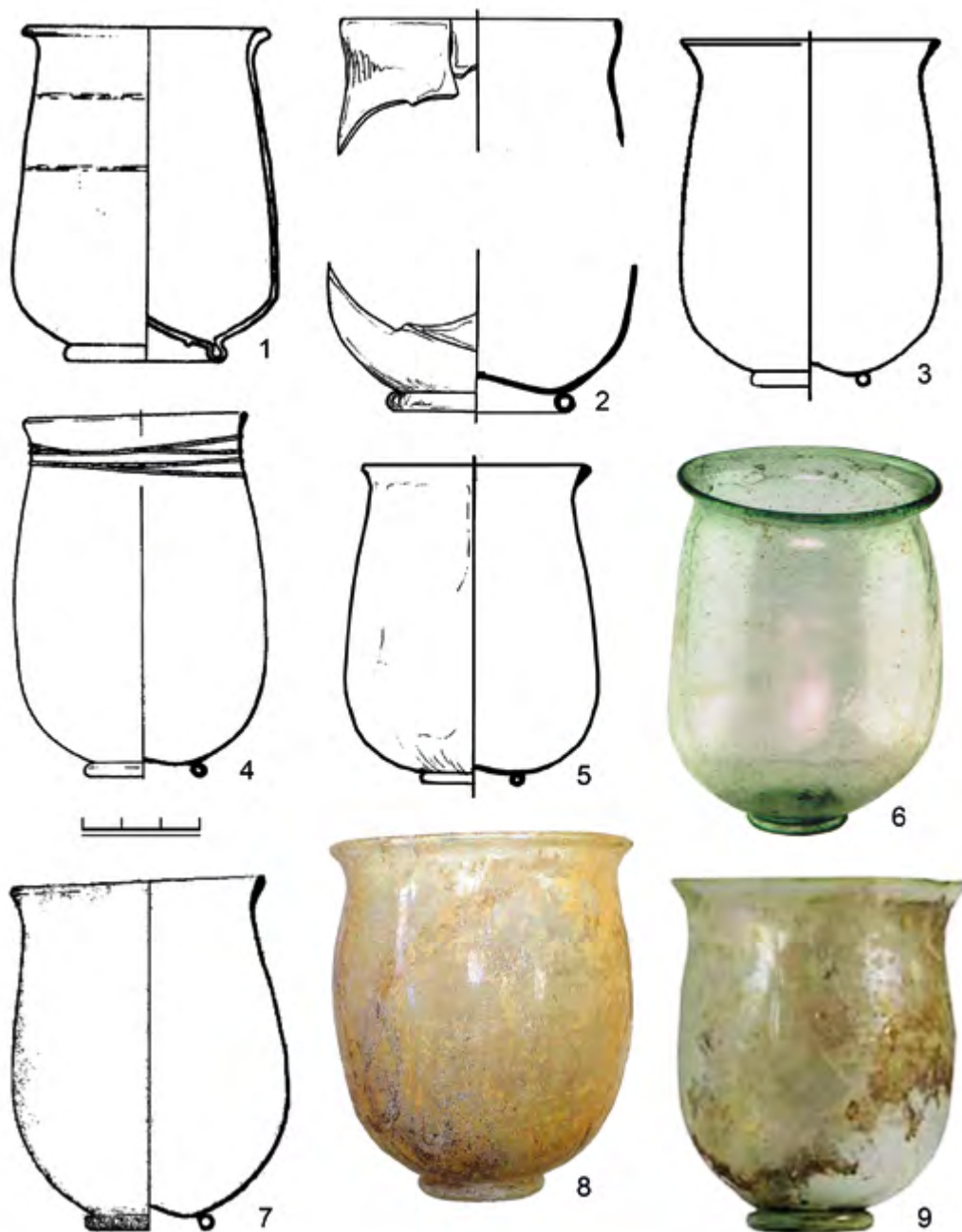

Рис. 1. Византийские стеклянные флаконы XIII в. 1-2 – Таманское городище (1985 г.). 2 – Кипр [Megaw 1968]. 3 – Новогрудок [Джанполадян 1961].

Рис. 2. Ареал распространения византийских стеклянных флаконов XIII в.

Иллюстрации к статье Шабанова С. Б. СТЕКЛЯННЫЕ СТАКАНЫ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ «МЕСТНОГО» ПРОИЗВОДСТВА ИЗ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА

Рис. 1. Стеклянные стаканы. 1 – Бельбек IV, мог.131 [по: Сорокина, Гущина 1980: рис. 1, 3]; 2 – «Совхоз №10», мог. 175 [по: Стржелецкий и др. 2002–2004: табл. 23, 10]; 3 – Нейзац, мог. 219 [по: Шабанов 2011: рис. 2, 13]; 4 – Дружное, мог. 3 [по: Храпунов 2002: рис. 71, 13]; 5 – «Совхоз №10», мог. 56 [по: Стржелецкий и др. 2002–2004: табл. 8, 30]; 6 – Дружное, мог. 66 [по: Наследие тысячелетий 2022: №171]; 7 – Сувлу-Кая, мог. 2 [по: Волошинов, Масыкин 2022: рис. 6, 19]; 8 – Нейзац, мог. 180 (фото С.Б. Шабанов); 9 – Фронтное 3, мог. 51 [Гавритухин и др. 2020: рис. 2, 66].

Таньшина Н. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва

Московский педагогический государственный университет, Москва

**НА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ФРОНТАХ
КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ:
Л.-А. ЛЕУЗОН ЛЕ ДЮК КАК ВИРТУОЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ**

N. P. Tanshina

ON THE IDEOLOGICAL FRONTS
OF THE CRIMEAN WAR:
L.-A. LEUZON LE DUC AS A VIRTUOSO
OF POLITICAL PROPAGANDA

Благодарности: *Статья подготовлена при финансовой поддержке Фонда содействия сохранению и развитию историко-культурных и духовно-нравственных основ Русской цивилизации «Светославъ» (Договор № 3/2022).*

Многие аспекты, связанные с историей Крымской, или Восточной войны (1853–1856), являются дискуссионными как в отечественной, так и зарубежной историографии. Одним из них является вопрос о причинах войны и роль идеологического фактора в ее подготовке. Как отмечает британский исследователь О. Файджес, «причины Крымской войны невозможно понять, изучая исключительно действия политиков и дипломатов. То была первая в истории война, во многом вызванная давлением прессы и общественного мнения» [Файджес 2021: 204]. Исходя из этого американский историк Мартин Малиа был склонен считать Крымскую войну своего рода идеологической агрессией против России [Безансон 2004]. Тем более, что почва для антироссийских настроений была прекрасно

подготовлена в предыдущие десятилетия. Это дало основание английскому исследователю Дж. Х. Глисону еще в середине прошлого века сделать вывод о том, что русофобия 1830-х гг. сыграла столь же важную роль в развязывании Крымской войны, что и русофобия ее кануна [Gleason 1950: 276]. Но если в 1830–1840-е гг. международные противоречия удавалось разрешать дипломатическим путем, то в начале 1850-х гг. общественное мнение буквально толкало власти к войне с Россией.

Это выводит на очень важную проблему: влияние русофобских настроений на принимаемые политические решения. Общественное мнение становится фактором, не учитывать которое правящие круги уже не могли. Несмотря на то, что газеты и журналы были формально адресованы массовой аудитории, зачастую их действительной целью было стремление повлиять на процесс принятия политических решений [Вайнштейн 2007].

Антирусские публикации только усилились с началом военного конфликта, и «война перьев», идеологическая война, была важной составляющей реальной войны. Что характерно, Крымская война в очередной раз продемонстрировала зависимость европейского взгляда на Россию от текущей политической конъюнктуры, когда авторы, прежде писавшие о России вполне нейтрально или даже благосклонно, быстро превращались в «бойцов идеологического фронта». Примером такого политического «переобувания на ходу» является творчество известного французского путешественника и писателя Луи Антуана Леузон Ле Дюка (1815–1889).

В свое время А. С. Пушкин очень метко назвал Максимилиана Робеспьера, лидера французских революционеров-якобинцев, «сентиментальным тигром». Л.-А. Леузон Ле Дюк был таким «сентиментальным русофобом». Писал о России самые разные работы, в зависимости от политической конъюнктуры. По мотивам своего путешествия в Карелию за камнем для саркофага Наполеона Бонапарта, совершенного в 1846–1849 гг., он создал политически нейтральный рассказ [Léouzon Le Duc 1853 (1)].

Однако, как только началась война, Леузон Ле Дюк оказался в первых рядах пропагандистской антирусской кампании. В 1853–1854 гг. он опубликовал работы «Современная Россия», «Русский вопрос» и «Россия и европейская цивилизация». Две последние книги — это откровенно русофобские

работы, жесткая пропагандистская публицистика, созданная на потребу дня, можно сказать, добротные пособия по классической русофобии.

При этом, как подчеркивает Леузон Ле Дюк в предисловии к работе «Россия и европейская цивилизация», датированном 1 июня 1854 г., на написание книги его сподвигло только стремление рассказать правду о России и написать так, как ему диктует его совесть [Léouzon Le Duc 1854 (1): I–II].

Книга построена как хорошо продуманное пропагандистское пособие, учебник по классической русофобии, где в каждой главе, а их много, описывается политическая, социальная и религиозно-нравственная картина жизни российского общества. Причем, как в настоящем учебнике, здесь присутствует развернутый план работы, благодаря которому содержание становится предельно понятным. Так, первая глава называется «Самодержавие». Из перечня вопросов, освещаемых здесь, читатель узнает, что самодержавие — это антиевропейский институт, амальгама всех тираний, не имеющая аналогов в мире, и уже одного института самодержавия достаточно, чтобы создать пропасть между Россией и цивилизованной Европой [Léouzon Le Duc 1854 (1): 5].

Россия — «это варварское по своей сути государство, с невероятным постоянством играющее в цивилизацию». И далее начинается сеанс разоблачения: «Религия? Ее там нет: под роскошным покровом православия, в которое она драпируется, скрывается скептицизм, часто доходящий до атеизма, или, по крайней мере, до сухого безразличия. Патриотизм? Тут совсем не понимают этого чувства. Просвещение? Оно дало цветы, но они бесплодны. Общество говорит на всех языках, но то великое, прекрасное и возвышенное, что на этих языках было создано, русские игнорируют» [Léouzon Le Duc 1854 (1): 224–225]. Россия может быть по отношению к европейской цивилизации только «либо пародией, либо угрозой. <...> Россия — это трехголовое чудовище, отталкивающее от себя Европу, и имя трем головам: крепостное право, православие и самодержавие» [Léouzon Le Duc 1854 (1): 264, 266].

А в примечаниях книги, без всяких комментариев, автор поместил фальшивое «Завещание Петра Великого», выдаваемое им за чистую монету.

Особым нападкам Леузон Ле Дюк подвергает православную церковь, что и неудивительно, ведь, как отмечал Ги Меттан, «для европейцев

православие с XI века остается одним из главных факторов, провоцирующих ненависть к России» [Меттан 2017: 87].

Наиболее отчетливо это проявилось в работе «Русский вопрос», написанной летом 1853 г., буквально накануне Крымской войны. Работа состоит из трех частей: «Князь Меншиков», «Греко-русская церковь» и «Россия перед Европой». Нападки на церковь понятны, особенно с учетом того, что поводом к Крымской войне стал конфликт из-за покровительства Святым местам. Но здесь ситуация гораздо серьезнее, поскольку мы имеем дело с истоками русофобии как таковой, а она своими корнями уходит в раскол церквей и принятие Русью христианства по восточному образцу. Правда, Леузон Ле Дюк полагает, что Русь приняла христианство по католическому образцу, ведь официально раскол церквей произошел только в 1054 г. Поэтому православная церковь для него — «это католическая церковь, доведенная до состояния окаменения» [Léouzon Le Duc 1853 (2): 41, 42].

Православная церковь, по словам Леузон Ле Дюка — это «мертвый институт»: «Если католическая церковь способствовала развитию цивилизации, протестантская — развитию мысли, то православная церковь все вокруг себя атрофирует». И дальше читатель видит потрясающий по своей пронизательности пассаж: «Куда идет этот мужик, куда идет этот торговец, куда идет этот служащий, которые, проходя мимо церкви, крестятся и машинально шепчут три или четыре слова молитвы? Один идет в свою контору обкрадывать императора, другой — за свой прилавок обкрадывать своих клиентов, третий — в кабак, напиться. Не существует никакой связи между обрядами православной церкви и добродетелью. Это — гимнастика, только и всего» [Léouzon Le Duc 1853 (2): 47, 48].

Но вот если мы посмотрим работу «Современная Россия» (первое издание — 1853-й, второе — 1854-й), то это уже совсем другая книга о России, нежели «Русский вопрос» и «Россия и европейская цивилизация». Это спокойное повествование, рассказ о том, как путешественник впервые оказался в России в 1840 году [Léouzon Le Duc 1854 (2): 5].

Да, это взгляд европейца, более того, это взгляд француза, убежденного в превосходстве своей культуры и цивилизации и снисходительно оценива-

ющего диких варваров. Но этот взгляд вовсе не злобный и не ожесточенный. Более того, Леузон Ле Дюк делает вывод о том, что, если Россия избавится от «варварского» института крепостничества, то она сможет стать одной из «великих европейских наций» [Léouzon Le Duc 1854 (2): 324]. Создается ощущение, что Леузон Ле Дюк писал свои работы для разной публики, или у него были разные заказчики. В любом случае очевидно, что русофобия для него — лишь весьма удобный политический механизм.

Война окончилась, отношения начали восстанавливаться, и Леузон Ле Дюк, настоящий «боец идеологического фронта», быстро перестроился и стал писать романы на русскую тему, казалось бы, совершенно поменяв тональность [Léouzon Le Duc 1859, 1879 (1), 1879 (2)]. Однако под флером сентиментальной романтики так и остался привкус русофобии и полный набор устоявшихся западных мифов о России.

Библиография

БЕЗАНСОН А. Россия — европейская страна? Спор с Мартином Малиа // Отечественные записки. 2004. № 5 (20) // URL: <https://strana-oz.ru/2004/5/rossiya—evropeyskaya-strana>.

ВАЙНШТЕЙН Г. И. Россия глазами Запада: стереотипы восприятия и реальности интерпретации // Неприкосновенный запас. 2007. № 1 // URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/1/rossiya-glazami-zapada-steriotipy-vospriyatiya-i-realnosti-interpretaczii.html>.

МЕТТАН Г. Запад — Россия: Тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2017.

ФАЙДЖЕС О. Крым. Последний Крестовый поход. М., 2021.

GLEASON J. H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, 1950.

LEOUZON LE DUC L.-A. Études sur la Russie et le Nord de l'Europe. P., 1853 (1).

LEOUZON LE DUC L.-A. La Question russe. P., 1853 (2).

LEOUZON LE DUC L.-A. La Russie et la civilisation européenne. P., 1854 (1).

LÉOUZON LE DUC L.-A. La Russie contemporaine. P., 1854 (2).

LÉOUZON LE DUC. L.-A. Ivan. P., 1859.

LÉOUZON LE DUC L.-A. La Princesse Gourkoff, suite et fin de l'Odyssée galante d'une princesse russe. P., 1879 (1).

LÉOUZON LE DUC L.-A. L'Odyssée galante d'une princesse russe. P., 1879 (2).

Тюрин М. И.

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь

Институт востоковедения РАН, г. Москва

Ушакова К. С.

Государственный историко-археологический музей-заповедник
«Херсонес Таврический», г. Севастополь

ЧЕРНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА САМРАНА А ИЗ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО И ЕГО ХОРЫ: НЕСКОЛЬКО НАХОДОК ИЗ КОМПЛЕКСОВ

Tiurin M. I.

Ushakova K. S.

CAMPANA A BLACK SLIP PORRETY CERAMICS FROM TAURIC CHERSONESOS AND ITS VICINITY: SOME FINDS FROM THE ASSEMBLAGES

Чернолаковая керамика группы Самрана А производилась в керамических мастерских Неаполя и его окрестностях на протяжении III–I вв. до н.э., а со II в. до н.э. активно экспортировалась в различные регионы Средиземноморья [Morel 1994; Morel 2015:324; Handberg, Stone, Petersen 2013: 51]. Сосуды довольно легко выделяются их общего массива чернолаковых изделий благодаря выразительным особенностям петрографии (тонко отмученная и хорошо обожжённая глина с небольшим количеством примесей — блессток слюды, иногда темных стекловидных включений вулканического происхождения), лакового покрытия (черное или темно-коричневое, с металлическим блеском; на внутренней части открытых сосудов лак часто имеет более светлый оттенок ввиду технологии обжига: сосуды устанавливались в печи друг на друга «стопкой» [Handberg, Petersen 2010: 189]) и морфологии.

Тем не менее, если для многих Средиземноморских центров эта группа чернолаковой керамики изучена достаточно хорошо, то на памятниках Северного Причерноморья она до недавнего времени практически не выделялась. Несколько лет назад она была выявлена в Ольвии [Handberg, Petersen 2010]. Находки этой группы чернолаковой керамики надежно засвидетельствованы в Крымской Скифии: в комплексах Южного дворца Неаполе [Зайцев 2003, рис. 59, 1, 3], в некрополе Кара-Тав [Зайцев, Шкрибляк 2017: рис. 41, 3]. Опубликована одна форма из позднего херсонесского горизонта Калос-Лимена [Уженцев 2006: 212, рис. 77, 3].

Коллективом европейских авторов была предпринята успешная попытка (преимущественно по публикациям) выделить эти сосуды на античных памятниках Крыма, в том числе и в Херсонесе [Handberg, Stone, Petersen 2013: 59]. Не умаляя значения данной работы, отметим, что из двух приведенных в ней случаев находок керамики Самрана А из Херсонеса при ознакомлении *de visu* подтверждается лишь одна. Вместе с тем, количество этих сосудов в Херсонесе и его округе значительно больше. Работа по исследованию данной группы материала только начата, в этом докладе выборочно представлены лишь некоторые формы, преимущественно происходящие из закрытых археологических комплексов.

Целые формы неаполитанской чернолаковой посуды представлены в Херсонесе исключительно находками из некрополя. Так, отметим тарелку с нависающим краем (*drooping rim*) (рис. 1, 1) середины II в. до н.э. из раскопок Р. Х. Лёпера в 1914 г. (могила 5) (ИКАМ 1914/397) [Morel 1994: 103–104, Pl. 11, 1312j 1–313c 1; Handberg, Stone, Petersen 2013: Fig. 2, 1; Fig. 4, 1]. В могиле также была найдена монета типа «голова Афины в шлеме вправо — грифон вправо», которая должна быть отнесена к последней четверти III в. до н.э. [Туровский 2018: № 196, 197]. Еще две формы обнаружены в 1956 г. В. В. Борисовой при исследовании участка некрополя II в. до н.э., перекрывавшего керамические мастерские раннеэллинистического периода в районе башни Зенона. Из черепичной могилы 5 происходит тарелка с валикообразным краем (*rolled rim*) (ИКАМ 36441/9, рис. 1, 2), дно которой декорировано кругом из насечек, а также четыремя небольшими штампованными листьями (рис. 1, 2а). Сосуды

Samrana A с подобным орнаментом были довольно распространены в Северном Причерноморье и встречаются в основном в комплексах третьей четверти II в. до н.э. [Petersen, Handberg, Stone 2013: 64]. Тарелка со смещенным (offset rim) краем (ИКАМ 36441/11; Рис. 1, 3) (черепичная могила 8) может широко датироваться второй половиной II в. до н.э. [тип 1443c 1 или 1443i 1 по: Morel 1994: 114, Pl. 18]. Отсутствие иного датирующегося инвентаря в последних двух могилах не позволяет дополнительно уточнить время совершения погребений.

Одной из первых надежно зафиксированных находок керамики группы Samrana A на херсонесском городище является нижняя часть чернолаковой тарелки (ИКАМ 1909/734; рис. 2, 1), обнаруженная в ходе раскопок Р. Х. Лёпера в районе монастырского огорода в феврале 1909 г. (помещение XVI) [Лёпер 1909: 42]. На дно нанесены четыре схематичных листовидных штампа (рис. 2, 1а), окруженных кольцом из врезных насечек. Вместе с публикуемым донцем тарелки обнаружены фрагменты рельефных чаш ионийского (вероятно, эфесского) производства, которые следует отнести к середине — третьей четверти II в. до н.э.

Несколько находок интересующей нас группы керамики происходят из цистерны Б дома III в квартале XIX, исследованной Г. Д. Беловым и С. Ф. Стржелецким в 1949–1950 гг. (рис. 2, 2–7). Это донца тарелок (рис. 2, 2, 3; ИКАМ 36266/13), декорированные круговыми насечками и штампами в виде листьев либо пальметт (рис. 2, 2а, 3, 3а) [ср.: Handberg, Stone, Petersen 2013: Fig. 6, 92–614]. Здесь же найдены фрагменты тарелки с нависающим краем (drooping rim) (рис. 2, 4, 5; ИКАМ 36266/16) [Morel 1994: 103–104, Pl. 11; Handberg, Stone, Petersen 2013: Fig. 2, 1; Fig. 4, 1]. Несколько фрагментов принадлежат миске с прямым краем (upturned rim) (рис. 2, 7; ИКАМ 36266/19). Два последних типа открытых сосудов хорошо представлены в Тель-Кедеше (Галилея), где жизнедеятельность прерывается в 144–143 гг. до н.э. [Handberg, Stone, Petersen 2013: 55, 62].

Terminus post quem для засыпи цистерны 1950 г. дают клейма на родосских амфорах: эпонимов IVa (Ἡραγώρας, Τιμούρροδος, ок. 158–154 гг и Γόρυων, ок. 154–153 гг. до н.э.) и, возможно, IVb (Πυθογένης (?), ок. 150–147 гг. до н.э.) подгрупп [Finkielsztein 2001: 193]. В целом, датировка

находок из заполнения цистерны Б дома III в квартале XIX не выходят за пределы середины II в. [Тюрин 2016: 136]. Образование слоя засыпки объекта следует датировать серединой — началом третьей четверти столетия.

Две чаши с прямым краем (ИКАМ 36910/149, 150) (рис. 3, 1, 1а; рис. 3, 2, 2а) происходят из заполнения помещений 8 и 9 в квартале I в северо-восточном районе городища (раскопки М. И. Золотарева, 1975 г.). На внутреннюю поверхность доньев нанесены круглые штампованные восьми-лучевые розетки. Сосуды с аналогичной орнаментацией относят к первой половине II в. до н.э. [Handberg, Petersen 2010: 249, Pl. 149, Da-570].

Полуподвальные помещения 8 и 9 интерпретированы М. И. Золотаревым как святилище Латоны, Аполлона и Артемиды [Золотарев 1985: 270, 271]. Из обширной коллекции клейм отметим позднейшую надежно датированную находку: ручку родосской амфоры с клеймом эпонима Ανδρόνικος Vb группы [Золотарев 1979: № 19], ок. 132–131 гг. до н.э. [Finkielsztejn 2001: 195]. Предлагаемая дата образования комплекса — конец третьей — возможно, начало последней четверти II в. до н.э.

Ряд находок сделан в ходе недавних полевых сезонов за пределами оборонительных стен античного Херсонеса¹. На территории южного пригорода Херсонеса в 2022 г (руководитель С. Л. Соловьев) херсонесским отрядом был исследован колодец эллинистического времени (объект 144, раскоп 2). Отсюда происходят три фрагмента сосудов Самрана А. Это бортик (upturned rim) блюда (рис. 3, 3) [варианты 2252 c1-e1: Morel 1994: 103–104, Pl. 39; Handberg, Stone, Petersen 2013: Fig. 2, 5]. Еще два фрагмента, возможно, принадлежат одной (?) тарелке с нависающим краем (drooping rim) (рис. 3, 4, 5) [варианты 1312j 1–1313c 1 по: Morel 1994: 103–104, Pl. 11; Handberg, Stone, Petersen 2013: Fig. 2, 1; Fig. 4, 1]. На внешней стороне донца помещено граффито: Μικί(...).

Засыпь колодца носила единовременный характер. Наиболее выразительная эпиграфическая находка — клеймо на ручке родосской амфо-

¹ Авторы выражают признательность руководителям экспедиций, С.В. Языкову (ИА РАН) и С.Л. Соловьеву (ИИМК РАН) и В.В. Дорошко (ГИАМЗ «Херсонес Таврический») за возможность использовать материал.

ры с именем фабриканта Ἀγοράναξ, деятельность которого связана с III хронологической группой (ок. 198–161 гг. до н.э.) [RF-Αγορανακτος-ΑγριανΙοΣ-006]. Среди многочисленного материала отметим десятки фрагментов рельефных полусферических чаш, преимущественно эфесского производства. По всей видимости, засыпка колодца произошла не ранее середины II в. до н.э.

Разведки на «ближней» хоре Херсонеса на Гераклейском полуострове дали две находки чернолаковой италийской керамики. Фрагментированное блюдо с загнутым краем и следами древнего ремонта (рис. 4, 1) происходит из усадьбы участка 328-южная (восточный склон Сарандинакиной балки, охранные работы В. В. Дорошко в 2015 г.). находка датируется довольно широко — в пределах II в. до н.э. [Morel 1994: варианты 2234e 1, 2234g 1; ср.: Petersen, Handberg, Stone, 2013: Fig. 4, 6]. Обломки сосуда были найдены во время зачистки дна строительной траншеи. Здесь же обнаружены ручка родосской амфоры с клеймом эпонима Хармоκλῆς, II в. ХГ, ок. 219–211 гг. до н.э. [Finkielsztejn 2001: 191], а также фрагмент рельефной чаши производства одного из ионийских центров (середина — третья четверть II в. до н.э.).

Бортик тарелки с нависающим краем (*drooping rim*) (рис. 4, 2) происходит из усадьбы участка 378 (западный склон Сарандинакиной балки), выявленной в 2021 г. С. В. Языковым при участии В. В. Дорошко и М. И. Тюрина [Языков, Тюрин 2021: 383]. Фрагмент обнаружен при исследовании внешней стены комплекса (зачистка 1, пласт 2). В том же слое (нижележащий пласт) обнаружены ручки синопских амфор с клеймами магистратов Ἰκέσιος 2 Ἐστιαίου, VС ХГ, середина 60-х — начало 50-х гг. III в. до н.э. и Ἰκέσιος 3 Βακχίου, VI В ХГ, конец 40-х — начало 30-х гг. III в. до н.э. [Кац 2007: 435]. Ряд краснолаковых и чернолаковых форм из слоев свалки характерен для первой половины II в. до н.э.

В целом, контекст рассмотренных находок подтверждает высказанные исследователями наблюдения о хронологии поступления данной группы изделий в Причерноморье [Handberg, Stone, Petersen 2013: 65]: оно было крайне ограниченным в первой половине II в. до н.э., резко интенсифицируется около его середины и прекращается к финалу столетия.

К числу ранних находок может быть отнесена тарелка из усадьбы участка 378. Второй четвертью — серединой II в. до н.э. предположительно датируются сосуды из цистерны 1950 г. в северном районе городища и колодца 2022 г. на южном пригороде Херсонеса. К наиболее поздним образцам следует отнести тарелку из могилы 8 (раскопки 1956 г.).

Дальнейшие исследования позволят более точно определить место керамики группы Сампана А в керамическом комплексе эллинистического Херсонеса. Представляется, что кампанский импорт составлял довольно ощутимую долю чернолаковой продукции в Херсонесе II в. до н.э. На наш взгляд, это не вполне соответствует точке зрения [Ibid.: 66, 72], согласно которой эта группа продукции поступала в Причерноморье в результате личных контактов, в качестве подарков и т.п. В то же время, показательное наличие сразу нескольких таких сосудов в отдельных комплексах (конкретных домохозяйствах?) и полное отсутствие в других синхронных контекстах. Это может говорить в пользу элитарного характера данной продукции [Ibid.: 72]. Наконец, представляется крайне интересным сам факт наличия довольно многочисленных итальянских импортов в Херсонесе уже в первой половине — середине II в. до н.э., когда наблюдаются первые политические контакты полиса с Римской Республикой [Кузищин 1997; Габелко 2005: 41].

Библиография

Finkielsztein G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. — Oxford, 2001.

HANDBERG S., PETERSEN J. H. Glossed Pottery // Lejpunskaja N. A. et al. (eds) 2010. The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. Black Sea Studies 13. 2010. P. 185-196, 204-260.

HANDBERG S., Stone P. J., PETERSEN J. H. Uncommon Tastes: The Consumption of Campana A Pottery in the Southern Levant and the Black Sea Region. In: Acta Hyperborea. 2013. Vol. 13. pp. 51–80.

Morel J. P. Céramique campanienne: Les formes. Deuxième tirage. Rome: Ecole française de Rome, 1994. 242 p.

Morel J. P. Les campaniennes A et B, deux aspects d'une 'globalisation' économique et culturelle des céramiques tardo-hellénistiques // Black Sea Studies. 16. 2015. P. 323–335.

Габелко О. Л. Критические заметки по хронологии и династической истории Понтийского царства // ВДИ. 2005. № 3. С. 128–157

Зайцев Ю. П. Неаполь скифский (II в. до н.э.— III в. н.э.): Монография.— Симферополь: Универсум, 2003.— 212 с.

Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма. (первые результаты исследований) // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным археологических исследований. Симферополь, 2017. С. 139–154.

Золотарев М. И. Керамические клейма из раскопок Северо-Восточного района Херсонеса в 1974–1975 гг. // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 66–73.

Золотарев М. И. Эллинистическое домашнее святилище в Херсонесе // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо 1982. Тбилиси: Мецниереба, 1985. С. 266–276.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVII.

Кузищин В. И. Херсонес и Рим в начале II в. до н.э. Первые контакты // ХСБ. 1996. Вып. VII. С. 87–92.

Лёпер Р. Х. Дневник раскопок 1908–1909 гг. // НА МЗХТ. Ф. 1. Д. 67. 67 л.

Туровский Е. Я. Монеты античного Херсонеса. Севастополь: ИП Бондаренко Н. Ю., 2018. 105 с

Тюрин М. И. Материалы из цистерны в XIX квартале Херсонеса Таврического (раскопки 1949–1950 гг.) и вопросы хронологии города позднеэллинистического периода // Записки ИИМК РАН, 2016, № 14. С. 124–142.

Уженцев В. Б. Эллины и варвары Прекрасной Гавани: (Калос Лимен в IV в. до н.э.— II в. н.э.). Симферополь, 2006.— 242 с.

Языков С. В., Тюрин М. И. Новые и малоизвестные усадьбы хоры Херсонеса Таврического на Гераклеяском полуострове: предварительные итоги разведок 2021 г. // АР-ХОИТ. Материалы научной конференции, Севастополь, 2021. С. 380–386.

Усеинов М. А.

Крымский научный центр Института истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан

**НОВЫЕ ДАННЫЕ О ТОРГОВЫХ
И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ
ЗОЛОТООРДЫНСКОГО
ГОРОДА СОЛХАТ / КЫРЫМ
СО СТРАНАМИ ВОСТОКА
НА ОСНОВЕ МУСУЛЬМАНСКИХ
ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ**

Useinov M. A.

NEW DATA ON TRADE AND CULTURAL RELATIONS
OF THE GOLDEN HORDE CITY OF SOLKHAT / KYRYM
WITH THE COUNTRIES OF THE EAST BASED ON
MUSLIM EPIGRAPHIC MONUMENTS

Город Солхат/Кырым расположенный на Великом шелковом пути, в XIII–XV вв. являлся крупным центром транзитной торговли. Безопасность на путях караванной и морской торговли привели к его расцвету и создали благоприятные условия для миграции между странами на значительные расстояния. География связей города не ограничивалась только ближайшими регионами. Эпиграфический материал наряду с письменными и археологическими источниками выявляет обширные торговые и культурные связи жителей города с городами Кавказа, Персии, Сирии, Ирака, Средней и Малой Азии.

Оживленная трансконтинентальная торговля способствовала притоку в город ремесленников, торговцев, строителей, религиозных деятелей. Богатый город в котором возводилось большое количество культовых сооружений привлекал мастеров-строителей и камнерезов. Пример имени строителя —

обнаруженный в 1980-е гг. М. Г. Крамаровским при исследовании мавзолея у мечети хана Узбека — замковый камень с надписью (хранится в Государственном Эрмитаже). Один из вариантов прочтения имени на памятнике приведен А. Ивановым: «*Махмуд бин Усман аль-Ирбили*» [Крамаровский 2012: 215–216]. Другой пример с упоминанием иракского города Эрбиль (Ирбиль) мы можем увидеть на портале мечети хана Узбека, где сохранилось имя устроителя — *Абдуль-Азиза сына Ибрагима аль-Ирбили*. Еще одно имя устроителя, или мецената приводит Эвлия Челеби. Это надпись на мечети в Старом Крыму с именем — *Бей Хаджи Умара аль-Бухари*, выходца из города Бухары с датой 661 г.х. =(1263 г.) [Эвлия Челеби 2008: 168].

Финансовый достаток и масштабное строительство культовых сооружений способствовали притоку в Крым религиозных деятелей. В XIV–XV вв. г. Солхат/Кырым становится известным религиозным центром со множеством мечетей, медресе и текие дервишей. Наличие большого числа ученых и религиозных деятелей прибывших в город из других регионов известно по письменным источникам, их имена упоминает Ибн Баттута, например, имя *шейх-заде аль-Хорасани* [Тизенгаузен 1884: 280–281]. Другой пример такого ученого — *Абу Бакр Каландар Руми Аксарайи*, который переехал в Крым из Анатолии, долгие годы жил здесь и был имамом соборной мечети в Солхате. В 1340-х гг. им был написан известный богословский труд религиозно-мистического характера «*Календар-наме*» [Миргалеев 2016].

Некоторые имена мы видим и на лапидарных памятниках Старого Крыма. На территории около мечети хана Узбека до сегодняшнего дня сохранилось цилиндрическое мраморное надгробие «главы духовных подвижников *Эмира Омера Халеппского (Халеби)*», с датой 756 г.х. =(1355 г.). (Рис. 1).

На надгробиях Старого Крыма зачастую упоминаются слова, указывающие на религиозную деятельность человека: *шейх* (почтенный старец, богослов с глубокими знаниями), *алим* (ученый), *ходжа* (учитель).

В 1926 г. в селении Отузы, в окрестностях Старого Крыма О. Акчокраклы были обнаружены несколько надгробий, одно из которых с именем *шейха Якуба Конийского (Коневи)* (Рис. 2), выходца из города Коньи (совр. Турция), с датой 729 г.х. =(1328/29 г.). Присутствие имен нескольких шейхов на других надмогильных памятниках привело О. Акчокраклы

к выводу, что в этой местности находился религиозный центр, имевший влияние на окрестные селения [Акчокраклы 1927: 8–9]. Фрагмент памятника с именем шейха *Якуба Конийского* удалось повторно обнаружить несколько лет назад в этом селении среди груды камней.

В ходе работы в Старом Крыму в 20-е годы XX в. археологической экспедиции под руководством И. Н. Бороздина, исследователями Усеином Боданинским и Османом Нури Акчокраклы была собрана коллекция эпиграфических памятников XIII–XV вв., на многих из которых были обнаружены надписи с упоминанием городов: Дженд, Бухара (Средняя Азия); Тебриз, Лур (Луристан, Персия); Халеб (Сирия), Эрбиль (Ирак), Кастамони, Ахлат, Токат, Сивас, Конья (Турция) [Акчокраклы 1927; Акчокраклы 1929].

Большинство из этих лапидарных памятников были утеряны в 40-гг. XX в., но часть из них была повторно обнаружена в 1978 г. Старокрымской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М. Г. Крамаровского. Надмогильные памятники и архитектурные фрагменты были найдены на территории медресе Инджибек-хатун и переданы в музей города. Среди сохранившихся, в частности, надгробие (№ 59) *Хаджи Хусейна сына Садыка Лурского (Лури)* [Акчокраклы 1927: 13], хранится в Музее истории и археологии г. Старый Крым. В Литературно-художественном музее Старого Крыма сохранились восьмигранное надгробие (№ 190) с частью текста и нисбой¹ выходца из города Токат «... *бик Токатского*» (*Токати*) [Акчокраклы 1927: 14], и цилиндрическое надгробие (№ 94) *Ходжа Ахмеда, сына Эбу-Касыма Ахлатского (Ахлати)* [Акчокраклы 1929: 156], выходца из города Ахлат.

В последние годы удалось расшифровать еще несколько надписей, содержащих нисбы с названиями городов. В хранилище старокрымского Музея истории и археологии находится цилиндрическое надгробие с навершием, украшенным вихревой розеткой. Надпись на памятнике крупным почерком насх на арабском языке: *هذا قبر مرحوم اسماعيل بن احمد القونوى*

Перевод: «*Это могила прощенного Исмаила сына Ахмада Конийского*».

¹ Нисба – часть арабо-мусульманского имени, обычно обозначающая место рождения или место длительного проживания человека.

Памятник, судя по форме навершия принадлежал члену суфийского ордена, выходцу из города Конья.

Еще одно надгробие — саркофаг с именем *Мухаммада аль-Маджари*, выходца из средневекового города Маджар на Северном Кавказе. Этот памятник в виде двурогого саркофага со значительными повреждениями и утратами, хранится в частной коллекции. На верхних скатах памятника надпись с частично сохранившимся хадисом на арабском языке: «Сказал Пророк, да благословит его Аллах и приветствует: Могила — дверь [и каждый войдет в нее], смерть — чаша и каждый отопьет из нее». На торцевой стороне памятника сохранилась надпись на арабском языке:

محمد بن ... الماجرى

Перевод: «Мухаммад сын ... Маджарского (аль-Маджари)». (Рис. 3)

О связях Маджара с Солхатом известно, в первую очередь, по письменным источникам. Ибн Баттута посещал этот город по пути из Крыма в ставку хана Узбека, оставив о нем краткое упоминание [Тизенгаузен 1884: 287–288]. В Старом Крыму известны находки монет чекана города Маджар, но название этого города на лапидарных памятниках встречается впервые, и дополняет обширную географию связей средневекового города Солхат/Кырым.

В заключении хотелось бы отметить, что в последние годы многочисленные строительные и земляные работы на территории города Старый Крым позволили выявить новые находки эпиграфического материала, что наряду с уже известными памятниками расширяет наше представление о географии связей средневекового города со странами Востока. Эти памятники — свидетельство обширных торговых, религиозных и культурных связей города, как с соседними, так и с достаточно удаленными регионами.

Библиография

АКЧОКРАКЛЫ О. [–Н. А.]. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИ-АЭ.— Симферополь, 1927.— Т. 1(58).— С. 5–17.

АКЧОКРАКЛЫ О.-Н.А. Старо-Крымские надписи: по раскопкам 1928 года // ИТОИ-АЭ.— 1929.— Т. 3.— С. 152–159.

КРАМАРОВСКИЙ М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия.— СПб., ЕВРАЗИЯ, 2012.— 496 с.

МИРГАЛЕЕВ И. М. Сочинение «Каландар-наме» Абу Бакра Каландара Руми Аксарайи как источник по истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. № 9. 2016. С. 63–68.

ТИЗЕНГАУЗЕН В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.— СПб., 1884.— Т. I: Извлечение из сочинений арабских.

ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века).— Симферополь: «Доля», 2008.— 272 с.

Ушаков С. В.

Институт археологии Крыма, РАН, г. Симферополь

**АМФОРНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ
ИЗ РАСКОПОК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
РАЙОНА ХЕРСОНЕСА (КРАТКИЙ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)**

Ushakov S. V.

AMPHORA COMPLEXES OF THE LATE ANTIQUITY
FROM THE EXCAVATIONS
OF THE NORTH-EASTERN REGION OF CHERSONESE
(A BRIEF HISTORIOGRAPHIC REVIEW)

Исследования античного Херсонеса — Византийского Херсона началось с Северо-Восточного района городища работами плантера Черноморского департамента корабельных инженеров подпоручика Карла Крузе [Тункина 2002: 511–513].

Впоследствии здесь были открыты археологические объекты и находки самого широкого хронологического диапазона — от середины VI в. до н.э. до XIII в. включительно [Ушаков 2022]. При этом основное внимание уделялось материалам классического — эллинистического времени, раннехристианским храмам и позднесредневековой (XII–XIII вв. для Херсонеса) эпохи. Лишь только с 70-х гг. XX в. началось исследование объектов и материалов (вместе с другими) переходного позднеантичного — ранневизантийского времени (IV – начало VII вв.). Среди них одно из существенных мест занимают комплексы амфорной тары, важные для хронологии памятников и реконструкции торговых связей.

Уже в 1974 г. с начала самостоятельного исследования экспедиции под руководством М. И. Золотарёва была открыта прямоугольная в плане

цистерна, дно которой была выложена плинфой VI–VII вв. В 1976–1977 гг. осуществились раскопки колодца, расположенного в I квартале у часовни № 17. Амфорный комплекс был опубликован А. В. Сазановым. Среди амфор всего около 20 типов доминировали тарные сосуды, которые были определены как тип V (по АДСВ-71) [Сазанов 1991: 61–64, рис. 1–7]. Верхняя хронологическая граница заполнения колодца была установлена как первая четверть VII в. (по монетам императора Маврикия 582–602 гг. и краснолаковым мискам) [Сазанов 1991: 61]. Был сделан вывод, что керамический комплекс отражает направление экономических связей Херсонеса на рубеже VI–VII вв. [Сазанов 1991: 71]. Кроме этого колодца амфоры (во фрагментах) зафиксированы и в земляных полах.

В 1978 г. были исследованы остатки винодельческого комплекса с остатками углублений для пифосов с фрагментами краснолаковой керамики и амфор. Впоследствии М. И. Золотарёв с ссылками на керамические находки отнёс время прекращения его функционирования серединой VII вв. [Золотарёв 2004: 137]. Хронология его (с опорой на датировки находок) [Ушаков, Струкова 2008: рис. 2] была уточнена и был сделан вывод, что этот винодельческий комплекс прекратил свою деятельность в хронологических рамках второй половины V — начала VI вв.

С. Г. Рыжовым при исследовании во II квартале остатков большого эллиптического дома во дворе была обнаружена рыбозасолочная цистерна грушевидной (колоколовидной) в разрезе формы с позднеантичными материалами. Автор раскопок отнёс её засыпь к III–IV вв. [Рыжов 1986]. Амфоры представлены 20 типами сосудов, которые разделяются на четыре группы [Сазанов 1999: 237–239]. А. В. Сазанов посчитал, что эта «цистерна в алтаре» была засыпана позднее — в последней четверти V в.

Среди других объектов, содержащих позднеантичные амфоры, можно назвать жилые помещения (раскопки М. И. Золотарёва 1982 г.) с подробным описанием находок в Отчёте; рыбозасолочный комплекс и печь для обжига керамики (1983 г.).

В 1983–1984 гг. Л. В. Седиковой у Уваровской базилики был раскопан т.н. «Дом священника» V–VI вв. [Зубарь 2009: 266]. В следующем году в квартале VI была открыта цистерна с амфорами и другими находками

[Седикова 1996; Зубарь 2009: 267], а через два года (1986 г.) колодец К-1 [Зубарь 2009: 272] (в пом. 51).

В 1987 г. (раскопками М. И. Золотарёва в пом. 41) были получены фрагменты амфор. Рядом располагалась кладовая пифосов (3 шт.), уничтоженная в раннесредневековое время. В отчёте имеется описание амфор из засыпи помещения, перекрытое стеной.

В 1989 г. при раскопках VII квартала А. В. Сазанов исследовал цистерну 2 [Зубарь 2009: 271]. Ещё одна цистерна была открыта в северной части квартала, засыпь которой, в том числе и по амфорному материалу отнесена к V в. [Зубарь 2009: 271].

В 1990 г. были завершены раскопки квартала С (100), где в пом. III и IV (слой 4, нижний) среди других находок были амфоры типа Делакеу, «набегающей волны», с зональным рифлением, «инкерманского типа» (Зест-95) и др. [Золотарёв, Ушаков 1997: рис. 4, 1, 6–11].

В следующем году начались многолетние раскопки кв. ХСVII, в котором были полностью исследованы, среди прочего, две цистерны (в пом. 8 и центре двора) и колодец (в пом. 4) с многочисленными амфорами (как правило, во фрагментах) до двадцати основных типов [Золотарев, Коробков, Ушаков 1997: 10–13, 37, 42–48, 54–56, рис. 5; Ушаков, Дорошко, Кропотов, Макаев, Струкова 2006, 191–193, 199–200, рис. 3–7; Ушаков, Дюженко, Струкова, 2015: 110–112, 115–117, рис. 5–11]. Эти комплексы были опубликованы (в предварительном плане), а затем уточнены их датировки. Подобные многочисленные материалы были получены и при раскопках территории базилики Крузе. Они содержались в слое засыпи под полом центрального и правого нефов, нартекса, малой цистерны перед храмом и большой в центральном нефу [Ушаков 2019; Ушаков, Струкова 2016].

Резюмируя обзор амфорных материалов из Северо-Восточного района Херсонеса, можно заключить, что, во-первых, наиболее значимые комплексы происходят из заполнений цистерн и колодцев (вследствие перестроек). Во-вторых, амфоры представлены тарными сосудами около двадцати типов в хронологических рамках от III–IV до VI–VII вв. Есть и довольно редкие экземпляры (рис. 1) [Ушаков 2020], а также подставки под сосуды (рис. 2). В-третьих, их сложно разделить хронологически

на четко разделяющиеся комплексы, тем не менее, они служат важным источником для характеристики материальной культуры и хроноиндикаторами позднеантичного-ранневизантийского Херсонеса, а также хорошо отражают его торговые связи с Восточно-Средиземноморским миром.

Библиография

- ЗОЛОТАРЕВ М. И. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб. 2004. С. 135–138.
- ЗОЛОТАРЕВ М.И., КОРОБКОВ Д.Ю., УШАКОВ С.В. О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в ХСVI квартале Херсонеса). Севастополь, 1997.
- ЗОЛОТАРЕВ М.И., УШАКОВ С.В. Один средневековый жилой квартал Северо-восточного района Херсонеса // ХСб. 1997. Вып. VIII. С. 30–45.
- ЗУБАРЬ В. М. Летопись археологических исследований Херсонеса — Херсона и его округа (1914–2005 гг.). Т. I -Т. II // МАИЭТ. Supplementum. Вып. 6. Симферополь, 2009.
- РЫЖОВ С. Г. Керамический комплекс III–IV вв. из северо-восточного района Херсонеса // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев. 1986. С. 130–139.
- САЗАНОВ А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н. э. из Северо-восточного района Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. II. Симферополь, 1991. С. 60–72, 252–265.
- САЗАНОВ А. В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. // ПИФК. 1999. Вып. VII. С. 224–293.
- СЕДИКОВА Л. В. Комплекс находок позднеантичного времени из цистерны в VI квартале Херсонеса // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 175–181.
- ТУНКИНА И. В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
- УШАКОВ С. В. Позднеантичный Херсонес: относительно редкие типы амфор // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, О. Д. Мочалов. Самара, 2020. Т. II. С. 24–26.
- УШАКОВ С. В. Северо-Восточный район Херсонеса: основные итоги исследований // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–29 сентября 2022 года / Под ред. А. В. Зайкова. Севастополь, 2022. С. 210–216.
- УШАКОВ С.В., ДОРОШКО В.В., КРОПОТОВ С.И, МАКАЕВ И.И., СТРУКОВА Е. В. Керамический комплекс засыпи цистерны V–VI вв. в ХСVII квартале Херсонеса (предварительная информация) // ХСб. 2006. Вып. XV. С. 191–216.

УШАКОВ С.В., ДЮЖЕНКО Т.В., СТРУКОВА Е. В. Исследование засыпи колодца ранневизантийского времени в северо-восточном районе Херсонеса (квартал ХСVII, помещение 4) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной / И. Б. Тесленко (ред.-сост.). Археологический альманах, № 32. К., 2015. С. 108–156.

УШАКОВ С.В., СТРУКОВА Е. В. Позднеантичный винодельческий комплекс в Северо-восточном районе Херсонеса (III квартал) // «Кондаковские чтения — II». Проблемы культурно-исторических эпох. Материалы II Международной научной конференции. Белгород, 2008. С. 151–157.

УШАКОВ С.В., СТРУКОВА Е. В. Позднеантичный Херсонес: новые археологические комплексы. Основные итоги исследований // История и археология Крыма. Вып. IV. Сборник статей / Ответственный редактор В. В. Майко. Симферополь, 2016. С. 110–131.

Хвальков Е. А.

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ГЕНУЭЗСКОЙ КАФФЫ В XV в.

Khvalkov E. A.

ETHNO-CONFESSIONAL COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE GENUESE KAFFA IN THE 15th CENTURY

В XV в. население генуэзской Каффы включало множество различных конфессиональных, этнических и социальных групп. В данном исследовании был произведен анализ этнического и конфессионального состава населения Каффы, основных этнических групп и этнических идентичностей на основе массарий (бухгалтерских книг казначейства коммуны Каффы) за 1381, 1423 и 1461 гг. с целью проблематизации вопросов демографии и прослеживания процессов конструирования и трансформации идентичностей, а также взаимодействия этнических групп в динамике.

С точки зрения классификации индивидов, встречающихся в источниках, их агрегирования в группы на основе их идентичности, в данном исследовании различаются макрогруппы и микрогруппы. Макрогруппы связаны с религиозной принадлежностью и, соответственно, с принадлежностью к определенной общине; микрогруппы связаны с географическим и этническим происхождением индивида. Макроуровень идентичности в Каффе, как и в большинстве других смешанных средневековых обществ, в значительной степени, хотя и не исключительно, определялся религией индивида. Это был не единственный фактор формирования идентичности, и, очевидно, он не всегда четко коррелировал с другими факторами и критериями, которые мы считаем важными для формирования идентичности сегодня, такими как географическое происхождение, расовая принадлеж-

ность, язык или материальная культура. Идентичности конструировались и изменялись. Тем не менее, религия в наибольшей степени определяла принадлежность человека к одной из пяти общин, которые являлись правовой и социальной основой жизни Каффы, в той мере, в которой она отражена в источниках. Администрация Каффы разделяла население на пять категорий, и мы можем следовать этой схеме деления. Введение этих пяти макрогрупп является отправной точкой в системе координат идентичности и инаковости. Поэтому агрегирование индивидов в макрогруппы здесь основывается на их принадлежности к определенной религиозной общине. Таким образом, можно выделить пять макрогрупп: 1. латиняне (т.е. римские католики, как западные, так новообращенные местные), 2. греки (т.е. все греко-православные), 3. армяне (т.е. все принадлежащие к армянской григорианской церкви), 4. мусульмане и 5. евреи.

Внутри этих пяти макрогрупп в источниках (главным образом — в массариях и нотариальных актах) можно обнаружить индивидов самого различного этнического происхождения. Их совокупности здесь будут называться микрогруппами. Кроме генуэзцев и других лигурийцев в источниках представлены итальянцы из разных государств Апеннинского полуострова, каталонцы, жители Майорки, кастильцы, арагонцы, французы, бургундцы, англичане, шотландцы, немцы, венгры, поляки, валахи, болгары, русские, греки, арабы, персы, сирийцы, евреи, армяне и выходцы с Кавказа. Следует, конечно, сказать, что источники, произведенные генуэзской администрацией, нотариями и торговцами, имеют определенные ограничения в плане отражения этнического состава такого многонационального города как Каффа. Это создает определенные методологические проблемы для исследования этнического состава городского населения. Главным ограничением таких источников, как массарии, нотариальные акты, коммерческая и частная переписка, является то, что они были созданы латинянами и, таким образом, в меньшей степени отражают местных жителей Востока, если они не контактировали с колонизаторами в деловых или иных целях, чем было обусловлено их упоминание в источнике. Можно только сделать вывод о том, сколько из них могло активно взаимодействовать непосредственно с итальянцами.

Как известно из различных источников, население Каффы в течение XV века (вернее — 1453–1475 гг.) уменьшалось. Каковы были масштабы и динамика депопуляции? Основываясь на данных массарий за 1381, 1423 и 1461 годы, мы получаем следующую динамику. Структурные изменения населения была довольно значительны. В конце XIV века латиняне составляли менее половины населения, отраженного в массариях; в 1423 году их доля составляла уже 62%, а к 1461 году увеличилась до 66%. На фоне общей динамики депопуляции города (здесь данные массарий подтверждают данные других источников), резкое увеличение доли латинян в процентном соотношении является ярким свидетельством постоянного притока европейских мигрантов, прибывавших в Каффу даже после 1453 года. Греческое население сократилось с 30% в 1381 году до 20% в 1423 году и до 13% в 1461 году. Тем не менее, греки оставались второй по численности макрогруппой, которая вопреки мнению многих ученых так и не была вытеснена армянами. Снижение доли армян было более резким: с 19% в 1381 году до 9% в 1423 и 1461 годах. Евреи и мусульмане имели стабильную долю в 1% и 4% соответственно на протяжении всего периода.

Следует отметить, что, вразрез с господствующим в историографии представлением насчет оттока латинян из Каффы, латинское население Каффы в XV веке лишь очень незначительно сократилось в абсолютных цифрах и выросло по сравнению с другими группами в процентном соотношении. Рассматривая генуэзские колонии, некоторые советские историки и Мишель Балар писали об угнетении восточного большинства латинским меньшинством. Балар утверждал, что латиняне, главным образом лигурийцы, составляли не больше одной пятой населения Каффы, утверждая, что ориенталы намного численно превосходили их. Однако массарии показывают обратное: не только цифры дескриптивной статистики показывают, что латиняне составляли абсолютное большинство в Каффе (46% в 1381 году, 62% в 1423 году и 66% в 1461 году), но и применение количественных методов подтверждает эти данные.

Вопреки мнению многих видных ученых, армяне занимали не первое и даже не второе, а лишь третье место в рейтинге этнических групп Каффы

по численности населения. Миф о преобладании армян в Каффе обычно объясняется письмами консула и массариев Каффы к банку Святого Георгия и документами Оффиции монеты. Статистические данные показывают, что эти оценки были очень далеки от реальности. Однако логично, что у латинян в отсутствие строгой статистики сложилось впечатление, что армяне были самой важной группой восточного населения в Каффе. Как показывает А. Л. Пономарев в своих исследованиях массарии 1381 г., армяне имели самые высокие показатели престижа, социальной активности и интенсивности контактов с латинскими колонизаторами среди местного населения. В то же время, по мнению Пономарева, греки имели самые низкие показатели престижа среди всех этнических групп в Каффе в 1381 году. В рамках данного исследования престижность и уровень социальной активности этнических групп в 1423 и 1461 годах оценивалась не по методике Пономарева, а через использование линейной регрессии в программном обеспечении STATA, однако выводы получились такие же: социальная активность греков не особенно впечатляет, в отличие от армянской. Итак, греки были более многочисленны, а армяне — более состоятельны, занимали более высокое положение в обществе и были более социально активны.

То, что армяне не составляли мифические две трети, подтверждает источник, на который ссылается Балар: массария 1455 сообщает, что когда власти Каффы должны были заплатить дань в размере 3000 дукатов османскому султану Мехмеду II Фатиху и 300 соммо крымскому хану Хаджи Гераю, они ввели специальный налог на все группы в городе: латиняне должны были заплатить 113,62 аспра, армяне — 75,746 аспра, а греки — 31,070 аспра. Это показывает, что, с одной стороны, даже администрация Каффы осознавала, что армяне не составляют две трети, не только уступая латинянам, но и занимая второе место с большим отрывом. С другой стороны, тот факт, что армяне здесь занимают второе место перед греками, означает, что они были более состоятельными и социально значимым, чем греки, что, по-видимому, действительно было так, судя по источникам. В совокупном населении Каффы, однако, армяне имеют более скромную долю в процентном отношении, чем греки в 1381, 1423 и 1461 годах.

Численное превосходство армян над латинянами и греками — не более чем миф: армяне составляли лишь менее 19% населения Каффы в 1381 году, 9% в 1423 году и 9% в 1461 году.

Кроме того, следует отметить один интересный факт. С одной стороны, население Каффа в целом уменьшилось с 1381 по 1423 год и с 1423 по 1461 год. С другой стороны, латинское население уменьшилось с 1381 по 1423 год лишь очень незначительно, тогда как в тот же период оно чрезвычайно сильно выросло в своей в процентном отношении против быстро сокращающихся групп населения Востока. В процентном отношении снижение доли местного населения в населении Каффы было очень резким: греков с 30% в 1381 году до 20% в 1423 году и до 13% в 1461 году; армян с менее чем 19% в 1381 году до 9% в 1423 и 1461 годах (мусульмане и евреи оставались на том же уровне в течение всего периода, 4% и 1% соответственно). Даже если мы выйдем за рамки цифр, визуальное впечатление от любого, кто читает массарии XV века и сравнивает их с XIV веком, покажет, что восточное население меньше отражается в источниках. Количественные методы подтверждают эту интуицию, показывая, что доля ориенталов уменьшаются, а доля латинян лишь немного уменьшается в абсолютных цифрах, но резко увеличивается в относительном проценте по отношению к другим группам; среди них, вероятно, многие постоянно жили в Каффе; не только те, кто родился в Каффе, но и выходцы из разных областей латинской Европы.

Хлевов А. А.

Севастопольский государственный университет, ИОНМО
кафедра «Всеобщая история и мировая культура», Севастополь
Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе, Севастополь

СИГУРД-КРЕСТОНОСЕЦ

Khlevov A. A.

SIGURD THE CRUSADER

Одной из наиболее драматичных эпох в истории Европейской цивилизации был переход от раннего к Высокому средневековью, XI–XII вв. В Западной Европе он проявился в институционализации феодальной модели социального устройства; в Восточной — в организации первых государств по моделям восточнороманского типа [Лебедев 2005: 28–34]. «Общим знаменателем» этого периода стали крестовые походы — первый опыт презентации западноевропейского паттерна цивилизационного устройства на «внешнем рынке».

Важной составляющей крестоносного движения стало участие в нём представителей Северной Европы. Недавно присоединившиеся к «европейскому клубу» Северные страны активно включились в этот процесс и заняли в нём своё место. Среди вполне разрозненных и неупорядоченных случаев участия скандинавов в крестоносном движении, которые не поддаются учёту и анализу, имел место как минимум один самостоятельный поход в Святую Землю, полностью организованный норвежским королём. Заметим, что такое национальное мероприятие в ряду крестовых походов является относительной редкостью и может быть сопоставлено в некоторой степени лишь с последними тремя из них, являвшимися «национальными» инициативами. Для начала крестоносного движения этот пример уникален.

«Норвежский крестовый поход», как его принято именовать в историографии, как бы зависает между традицией и инновацией. Оценить это

можно лишь с учётом обстоятельств жизни обеих европейских цивилизаций — Средиземноморской и Северных морей [Хлевов 1997: 42–49].

Важной проблемой является корректное именование главного «виновника торжества». В отечественной и англоязычной историографии устоялось словосочетание Сигурд Крестоносец, что не вполне корректно. Не идеальной, но однозначно более точной представляется форма «Сигурд Иерусалимоходец». Она наиболее полно отражает буквальное содержание исходного древнесеверного понятия «*Jórsalafari*» и не несёт излишних коннотационных нагрузок.

Время похода (1107–1111 гг.) было переломным и для Запада, и для Севера Европы. Формально походы викингов завершились для континента 200, а для Англии — 50 лет назад. Однако по сути этого не произошло — скандинавы продолжали военные операции на Балтике и за её пределами, что вызывает справедливые сомнения в правомочности формулировки «завершение эпохи викингов» [Хлевов 2018: 17–22]. Процесс этот затянулся: все атрибуты позднего типа набегов — собрание большого лейданга из множества кораблей и целенаправленный грабёж попутных территорий — делают поход Сигурда вполне типичным и малоотличимым от, скажем, последнего похода Харальда Сурового. Поэтому его можно рассматривать как очередной рейд викингов, имеющий формальную цель, совпадающую с идеологией крестоносцев.

Главным источником информации о походе была и остаётся Сага о сыновьях Магнуса Голоногого Снорри Стурлусона. Описание похода достаточно лаконично и занимает всего 11 главок саги — в абсолютном исчислении около четверти авторского листа, из которых до половины приходится на скальдические стихи, дублирующие информацию саги. Многие походы в сагах удостоились более пространной рефлексии, несмотря на то, что описываемые события были относительно недавними для Снорри — с их момента прошёл лишь один век.

Масштаб похода был умеренным — в нём участвовало 60 кораблей, а полный лейданг Норвегии был в 4–5 раз больше. Но и Сигурд являлся правителем лишь части страны, вместе с двумя братьями (один из которых был ещё ребёнком); в этом контексте обычный половинный лейданг,

собиравшийся для набеговых операций, в точности соответствует «доле» Сигурда в государственных делах. Число участников оценить сложнее. Если принять, что суда были близки к кораблям типа *Hedeby 2* или *Skuldelev 3* [Crumlin-Pedersen 1996; Ships and boats... 2002], то число гребцов стандартного двухсменного состава должно было быть от 50 до немногим более 60 человек. Поэтому общее число норвежских «крестоносцев» вряд ли достигало 4000, что ниже обычных оценок в литературе.

Обращает на себя внимание неспешность, с которой северяне двигались к своей основной цели. Поход стартовал осенью и начался с зимовки в Англии (очевидно, на острове Шеппи), прошедшей миролюбиво в обществе дружественных нормандцев. В 1108 г. норвежцы, побывав во Франции, добрались до Галисии. Здесь и начался собственно набег, бывший ядром замысла. Показательно, что скандинавы, наряду с вполне «законными целями» (мусульманами) столь же вдохновенно грабят испанских единоверцев, найдя к этому повод в виде непоставок ими провианта, но в целом это не было нормой. Сага подчёркивает регулярный характер истребления «язычников» на христианско-исламском пограничье — судя по всему, некоторые территории и населённые пункты (Синтра, Севилья и др.) были полностью зачищены от мусульманского населения [Сага о сыновьях...: IV–V]. Таким образом, норвежцы внесли свой вклад в изменение границ в разгар не самого удачного для христиан периода Реконквисты (именно в 1108 г. ими была проиграна битва при Уклесе).

Подробно описана кампания 1109 г., когда скандинавы вошли в Средиземноморье и после морского сражения с маврами развернули операции на Балеарах. Как раз к этому этапу относится эпизод тактической хитрости Сигурда при штурме пещерного укрытия пиратов-мусульман, когда он приказал спустить импровизированных десантников из числа своих воинов в баркасах сверху ко входу в пещеру [Сага о сыновьях...: VI]. В этой части Средиземноморья состоялась половина из упоминаемых в саге восьми крупных сражений Сигурда по пути в Иерусалим.

Сицилийский этап похода был отмечен скорее налаживанием дипломатических и личных контактов с тамошними нормандцами, постепенно обживавшими Южную Италию. Боевых действий норвежцы тут не вели.

В Палестине Сигурд с войском пробыл около полугода. Весь комплекс подобающих действий был совершён: дипломатические контакты с Балдуином Иерусалимским, паломничество к реке Иордан, военная помощь крестоносцам и обзаведение священными реликвиями. Поэтому можно считать, что цель крестового похода в узком смысле этого слова была достигнута.

На обратном пути Сигурд предпринял, совершенно в скандинавской манере, свойственной героям саг, эффектный акт саморекламы норвежского флота и воинства. Конунг две недели игнорировал южный попутный ветер и дожидался менее благоприятного бокового с одной лишь целью: боковой ветер вынуждал ставить реи с парчовыми парусами почти вдоль корпуса, с тем чтобы парус был развёрнут к берегу. Корабли были выстроены в линию в шахматном порядке или пеленгом — в результате при взгляде с берега создавалась иллюзия сплошной стены парусов. Эффект был достигнут; император Алексей Комнин, в свою очередь, организовал роскошный приём норвежским крестоносцам.

В завершение своего путешествия Сигурд оставил весь флот в Константинополе, в распоряжении императора. Скорее всего, корабли были использованы самой варяжской гвардией, в которой остались служить большинство крестоносцев Сигурда. Насколько можно судить, конунг вернулся в Норвегию только с узким кругом своих дружинников — сага описывает их путь через Болгарию, Венгрию, Паннонию и Баварию, вплоть до Хедебю в Шлезвиге. Для возвращения в Норвегию им хватило единственного корабля, подаренного датским конунгом — следовательно, численность возвращающихся не могла превышать 60–70 человек.

Впрочем, Ордрик Виталий сообщает альтернативную версию обратного пути — через Киев и Русь, где Сигурд обзавёлся женой, дочерью киевского князя Мальмфридой. Русская княжна известна и Снорри, хотя он относит этот брак к более позднему времени и явно путается в родословной супруги. Путь домой «по Ордрику Виталию» входит в жёсткое противоречие с версией Снорри, который, казалось бы, должен был лучше знать историю норвежских королей, чем нормандский хронист. Такая дорога вряд ли могла быть проделана верхом посуху, и тогда дружина

Сигурда возвращалась стандартным для викингов путём, через Чёрное море, Херсонес, Днепр и Путь «из варяг в греки». К сожалению, это наиболее противоречивый этап крестового похода норвежцев, не имеющий на сей день удовлетворительного истолкования.

Оценивая рейд Сигурда, следует признать, что он является убедительным свидетельством континуальности походов викингов, прямо продолжая их традицию. Посещение Святой Земли — удачный повод легитимации грабительской экспедиции в Средиземноморье, повторяющей походы IX в., но с размахом X–XI столетий. Скандинавы, преследуя свои цели, встраиваются в общеевропейское движение, активно действуя на двух основных фронтах противостояния с исламским миром — в Испании и Палестине. И в этом смысле перенацеливание деятельности скандинавов на иноверцев явилось для них ситуативной отдушиной и апробацией будущих захватов на Балтике. Поход Сигурда — это и прорыв Норвегии на арену европейской политики, вхождение в клуб феодальных государств, причём на правах полноправного сильного игрока. Но самое примечательное здесь — та степень культурного единства Европы и Ближнего Востока, непрерывность культурно-исторического пространства Старого Света. Заметим, что прямые или потомственные выходцы из Северных Стран являются, по сути дела, наиболее активными актёрами этого пространства, образуя своего рода сетевую структуру, связывающую значительную часть тогдашней ойкумены в единую систему.

Библиография

ЛЕБЕДЕВ Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. Спб.: Евразия, 2005.

Сага о сыновьях Магнуса Голоногого // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М.: Наука, 1980.

ХЛЕВОВ А. А. Балтийская цивилизация и европейское единство раннего средневековья // Дивинец старолadoжский: Междисциплинарные исследования. СПб., Изд-во СПб ун-та, 1997. С. 42–49.

ХЛЕВОВ А. А. Начало походов викингов — о правомочности формулировки // Скандинавские чтения 2016 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 17–26.

CRUMLIN-PEDERSEN O. Viking-age ships and shipbuilding in Hedeby/Haithabu and Schleswig. København, 1996.

Ships and boats of the North 4.1. Roskilde: The viking ships museum in Roskilde and Centre for maritime archaeology of the National museum of Denmark, 2002.

Храпунов Н. И.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь

Храпунова С. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь

ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЕЗДКИ В КРЫМ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВЕКОВ: СВИДЕТЕЛЬСТВА РЕДЖИНАЛЬДА ХЕБЕРА И ДРУГИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Khrapunov N. I.

Khrapunova S. N.

PRACTICAL ASPECTS OF THE JOURNEY THROUGH THE CRIMEA CA 1800: THE ACCOUNTS OF REGINALD HEBER AND OTHER TRAVELLERS

Благодарности: *Исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, мегагрант № 075–15–2022–1119*

Записки путешественников Российской эпохи ныне стали популярным предметом исследований о Крыме. Однако далеко не все связанные с ними сюжеты получили всестороннее освещение. Так, не слишком хорошо изучен вопрос о специфике поездок по Крыму на рубеже XVIII–XIX веков, когда местная инфраструктура была еще очень далека от совершенства [см., однако: Мальгин 2004: 13–44; Храпунов 2022a: 158–161; Храпунов, 2022b: 15–16]. В этом докладе речь пойдет о тех практических вещах, с которыми сталкивались путешественники, и которые они описали в своих записках.

Британский авантюрист Джеймс-Джордж Семпл-Лайл побывал в Крыму в армии Г. А. Потёмкина в 1783 году, когда российские власти еще не успели привести в порядок дороги. Среди его более или менее достоверных рассказов имеется описание поездки в «одной из тех повозок, что обычно там используют», которой правил совершенно неспособный к этому парень с помощью веревочной упряжи. Немудрено, что где-то близ Карасубазара (ныне г. Белогорск) она перевернулась, часть лошадей разбилась, путешественник очнулся в кустах, а конвойные казаки решили, что он и его спутники погибли [The Life 1800: 39–40]. Похожий эпизод имеется в дневнике француза Виктора-Луи-Шарля де Рике, впоследствии — герцога де Карамана, который посетил в Тавриду в 1784 году в ходе образовательного путешествия по Европе. Во время поездки из Судака в Феодосии по размокшей от дождей дороге его одноконные дрожки несколько раз опрокидывались и, в конце концов, сверзились с обрыва вместе с седоками, которых пришлось спасать конвойным казакам [Храпунов 2021: 515–516].

Эдвард-Даньел Кларк, ездивший по Югу России в 1800 году и создавший весьма неприглядный портрет империи [см.: Храпунов 2022а: 123–156], тем не менее, высоко оценил качество южных дорог и назвал поездку от Москвы до Тамани «по большей части более легкой и приятной, чем экспедиция по какой бы то ни было части Германии» [Clarke 1816: 322]. Даже рассказы о бандитах, якобы наводнявших степи к северу от Крыма, путешественник счел вымыслом [Clarke 1816: 323–330].

Уникальный источник — письмо англичанина Реджинальда Хебера к Роберту-Уильяму Хею 1807 года [о них: Храпунов 2022а: 157–180; Храпунов 2022с: 6–7]. Хебер, осмотревший Крым за год до того, дал несколько практических советов своему хорошему знакомому, решившему отправиться по его стопам. Хебер рекомендовал посетить Акмечеть (Симферополь), Бахчисарай, Инкерман и Херсонес, Балаклаву, Ялту, Партенит и Алушту на Южном берегу Крыма, подняться на вершину горы Чатырдаг, а также не забыть Карасубазар и истоки реки Карасу, Судак, Феодосию и Керчь [Храпунов 2022с: 9–11].

По словам Хебера, прибыв в столицу Таврической области — Симферополь, путешественнику следовало получить у губернатора фирман (т. е.

подорожную) с указанием дальнейшего маршрута, на основании которого крымские татары предоставляли иностранцам лошадей. По свидетельству Павла Сумарокова (1799), этот документ писали по-татарски и в нем могли быть также требования «к старшинам во всех селениях» предоставлять жилье, проводников и «всякое пособие» [Сумароков 1800: 48]. Изучавшие Крым в 1811 году Мориц фон Энгельгардт и Иван Паррот отметили, что такой «паспорт» предписывал сельским старостам предоставлять путешественникам помещения для ночлега, а также необходимое число верховых и вьючных лошадей за обычную плату. По их словам, крымские татары настолько доверяли людям, что иногда давали путешественникам лошадей без сопровождающего, полагаясь на то, что те оставят их в следующем селении, жители которого возьмут на себя прокорм [Engelhardt, Parrot 1815: 8, 42]. Кларк отметил, что почтовая служба в Крыму *«управляется хуже, чем в любой другой части империи»*, однако лошади, которых нанимали у татарских крестьян, оказались *«столь же крепкими, быстрыми и красивыми, как арабские скакуны»* [Clarke 1816: 132]. Хебер писал, что цена вопроса в южной части Крымского полуострова — по две копейки за милю с лошади [Храпунов 2022с: 9].

Хебер советовал Хею обменять в Симферополе деньги на турецкие, поскольку татары отказывались брать российскую валюту [Храпунов 2022с: 13; Храпунов 2008: 682]. Следовало нанять переводчика. Профессиональных толмачей тогда не было, так что приходилось привлекать случайных людей, которые, как утверждал англичанин, были склонны обманывать и своих нанимателей, и «бедных татар» [Храпунов 2022с: 9]. Переводчик мог служить и проводником. В дневнике Хебер отметил, что его проводник — польский еврей не смог показать подъем на Чатырдаг, а также перевести одну местную легенду [Храпунов 2008: 675]. По словам Энгельгардта и Паррота, крымские татары охотно вызывались проводить путешественников к заинтересовавшему их объекту, очевидно, рассматривая это как часть гостеприимства [Engelhardt, Parrot 1815: 42]. Таким образом можно было организовать краткие экскурсии длительностью несколько часов в рамках общей поездки. Правда, для общения с этими людьми нужен был переводчик.

Характерен рассказ эмигрировавшего в Северную Америку француза Стивена Греллета, который в 1819 году беседовал на религиозные темы с крымскими татарами и при помощи двух, причем непрофессиональных переводчиков: первый переводил с тюркского на русский, а второй — с русского на французский. Легко представить, как это сказывалось на понимании сложных богословских аргументов, однако путешественнику казалось, что беседа шла очень хорошо и собеседники благожелательно восприняли его аргументы в пользу учения квакеров [Храпунов 2009: 665, 669–671]. Экзотические проводники забавляли путешественников своим внешним видом. Так, Сумароков не без иронии описывал своего спутника «с преогромными усами, кои подобно рогам упирались ему в самые глаза; то был мой толмач родом турок, отставной нашей службы ротмистр» [Сумароков 1800: 49]. Принц Шарль-Жозеф де Линь, подданный Священной Римской империи, поехавший осматривать свое новое поместье на Южном берегу в 1787 году, утверждал, что его проводником стал «варвар-татарин»: «Вероятно, при встрече он обокрал или избил бы меня; но, так как я был вверен в его руки, он отдал бы свою жизнь, защищая меня» [Ligne 1914: 69].

Во времена Хебера еще не существовало шоссейных дорог на Южный берег; добраться туда можно было только верхом, вдоль берега и через горные перевалы [Храпунов 2022с: 9–11]. Кларк оставил живописное описание спуска по узкой и петляющей тропе через перевал Шайтан-Мердвен («Чертова лестница») и далее к селению Кучук-Кой (ныне Парковое городского округа Ялта), когда путешественник, замирая от страха, мог наслаждаться потрясающими видами моря и скал [Clarke 1816: 241–242]. Много позже Пушкин, проехавший там в обратном направлении в 1820 году, писал: «По Горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших» [Пушкин 1962: 280].

На Южном берегу Крыма не было гостиниц и ресторанов, так что приходилось рассчитывать на гостеприимство крымских татар. В городах же условия были не лучшими: Хебер назвал симферопольский трактир «очень жалким»; в Феодосии, по его словам, был «бедный постоялый двор», а в Севастополе «исключительно отталкивающая пивная, кото-

рую содержит итальянец, — однако она лучшая в том месте». Путешественник считал всех русских, греков, евреев и армян плутами. Остановиться с комфортом можно было лишь в домах у мусульман, но им были свойственны «предрассудки в отношении женщин и собак». Предписанные исламом нормы женского поведения он воспринимал как проявление ревности, а вот собак крымские татары не позволяли пускать в дом, так что в поездку лучше было их вообще не брать [Храпунов 2022с: 9–10].

В дневнике Хебер с восхищением писал о крымских татарах — жителях как горных, так и степных районов, которые всегда предлагали путешественникам ночлег, если видели их вечером, или пищу, если встречали днем. От платы они зачастую отказывались. Однако если путешественников принимали за российских чиновников, отношение становилось по меньшей мере прохладным [Храпунов 2008: 682]. Русский писатель Владимир Броневский рассказал о том, как в 1815 году жители южнобережного селения угощали его разными яствами, а потом один татарин принес ему трубку и кисет с табаком, отказавшись от оплаты: *«Мы не имеем обычая брать с гостей наших за угощение, я приношу вам сей дар в знак памяти»* [Крымский миф 2017: 55]. По словам Энгельгардта и Паррота, отказаться от предложенного крымским татаринком угощения — значит, нанести ему оскорбление. Жители дальних деревень даже отказывались от «подарков» благодарных путешественников [Engelhardt, Parrot 1815: 24, 38–41]. По словам Сумарокова, *«должно отдать справедливость крымским татарам, что они как в нем, равно как и в бескорыстии и искренних услугах могут послужить примером многим просвещённым народам»* [Сумароков 1800: 153]. Вопреки мнению Хебера, другие путешественники указывали, что бескорыстное гостеприимство свойственно не только татарам. В Ени-Кале (ныне северная часть города Керчи) Кларк остановился в доме у грека и пришел от своих хозяев в совершенный восторг [Clarke 1816: 98–100]. Сумароков рассказал о другом гостеприимном греке, принимавшем его в Кучук-Узене (ныне село Малореченское городского округа Алушта), и в связи с этим раздумывал, не следует ли бежать от «суетного и праздного» мира столиц и поселиться в этом «Эдемском краю», наслаждаясь скромными радостями уединения [Сумароков 1800: 90–93].

Однако пищевые обычаи крымских татар казались европейцам не такими привлекательными. По словам Сумарокова, *«Восточный обычай есть по-братски из одной чашки мне очень не понравился; <...> Я межевался со своими товарищами чересполосно, отгораживал свою долю в уголок и ел вилкой по-европейски»* [Сумароков 1800: 50]. Знатная британка Элизабет Крейвен, описавшая поездку в Крым в 1786 году [см.: Храпунов 2022а: 61–78], утверждала, что возила с собой чайные принадлежности и заваривала чай в бескрайней татарской степи. Так чайник стал символом английской культуры. Правда, молоко нужно было покупать у местных жителей [A Journey 1789: 163].

В Крыму были распространены инфекционные заболевания. На «лихорадку» (возможно, это была лихорадка папатачи или же малярия) жаловались такие разные авторы, как Семпл-Лайл, Кларк и Пушкин [The Life 1800: 38; Clarke 1816: 163, 206, 221, 257, 296–297, 314; Пушкин 1962: 282]. В связи с этим Хебер советовал *«быть осторожным с фруктами и жирной пищей»*, использовать марлевый полог в экипаже, а при ночевке на свежем воздухе прикрывать лицо и рот [Храпунов 2022с: 13]. В Крыму он сам подхватил какое-то кожное заболевание, от которого не смог избавиться до последних дней [Храпунов 2022а: 355]. Но несмотря на все эти трудности, путешественники считали Крым местом, в высшей степени достойным изучения. Как писал Хебер, *«распространяться о каждой из тех красот, что встретятся вам [на пути], можно бесконечно»* [Храпунов 2022с: 9–10]. И отнюдь не случайно отъезд из Крыма он сравнил с изгнанием из рая [Храпунов 2008: 681].

Библиография

Крымский миф в русской культуре первой половины XIX века. Свод малоизвестных свидетельств современников. Великий Новгород; Симферополь; Нижний Новгород, 2017.

Мальгин А. В. Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII — начало XIX в. Симферополь, 2004.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 7. М., 1962.

Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800.

Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хебера (1806 г.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2008. Вып. 14. С. 645–697

Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. 15. С. 656–681.

Храпунов Н. И. Крымское путешествие Виктора де Карамана // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Вып. 26. С. 498–527.

Храпунов Н. И. Английские путешественники и Крым. Конец XVIII — первая треть XIX в. Севастополь, 2022а.

Храпунов Н. И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII — начала XIX века. Севастополь, 2022б.

Храпунов Н. И. Бахчисарай в описаниях иностранных путешественников конца XVIII — начала XIX века. Приложение: «Живописное путешествие по Крыму» Реджинальда Хебера и Роберта-Уильяма Хея. Севастополь, 2022с.

A Journey through the Crimea to Constantinople in a Series of Letters from the Right Honourable Elizabeth Lady Craven. London, 1789.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1816.

Engelhardt M. von, Parrot Fr. Reise in die Krim und den Kaukasus. T. 1. Berlin, 1815.

Ligne, prince de. Lettres a la marquise de Coigny / éd. H. Lebasteur. Paris, 1914.

The Life of Major J. G. Semple Lisle; Containing a Faithful Narrative of His Alternate Vicissitudes of Splendor and Misfortune. Written by Himself. 2nd ed. London, 1800.

Чемодуров Н. Н.

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь

ДОВОЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВАРВАРОВКА: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О СТАРОМ ОТКРЫТИИ*

Chemodurov N. N.

PRE-WAR STUDIES OF THE ANCIENT SETTLEMENT OF VARVAROVKA: NEW SOURCES ABOUT THE OLD DISCOVERY

Со второй половины XIX — начала XX столетий отсчитывается начало научной систематизации знаний о памятниках прошлого, многообразно представленных в Северном Причерноморье [Уваров 1851; Ястребов 1894; Гошкевич 1913]. Вплоть до настоящего времени археологическая карта региона пополняется и детализируется. Специалистами выделяется как историческая область Нижнее Побужье — одна из территорий первоначального расселения греков на побережье Понта Эвксинского. Подробные сведения о древностях низовий р. Буг отражены в фундаментальной работе И. В. Фабрициус [Фабрициус 1951]. Труд исследовательницы оказался опубликованным лишь частично, и в настоящее время предприняты усилия для его полноценного введения в научный оборот [Кашуба и др. 2022: 266].

В связи с этим, немаловажным представляется приобщение дополнительной информации о памятниках, отмеченных на карте И. В. Фабрициус. Среди таких объектов в качестве удачного примера следует назвать античное поселение у с. Варваровка. В античности это был наиболее северный пункт на правом берегу р. Буг, на котором греческие поселенцы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00187, <https://rscf.ru/project/22-18-00187/> «Неопубликованная „Карта по археологии Причерноморья“ И. В. Фабрициус (архивные документы, междисциплинарные исследования, современные интерпретации)» в ИИМК РАН.

сумели закрепиться [Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: 63]. На страницах Археологической карты Причерноморья упоминается факт небольших раскопок памятника, предпринятых сотрудниками Николаевского краеведческого музея в 1925–1930 гг. Уникальными представляются описания материалов исследований, с которыми И. В. Фабрициус имела возможность познакомиться в 1936–1937 гг. [Фабрициус 1951: 113]. В довоенный период крупные раскопки у с. Варваровки проводились в 1938–1939 гг. Любопытно, что в И. В. Фабрициус эти изыскания в своей работе не упоминает вовсе.

Следующий по времени опыт обобщения сведений об античных поселениях в Нижнем Побужье, накопленных археологическими работами, принадлежит другой исследовательнице Ф. М. Штительман [Штительман 1950]. Автором изучены архивные коллекции и документальные материалы Николаевского, Херсонского областных музеев, Государственного Эрмитажа, ЛО ИИМК АН СССР и Ольвийского заповедника АН УССР [Штительман 1956: 255]. Тем не менее, публикация не дополнила научное знание о поселении у с. Варваровка новыми подробностями [Штительман 1956: 259]. Отметим лишь, что работой положено начало дискуссии о предназначении, встреченных на поселении ям сложной конструкции [Там же].

В 1973–1974 гг. разведки на правом берегу р. Буг проводил В. В. Рубан [Рубан 1975]. Исследователю оставалось констатировать практически полное разрушение культурного слоя на месте бывшего с. Варваровка в результате современной городской застройки [Рубан 1975: 346]. В новейшей литературе наиболее полные сведения о Варваровском поселении помещены в коллективной монографии сотрудников Института археологии АН УССР [Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990]. Памятник охарактеризован как двухслойный, с периодами активного существования в V–VI вв. до н.э. и в VI — рубеже III–II вв. до н.э. [Там же: 63]. Такой вывод позволили сделать опубликованные результаты исследований 1938–1939 гг. На основании этих же материалов была предпринята новая попытка объяснить устройство и назначение ям, открытых на поселении [Крыжицкий и др. 1989: 106]. Насколько известно, впоследствии данные о Варваровском поселении исследователями к анализу не привлекались.

Работы, посвященные результатам довоенных раскопок поселения у с. Варваровка, к которым могут апеллировать современные специалисты, немногочисленны. Итоги исследований, предпринятых в 1938 г. Николаевским краеведческим музеем под руководством М. С. Сеницына, были представлены на научной конференции в Киеве в апреле 1939 г. [Славин 1940: 205]. К сожалению, текст сообщения автора раскопок не публиковался. Полевые работы у с. Варваровка продолжились в 1939 г. усилиями совместной экспедиции ИИМК, ИА АН УССР и Николаевского музея. Впервые материалы исследуемого памятника появились на страницах печати в 1940 г. [Шульц 1941]. Вскоре началась война, и многим археологическим начинаниям не суждено было получить свое развитие. Коллекция Николаевского музея, оставшегося на оккупированной территории, понесла существенные утраты [Павлова, Романенко 2015: 274]. Судьба материалов Варваровского поселения сложилась, по-видимому, плачевно. Отчасти об этом свидетельствует послевоенная статья М. С. Сеницына, в которой, в частности, отсутствуют ссылки на фонды Николаевского музея [Сеницын 1959]. Вместе с тем, неизвестны новые попытки публикации каких-либо материалов экспедиции 1938–1939 гг.

В истории изучения Варваровского поселения, вероятно, можно было бы поставить точку. Как отмечалось, памятник оказался разрушенным и сегодня находится под постройками современного г. Николаева. Тем не менее, перспективы дальнейших исследований открывают обнаружение существенного корпуса полевых материалов изысканий 1938–1939 гг., сохранившегося в личном фонде отечественного археолога П. Н. Шульца (1901–1983) в Научном архиве ИАКр РАН. Наиболее полным источником следует признать Дневник работ Варваровского Ольвийской экспедиции, составленный П. Н. Шульцем [НА ИАКр РАН. Ф. Л-9. Оп. 3. Д. 53]. На 162 страницах рабочей тетради помещены сведения об исследованиях, проводившихся с 21 августа по 22 сентября 1939 г. Документ включает таблицы, планы, схемы, зарисовки объектов и отдельных находок. Существенно дополняют эти данные дневники участников раскопок М. С. Сеницына, М. Г. Жебелева, В. И. Захаровой [Там же. Д. 54–56]. Помимо полевых дневников, блок источников представлен

инвентарными описями, определениями остеологического материала, альбомом, отдельными графическими изображениями и фотографиями. Ценную информацию содержат сохранившиеся письма и организационная документация. О развитии представлений П. Н. Шульца и М. С. Сеницына позволяют судить машинописи предварительных исследований, посвященных Варваровскому поселению [Там же. Д.59, 60].

Выявленные источники в некоторой мере проливают свет на обстоятельства несостоявшейся полноценной публикации материалов раскопок 1938–1939 гг. Организационные документы свидетельствуют о готовившемся продолжении исследований Варваровского поселения. Так, Институт археологии АН УССР информировал П. Н. Шульца о выделении из средств Ольвийской экспедиции 5000 руб. на раскопки Варваровского отряда с 15 августа по 15 сентября 1940 г. П. Н. Шульц обязывался передать полевые материалы за 1938–1939 г. в Киев. Упоминается также факт передачи коллекции находок экспедиции 1939 г. в Николаевский музей [Там же. Д. 61. Л. 14]. Тем не менее, новые исследования по каким-то причинам не состоялись. Научная документация, по-видимому, также не была сдана и осталась в личном использовании у П. Н. Шульца. Очевидно, у ученого оставались намерения возобновить исследования Варваровки. Об этом свидетельствует сохранившаяся смета работ Варваровского отряда на 1947 г. [Там же. Л. 21]. Как бы то ни было, нарушение корпоративных инструкций в данном случае поспособствовало сохранению значительного количества важных данных. Принципиальной задачей представляется их детальный анализ, новая интерпретация и помещение в современный научный контекст.

Библиография

ГОШКЕВИЧ В. И. Древние городища по берегам низового Днепра // ИАК. 1913. Вып. 47. С. 117–145.

КАШУБА М.Т., ВАХТИНА М.Ю., МЕДВЕДЕВА М.В., ГРИГОРЬЕВА О.В., БАТАСОВА А.В, «Карта И. В. Фабрициус» как источник по археологии Северного Причерноморья: подходы к теме // История и археология Северного Причерноморья в античную

и средневековую эпохи: Материалы Всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–29 сентября 2022 года. Симферополь, 2022. С. 266–268.

КРЫЖИЦКИЙ С.Д., БУЙСКИХ С.Б., БУРАКОВ А. В., ОТРЕШКО В. М. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.

КРЫЖИЦКИЙ С.Д., БУЙСКИХ С.Б., ОТРЕШКО В. М. Античные поселения нижнего Побужья (Археологическая карта). Киев, 1990.

ПАВЛОВА Г.С., РОМАНЕНКО С.В. Николаевский исторический музей в 1941–1943 годах (по документам ЦГА ВОВУ) // V Миколаївська обласна краєзнавча конференція. Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження. Николаев, 2015. С. 274–275.

РУБАН В. В. Разведка по правобережью Бугского лимана // АО 1974 г. 1975. С. 346–374.

СИНИЦЫН М. С. Поселение у с. Варваровка по раскопкам 1938 г. // Труды Одесского государственного университета. 1959. Т. 149. Вып. 7. № 1. С. 113–133.

СЛАВИН Л. М. Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период // ВДИ. 1940. № 1. С. 200–207.

УВАРОВ А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб., 1851.

ФАБРИЦИУС И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951.

ШТИТЕЛЬМАН Ф. М. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана // МИА. 1956. № 50. С. 255–272.

ШУЛЬЦ П. Н. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 71–75.

ЯСТРЕБОВ В. И. Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии. Одесса, 1894.

Список сокращений

ИА АН УССР — Институт археологии Академии наук Украинской Советской Социалистической Республики.

ИИМК — Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.

НА ИАКр РАН — Научный архив Института археологии Крыма Российской академии наук.

Черткова Н. С.

Севастопольский государственный университет,
Институт общественных наук и международных отношений, Севастополь

**ОПИСАНИЕ ПРЕДМЕТОВ ФАЛЕРИСТИКИ
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ
И ОСВОБОЖДЕНИЯ СЕВАСТОПОЛЯ
ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО
КАТАЛОГА МУЗЕЙНОГО ФОНДА РФ¹**

Chertkova N.S

DESCRIPTION OF THE FALERISTICS ITEMS
OF THE MUSEUM-RESERVE
OF THE HEROIC DEFENSE AND LIBERATION
OF SEVASTOPOL THROUGH THE ANALYSIS
OF THE STATE CATALOG OF THE MUSEUM FUND
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Одной из глобальных задач музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя является унификация научных описаний музейных предметов. Без этого невозможно сегодня достичь эффективного взаимодействия, обмена информацией и взаимопонимания с другими музеями. МГООС на протяжении многих лет активно ведет работу в этом направлении, создавая систему научного описания предметов фалеристики.

В основной фонд МГООС поступают все награды участников обороны Севастополя 1854–1855 гг., полученные ими за участие в Крымской войне. В музей попадают все награды участников революционных собы-

---

¹ Научный руководитель: Сердалиева Диана Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры музейное дело и охрана памятников культурного и исторического наследия Севгу

тий в Севастополе, вне зависимости от времени их награждения. Из наград периода гражданской и Великой Отечественной войн на основной учет поступают награды, полученные за подвиги, совершенные в период боев за Севастополь на их фронтах, награды, найденные на местах боев, награды, полученные героями боев за Севастополь в послевоенный период [Ушакова 1980: 2].

Вопрос о взятии на основной учет юбилейных наград и наград за выслугу лет должен решаться отдельно, в зависимости от заслуг награжденного. Так же необходимо подходить и к оценке трудовых наград. Не всегда надо брать в фонды все трудовые награды, полученные за выслугу лет, а вот награды за достижение в производстве, за новаторство и рационализацию должны, безусловно, войти в состав основного фонда музея.

В исключительных случаях могут быть взяты в фонды музея награды лиц, жизнь и деятельность которых не связана с историей города Севастополя. Например, если материал имеет республиканское или общесоюзное значение.

Часто награда поступает в музей не одна, а в составе комплекса наград и наградных документов. Нежелательно составлять один паспорт на несколько наград, так как в этом случае невозможно привести необходимые сведения о каждой награде.

Условно паспорт можно разделить на 8 блоков информации:

1. Наименование предмета. Заполнение этой графы начинается указания вида и номера награды. Далее приводятся сведения о награжденном: фамилия имя отчество звание должность или профессия в период награждения. Например, медаль «В память войны 1853–1854–1855–1856 гг.» № 16405 А. А. Корнилова, участника обороны Севастополя 1854–1856 гг., мичмана 38-го флотского экипажа ЧФ [Научный паспорт. КП № 93346. Н 16405. Л.1].

2. Сохранность. В этой графе отмечается полная сохранность или указывается характер повреждения. Неудовлетворительную сохранность имеет медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В графе «сохранность» отмечается, что награда имеет потускнения, загрязнения и коррозию [Научный паспорт. КП № 93390. Н-16408. Л.1].

3. Размер. Вес. Все круглые и вписывающие в круг ордена и медали меряются по диаметру, остальные — по длине и ширине (указывается максимальная величина). Колодки не измеряются, размеры даются в миллиметрах.

4. Описание предмета. Для наград советского периода можно не давать развернутого описания, указав, что они установленного образца. Например, медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Научный паспорт. КП № 93390. Н-16408. Л.1].

5. Легенда. В этой графе для наград, поступающих в музей как образец, излагается история учреждения данной награды. Например: знак отличия Военного ордена учрежден в 1807 году — для поощрения храбрости солдат и унтер-офицеров и причислен к Георгиевскому ордену [Научный паспорт. КП № 865. Н-81. Л.1]. Подчеркивается, при необходимости, политический смысл связанных с ней событий. Например: для медали «За защиту Севастополя 1854–1856 гг.». Также указывается, кто из участников интересующих событий и за какие заслуги получил эту награду (медаль «За турецкую войну» 1828–1829 гг., врученная военному инженеру А. Е. Бухмейеру) [Научный паспорт. КП № 19534. Н-3575. Л.1].

6. Источник описания. Это могут быть документы, в том числе наградные; периодическая печать, литература; консультация специалистов.

7. Музейное значение. Награды являются ярким свидетельством признания заслуг, награжденного перед народом.

8. Приложение. Например, к научному-унифицированному паспорту медали «В память войны 1853–1856 гг.» прилагается вкладыш, в котором рассказывается о новой традиции офицеров носить на одежде маленькую рамку или брошь с миниатюрными крестами и медалями. Также даются краткие биографические сведения о владельце награды Корнилове Александре Александровиче, юнкере, потом мичмане (с 16.02.1855 г.) [Научный паспорт. КП № 93346. Н 16405. Л.1].

Таким образом, анализ научно-унифицированных паспортов музея героической обороны и освобождения Севастополя позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего изучения предметов фалеристики и дополнения научных паспортов новыми сведениями. Поэтому перспектива

последующего развития системы научной паспортизации лежит в направлении дальнейшей работы по усовершенствованию методики описания предметов фалеристики.

Библиография:

Георгиевский крест III степени Сидоренко Василия Ивановича участника обороны Севастополя 1854–1855 гг. // Изобразительный фонд МГООС. Научный паспорт. КП № 865. Н-81. Л.1

Медаль «В память войны 1853–1854–1855–1856 гг.» (фрачная). // Изобразительный фонд МГООС. Научный паспорт. КП № 93346. Н 16405. Л.1

Медаль «За защиту Севастополя 1854–1856 гг.» Федоровой Анны Савельевны, 1856 г. // Изобразительный фонд МГООС. Научный паспорт. КП № 27991. Н-903. Л.1

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» // Изобразительный фонд МГООС. Научный паспорт. КП № 93390. Н-16408. Л.1

Медаль «За турецкую войну» 1828–1829 гг. военного инженера Бухмейера А. Е., участника обороны Севастополя 1854–1855 гг. // Изобразительный фонд МГООС. Научный паспорт. КП № 19534. Н-3575. Л.1

Никитина И. В. Научное комплектование фондов Музея героической обороны и освобождения Севастополя // Причерноморье. История, политика, культура. Серия Б. Выпуск 1. 2009. — С. 79–83.

Отчет о работе музея героической обороны и освобождения Севастополя за 1980 г. // ГКУ Архив города Севастополя. Ф. Р-183 Оп. 1 Д. 980 Л.147

Ушакова О. Б. Методические рекомендации по составлению научных паспортов на ордена и медали г. Севастополь (Одобрено научно-методическим советом Музея героической обороны и освобождения Севастополя в августе 1979 года). 1980. — 19 с.

Чудинов А. В.

Институт всеобщей истории РАН, г. Москва

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов

**НЕВИДИМЫЕ ВРАГИ
ВОСТОЧНОЙ АРМИИ БОНАПАРТА:
ЭПИДЕМИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЕГИПТЕ
1798–1801 гг.***

Tchoudinov A. V.

**INVISIBLE ENEMIES
OF BONAPARTE'S ARMÉE D'ORIENT:
EPIDEMICS IN FRENCH EGYPT 1798–1801**

Египетский поход занимает особое место в биографии Наполеона Бонапарта. Особое и настолько важное, что уже находясь на острове Святой Елены бывший император счел необходимым представить потомкам свою трактовку этой кампании в продиктованных им мемуарах. Как мы знаем, подобного знака внимания с его стороны удостоились всего лишь три его кампании: первая, последняя и Египетская.

В воспоминаниях о походе в Египет и Сирию Бонапарт тщательно выстраивает свой образ непобедимого полководца, успешно одолевшего многочисленных врагов и суровый климат. Целью автора было убедить читателей в том, что под его командованием все задачи экспедиции были успешно выполнены, а вина за последующий ее крах лежит на его «незачливых» преемниках.

Однако описание Бонапартом тех событий носит весьма выборочный характер: он подробно рассказывает о битвах в Египте с мамлюками,

---

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 20–18–00113 «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи».

бедуинами, турками и англичанами, но полностью обходит молчанием историю сражений французов с «невидимым врагом» — эпидемиями, хотя по подсчетам участвовавших в экспедиции врачей причиной половины безвозвратных потерь Восточной армии стали именно болезни [Hutin 2011: 526]. Бонапарт упоминает лишь о нескольких связанных с чумой эпизодах в Сирии, но ни слова не говорит об эпидемиях, имевших место в Египте. О причинах подобной избирательности бывшего императора в освещении Египетской кампании я и расскажу далее.

В первые же недели пребывания французов в Египте на них обрушилась эпидемия дизентерии [Assalini 1801: 86]. Главный врач армии Рене-Николя Деженетт в медицинском отчете о кампании констатировал, что болезнь началась уже во время марша от Александрии к Каиру. Правда, вначале он диагностировал ее как «несварение» пищи из-за переедания арбузами, которые служили французским солдатам в те дни основной едой. Однако со вступлением в Каир бывший загородный дворец Мурад-бея пришлось отвести под госпиталь для размещения многочисленных больных дизентерией [Desgenettes 1802, pt. 1: 13].

О широком распространении этой болезни свидетельствуют и письма французских военнослужащих, перехваченные и опубликованные англичанами. Через пять дней после вступления в Каир, 27 июля 1798 г., шеф эскадрона Савари (будущий герцог Ровиго) писал генералу Донзело в Александрию, что «вся армия страдает от диареи из-за необходимости пить воду», и попросил скорее прислать водки и рома [Correspondance 1866: 144]. 16 августа 1798 г. кавалерийский офицер Пистр сообщал из Каира отцу: «Большая часть армии поражена дизентерией и, несмотря на победы, закончит, умерев столь жалким образом...» [Copies 1799: 146].

Хотя Пистр явно сгущал краски, и о гибели большей части армии речи не шло, тем не менее войска Бонапарта несли ощутимые потери от эпидемии. По свидетельству Деженетта, только в августе — сентябре 1798 г. в госпиталях находилось от 1200 до 1500 больных, 60 из которых умерли [Desgenettes 1802 pt. 1: 17]. Поскольку эпидемия чумы в тот момент еще не началась, основной причиной летальных исходов была именно дизентерия.

В дальнейшем дизентерия уже не покидала Восточную армию, став постоянным фактором ее повседневного существования. Если появившаяся вскоре чума будет приходить и уходить волнами, накрывая одни города и щадя другие, то дизентерия будет иметь место постоянно и повсюду [Desgenettes 1802, pt. 1: 22, 25, 27, 43], не утрачивая своего смертоносного характера. Так, 16 января 1799 г. генерал Ш.Ф.Ж. Дюга и врач А. Савареци сообщали из Дамьетты, что эпидемия чумы в городе закончилась, но много военнослужащих продолжает умирать от дизентерии [Desgenettes 1802, pt. 1: 29]. В том же месяце врач Л. Франк, инспектировавший госпитали Каира, констатировал, что большинство находящихся там больных страдают именно от дизентерии [Desgenettes 1802, pt. 1: 30]. 14 марта 1799 г. Ж. Б. Брюан, врач госпиталя Газы, докладывал, что, хотя среди его пациентов есть и заболевшие чумой, больные умирают не только от нее, но и от дизентерии [Desgenettes, 1802, pt. 1, 62]. 21 марта он вновь подчеркнул, что помимо чумных больных, у него много пациентов, страдающих дизентерией в хронической форме [Desgenettes 1802, pt. 1: 68]. 23 марта начальник медицинской службы Яффы Ж.-Ф. Сент-Урс тоже отмечал, что почти все его пациенты, заболевшие чумой, имеют также хроническую дизентерию [Desgenettes 1802, pt. 1: 65]. Правда, чума на пике эпидемии распространялась быстрее дизентерии, и соотношение изменилось в ее пользу, о чем 1 апреля Сент-Урс сообщил Деженетту: «Из 130 больных, посещенных мною сегодня утром, 110 поражены господствующей болезнью [чумой.— А. Ч.], остальные — дизентерией, которой часто сопутствуют грудные болезни» [Desgenettes 1802, pt. 1: 72] и т. д., и т. п. Дизентерия не оставляла Восточную армию до самой эвакуации той из Египта.

Впрочем, при ознакомлении с описаниями клинической картины данного заболевания французскими врачами в разных частях Египта нельзя не обратить внимания на достаточно широкий диапазон отмеченных ими симптомов. Это наводит на мысль о том, что употребляемое ими общее понятие «дизентерия» использовалось фактически для обозначения ряда желудочно-кишечных заболеваний, о разной этиологии которых врачи тогда еще не подозревали.

Так, зафиксированные во многих случаях у пациентов тяжелые поражения печени [Lattil 1802: 248–250], в целом не характерные для бактериальной дизентерии (шигеллёза), дают основание предполагать, что эти больные имели амёбиаз (амёбную дизентерию). Это предположение косвенно подтверждается положительным эффектом, достигнутым в ряде случаев при лечении больных ипекакуаной, которая эффективна именно против амёбиаза.

Составленная главным врачом Дамьеты А. Саварези классификация различных видов «дизентерии» включала в себя, помимо прочих, «дизентерию с червями» [Desgenettes 1802, pt. 2: 84], что позволяет предположить у его пациентов заболевание кишечным шистосоматозом. Клиническая картина этой болезни имеет значительное сходство с той, что наблюдается при бактериальной дизентерии. Предположение о заражении французских военных, помимо шигеллёза, также амёбиазом и шистосоматозом тем более логично, что обе эти болезни являются эндемичными для Египта [Большая медицинская энциклопедия 1974, т. 1: Амёбиаз; 1978, т. 8: Египет; 1986, т. 27: Шистосоматоз].

Если отсутствие в воспоминаниях Бонапарта каких-либо упоминаний о бушевавшей в Восточной армии эпидемии желудочно-кишечных заболеваний еще можно при желании объяснить тем, что дизентерия тогда считалась привычным спутником войны, в том числе на европейском театре военных действий, то его умолчание об эпидемии чумы в оккупированном французами Египте, выглядит по меньшей мере странно.

Чума для Египта также является эндемичным заболеванием. Французам повезло, что ее очередная эпидемия закончилась как раз накануне их прибытия: в своих первых письмах на родину многие из них зафиксировали этот факт. Затем последовал разлив Нила — период, когда чума обычно не проявляется. Однако уже в октябре 1798 г. она вспыхнула в Дамьете: сначала среди местных жителей, а потом и французских военных. Там эпидемия продолжалась до января 1799 г. [Desgenettes 1802, pt. 1: 19–22].

Еще большие размах и продолжительность приобрела эпидемия чумы, начавшаяся в декабре 1798 г. в Александрии. Местных жителей она там не задела, но французской армии нанесла чувствительные потери.

Месяц спустя после ее начала генерал Мармон, военный комендант города, докладывал 22 января 1799 г. Бонапарту: «Наши несчастья множатся каждый день, мой дорогой генерал, и каждый миг увеличивает наши потери. Позавчерашний день стоил нам семнадцати умерших, вчерашний — примерно столько же. Наше положение поистине плачевно» [Mémoires 1857: 442]. Тут эпидемия длилась до мая 1799 г., и лишь во второй половине этого месяца служивший в Александрии артиллерист Л. Ж. Брикар записал в своем дневнике: «Чума начала затихать; среди французов происходит очень немного случаев заражения» [Journal 1891: 363–364].

Когда Бонапарт повел основные силы своей армии в Сирийский поход, эпидемия чумы в Александрии еще продолжалась. Однако уже в Сирии армию накрыла новая волна эпидемии. По возвращении ее оттуда отдельные вспышки чумы в Египте имели на протяжении 1800 г. эпизодический характер [Desgenettes 1802: 130–149]. В первые же месяцы 1801 г. французский Египет накрыла самая мощная из пережитых им волн эпидемии. 5 апреля 1801 г. Деженетт писал генералу А. Ж. Мену в Александрию: «После вашего отъезда из Каира эпидемия усилилась, несмотря на сокращение гарнизона. Смертность среди жителей постепенно достигла 100 человек в день, а в один из дней даже достигала 110, что превышает все показатели с момента нашего прибытия в Египет» [Desgenettes 1802, pt. 1: 214]. Восточная армия продолжала страдать от чумы до самого ухода из Египта. Символично, что при обороне Александрии, последнего оплота французов в этой стране, одним из последних заболевших стал их главнокомандующий Мену [Larrey 1812: 338–339].

Почему же Бонапарт в своих мемуарах обошел молчанием столь драматичные события, стоившие его армии половины личного состава? На мой взгляд, это было связано с той дискуссией, от исхода которой напрямую зависела его репутация в глазах потомков и современников и которую он на протяжении многих лет заочно вел с генералом Ж. Б. Клебером, своим преемником на посту командующего Восточной армией. Приняв не по своей воле бразды правления и оценив то катастрофическое состояние дел, которое ему оставил предшественник, Клебер обратился с иностранным посланием к правившей во Франции Директории. Послание это

звучало как обвинительный акт против Бонапарта. Клебер подробно описал тот упадок, который оставил ему Бонапарт, и сделал вывод, что спасти армию может только немедленная эвакуация [Чудинов 2019: 100–127]. Вдобавок к общей нехватке денег, оружия, боеприпасов и обмундирования, отмечал Клебер, численность личного состава армии тает из-за эпидемий. Относительно дизентерии, которую врачи того времени связывали с переохлаждением, он писал: «Войска раздеты, и это отсутствие одежды тем более прискорбно, что, как признано, оно в этой стране является одной из главных причин дизентерии и офтальмии — постоянно доминирующих болезней. Первая особенно сильно сказалась в этом году на частях, ослабленных усталостью. Офицеры медицинской службы отмечают и постоянно докладывают, что, хотя армия существенно уменьшилась, в этом году больных гораздо больше, чем было в прошлом в то самое же время» [Kléber 1988: 519–520]. Упомянул он и о чуме: «“Если в этот год,— сказал мне генерал Бонапарт,— несмотря на все предосторожности, в Египте будет чума и убьет у вас более 1500 человек — потери значительные и превышающие те, что ежедневно наносит война, то в таком случае вы не должны рисковать, вступая в новую кампанию, и вам дозволяется заключить с Османской Портой мир, даже если его главным условием станет эвакуация из Египта”. Хочу, граждане Директора, особо отметить данный пассаж, поскольку он весьма характерен в разных отношениях и хорошо показывает то критическое положение, в котором я нахожусь» [Kléber 1988: 525].

Письмо Клебера не повлияло на политическое будущее Бонапарта: к тому времени, когда оно достигло Франции, тот уже произвел государственный переворот и сам встал во главе страны. Однако опубликованное англичанами оно стало всеобщим достоянием и нанесло ущерб репутации Наполеона. Настолько, что уже на острове Святой Елены он счел нужным вернуться к этой теме и написал развернутый ответ давно уже покойному к тому времени Клеберу, дабы по всем пунктам опровергнуть его утверждения. Труднее всего это оказалось сделать в отношении тезиса Клебера о том, что смертоносные эпидемии делают невозможным продолжительное удержание Египта наличными силами Восточной

армии. Не имея чем возразить, Бонапарт упоминание о дизентерии проигнорировал, а относительно чумы просто соврал: «Чума не поражала армию в 1800 и 1801 гг.» [Kléber 1988: 526]. Признать обратное означало признать правоту Клебера и всех тех, кто считал, что Бонапарт бросил армию в безнадежной ситуации ради собственного спасения. Вот почему и в продиктованных на Святой Елене мемуарах Наполеон ни словом не упомянул о тех «невидимых врагах», с которыми французами пришлось бороться в Египте.

Библиография

Большая медицинская энциклопедия / Под ред. Б. В. Петровского. 3-е изд. М., 1974–1989. 28 т.

Чудинов А. В. Египетское «наследие» Бонапарта // Французский ежегодник 2019: Эпоха Наполеона и память о ней. М., 2019. С. 100–127.

Assalini P. Observations sur la maladie appelée peste, le flux dissenterique, l'ophtalmie d'Égypte et les moyens de s'en préserver. Paris, 1801.

Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt, intercepted by the fleet under the command of admiral Lord Nelson. Part 2. London, 1799.

Correspondance intime de l'armée d'Égypte: interceptée par la croisière anglaise. Paris, 1866.

Desgenettes R. Histoire médicale de l'armée d'Orient. Paris, 1802.

Journal du canonnier Bricard. Paris, 1891.

Kléber en Égypte 1798–1800. T. 2. Paris, 1988.

Larrey D. J. Mémoires de chirurgie militaire et campagnes. Paris, 1812. T. 1.

Lattil J. B. Campagnes de Bonaparte à Malte, en Egypte et en Syrie. Paris, 1802.

Huitain J. F. La campagne d'Égypte: une affaire de santé (1798–1801). Paris, 2011.

Mémoires du Maréchal Marmont, Duc de Raguse, de 1792 à 1841. 3e éd. Paris, 1857. T. 1.

Чхаидзе В. Н.

Институт востоковедения РАН, Москва
Институт археологии РАН, Москва

ФРАГМЕНТЫ ВИЗАНТИЙСКИХ СТЕКЛЯННЫХ ФЛАКОНОВ XIII в. ИЗ РАСКОПОК ТАМАНСКОГО ГОРОДИЩА

Chkhaidze V. N.

FRAGMENTS OF BYZANTINE GLASS BOTTLES OF THE 13th CENTURY FROM THE EXCAVATIONS OF THE TAMAN SETTLEMENT

Коллекция стеклянных изделий, происходящая из многолетних раскопок средневековых слоев Таманского городища (Матарха–Тмутаракань), сравнительно небольшая — преобладают браслеты, бусы, перстни византийского происхождения, при этом достаточно редки находки посудного стекла [см.: Щапова 1963: с. 122–124, рис. 7; 1991: 171–172; 1998: с. 114–116].

В данной связи интересно обнаружение в 1985 г. четырех фрагментов флаконов темно-синего стекла, в слое XIII в. на раскопе «Северный» (пл. XXV, шт. 2 и 4) [Коровина, Финогенова, Богословский 1985: л. 4, табл. 7, 16, 8, 8, рис. 36, 2в]. В их числе верхняя часть флакона (Рис. 1, 1) с узким толстостенным горлом (высота 6,7 см, ширина 5,7 см), украшенная прямыми и полукруглыми линиями белой эмали, а также крупный (Рис. 1, 2, 2а) (5,1'3,8 см) и два маленьких фрагмента (Рис. 1, 2б, 2в) (2,8'1,0 и 2,3'1,5 см соответственно), украшенные сменяющимися рядами золотых и белых эмалевых крестиков с тройными концами, разделенными вдвоенными горизонтальными широкими полосами, нанесенными белой эмалью. Не совсем понятно, принадлежат ли фрагменты двум разным флаконам или одному.

Эти изделия относятся к известной с 1937 г. группе (т.н. «Paphos Bottle») византийских стеклянных цилиндрических сосудов уплощенной

формы, с узким толстостенным горлом, округлым дном, изготовленных из высококачественного темно-синего стекла (Рис. 1, 3–4), обожженных в муфельной печи. Средняя высота флаконов 16,8–22 см, наибольший диаметр 4,5–6,5 см [см.: Щапова 1998: с. 178–179, рис. 28]. На поверхности присутствует роспись золотом и белой эмалью — горизонтальные и поперечные парные линии белой эмали, которые разграничивают орнаментальные и сюжетные зоны, чередующиеся золотые и эмалевые небольшие равноконечные кресты с тройными концами, зигзагообразными и прямыми линиями, рядом белых кружков [см.: Джанполадян 1967: с. 256, рис. 3, 5, 7]. Ряд флаконов содержат изображения птиц, фантастических зверей (в медальонах), элементами растительного орнамента. Округлое дно сосудов являлось неустойчивым для таких сосудов — вероятно, использовались специальные подставки.

Ближайшие находки таких флаконов известны в Крыму: Херсонес [Колесникова 1973: с. 249–251, рис. 1, а–г] и Эски-Кермен [Хайрединова 2021: с. 82, рис. 59, 5–7], где их фрагменты найдены в слоях пожара конца XIII в.

В целом же, флаконы такой формы¹, по большому счету, немногочисленны, учитывая достаточно широкий ареал их распространения (Рис. 2) [см.: Davidson 1975: p. 132–133; Henderson, Mango 1995: p. 339, 343, fig. 8; Ristovska 2009: p. 213–214, fig. 14, 1a–c, 3]; Коринф [Davidson 1940: p. 320, fig. 20–22; 1952: p. 88, 115, no. 750, fig. 14, pl. 58, 750, 146a; 1975: p. 131–133, fig. 9–11; Williams, Zervos 1993: p. 29, fig. 9, 33]; Стамбул (квартал Сарачхане) [Davidson 1975: p. 132]; Комана Понтийская (совр. Токат, Турция) [Bakirer, Erciyas 2021: p. 464–467, fig. 4–6]; Кипр (Пафос) [Megaw 1959: p. 59–61, fig. 1; 1968: p. 91–94, fig. 5–9; 1972: p. 341–342, fig. 34–36, 39]; Черногория (Котор) [Krizanac 2001: p. 182, fig. 1; Крижанац 2001: с. 25–31, сл. 3–5, таб. 1, I, 1–4; Križanac 2009: p. 409–411, fig. 1–4]; Италия (Отранто, Тарквиния) [Whitehouse 1982: p. 471, fig. 2, 3; 1983: p. 118–120, fig. 6–9]; Египет (Фустат (Старый Каир), Эль-Кусейр) [Lamm 1930: s. 122, Pl. 41, 28, 42, 3,

¹ К группе также относят обнаруженный в Двине сосуд иной, сферической формы, с узким горлом, с росписью золотом и разноцветной эмалью, с изображением фигур людей и зверей, и по центру, сидящего человека, играющего на фиделе [Джанполадян 1967: с. 250, рис. 1].

43, 10–12, 109, 2; Whitcomb 1983: p. 102–103, fig. 2]; Иран [Lamm 1935: p. 15]; территория Руси — Новогрудок [Джанполадян 1961: с. 166–167, рис. 2, табл. 2; Гуревич, Джанполадян, Малевская 1968: с. 8, табл. II; Shelkovnikov 1966: p. 102–104, fig. 16–17; Гуревич 1981: с. 57–58, рис. 50, 1] и Рюриково городище [Плохов 2007: с. 171, ил. 5, 10, 11, 14–16]; Англия (близ Оксфорда) [Biddle 1961–1962: p. 185, pl. X, D].

Стеклянные византийские флаконы этой группы имели широкое распространение в XIII в. (ранние экземпляры известны с конца XII в.) [Grabar 1971: p. 98–102, 118–119, fig. 7–10; Whitehouse 1998: p. 4–5; Antonaras 2010: p. 395, fig. 18]. Флаконы предназначались для хранения лекарственных и ароматических жидкостей (душистых масел), одновременно выступая в качестве тары для их перевозки [Колесникова 1973: с. 250–251]. Помимо этого, декорированные изображениями крестов флаконы, могли использоваться как литургические сосуды, в качестве евогий, в которых привозили и хранили воду, елей или миро из паломнических центров [Antonaras 2010: p. 407]. Один из центров изготовления этих изделий мог находиться в Коринфе, где такой флакон найден близ стеклодельной мастерской, основанной выходцами из Египта, однако, не исключено и их изготовление на Кипре или в Стамбуле [Davidson 1940: p. 320; 1952: p. 115; Grabar 1971: p. 117; ср.: Щапова 1998: с. 198–199].

Учитывая интенсивную торговлю на международных путях в средние века, можно полагать, что Коринф, Константинополь и Кипр являлись основными производителями и поставщиками таких предметов роскоши как рассмотренные стеклянные флаконы. Посредством морских торговых и сухопутных караванных путей флаконы достигали достаточно отдаленных областей (Англия, Иран, север Руси), в том числе Северного Причерноморья (Крым и Тамань).

Библиография

- ГУРЕВИЧ Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад — окольный город. Л., 1981. 160 с.
- ГУРЕВИЧ Ф. Д., ДЖАНПОЛАДЯН Р. М., МАЛЕВСКАЯ М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968. 48 с.
- ДЖАНПОЛАДЯН Р. М. Два стеклянных сосуда из Новогрудка // Византийский временник. 1961. Том XIX. С. 166–171.
- ДЖАНПОЛАДЯН Р. М. Новые материалы по истории византийского стеклоделия // Византийский временник. 1967. Том XXVII. С. 248–257.
- КОЛЕСНИКОВА Л. Г. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея // Византийский временник. 1973. Том 34. С. 249–256.
- КОРОВИНА А. К., ФИНОГЕНОВА С. И., БОГОСЛОВСКИЙ О. В. Отчет объединенной Таманской археологической экспедиции о раскопках Тмутаракани-Гермонассы за 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11960.
- КРИЖАНАЦ М. Средневековно стакло из катедрале светог Трипуна у Котору. Београд, 2001. 84 с.
- ПЛОХОВ А. В. Средневековая стеклянная посуда Новгородского (Рюрикова) городища // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 166–175.
- ХАЙРЕДИНОВА Э. А. Изучение центральной части города на плато Эски-Керман в 2018–2020 гг. // Итоги археологических исследований центральной части города на плато Эски-Кермен в 2018–2020 гг. [Материалы Эски-Керменской экспедиции. Вып. I]. Симферополь, 2021. С. 26–143.
- ЩАПОВА Ю. Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 102–133.
- ЩАПОВА Ю. Л. Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX–XII вв. (по находкам из стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. М., 1991. С. 155–177.
- ЩАПОВА Ю. Л. Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998. 286 с.
- ANTONARAS A. C. Early Christian and Byzantine Glass Vessels: Forms and Uses // Byzanz — das Römerreich im Mittelalter. Teil 1. Welt der Ideen, Welt der Dinge. Mainz, 2010. S. 383–430.
- BIDDLE M. The Desert Medieval Village of Seacourt, Berkshire // Oxoniensia. Vol. 26–27. Oxford, 1961–1962. P. 70–201.
- GRABAR A. La verrerie d'art byzantine au Moyen Âge // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. Tome 57. Paris, 1971. P. 89–127.
- DAVIDSON G. R. A Mediaeval Glass-Factory at Corinth // American Journal of Archaeology. 1940. Vol. 44, no. 3 (Jul.— Sep.). P. 297–324.
- DAVIDSON G. R. Corinth. Vol. XII. The Minor Objects. Princeton, 1952. 366 p.
- DAVIDSON WEINBERG G. A Medieval Mystery: Byzantine Glass Production // Journal of Glass Studies. 1975. Vol. 17. P. 127–141.

BAKIRER Ö., ERCİYAS D. B. Medieval Glass Finds From The Komana Excavations Near Tokat, Turkey // *Annales du 21e congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre*. İstanbul, 2021. P. 457–470.

HENDERSON J., MANGO M. M. Glass at Medieval Constantinople Preliminary Scientific Evidence // *Constantinople and its Hinterland. Papers from the Twenty-seventh Spring Symposium on Byzantine Studies*. London; New York, 1995. P. 333–355.

KRIZANAC M. Medieval Glass from the Cathedral of St. Tripun at Kotor // *Journal of Glass Studies*. 2001. Vol. 43. P. 182–184.

KRIŽANAC M. Scent Bottles from Kotor, Montenegro // *Annales du 18e congrès de l'association internationale pour l'histoire du verre*. Thessaloniki, 2009. P. 409–413.

LAMM C. J. *Mittelalterliche Gläser und Steinschnitarbeiten aus dem Nahen Osten*. Bd. 1–2. [Forschungen zur islamischen Kunst. Bd. 5]. Berlin, 1929–1930. 566 s.

LAMM C. J. *Glass from Iran in the National museum*, Stockholm. Stockholm, 1935. 48 p.

MEGAW A. H. S. A Twelfth Century Scent Bottle from Cyprus // *Journal of Glass Studies*. 1959. Vol. 1. P. 58–61.

MEGAW A. H. S. More Gilt and Enameled Glass from Cyprus // *Journal of Glass Studies*. 1968. Vol. 10. P. 88–104.

MEGAW A. H. S. Supplementary Excavations on a Castle site at Paphos Cyprus, 1970–1971 // *Dumbarton Oaks Papers*. 1972. Vol. 26. P. 322–343.

RISTOVSKA N. Distribution Patterns of Middle Byzantine painted glass // *Byzantine Trade, 4th-12th century. The Archaeology of Local, Regional and International Exchange*. Oxford, 2009. P. 199–220.

SHELKOVNIKOV B. A. Russian Glass from 11th to the 17th century // *Journal of Glass Studies*. 1966. Vol. 8. P. 95–115.

WILLIAMS CH. K., ZERVOS O. H. Frankish Corinth: 1992 // *Hesperia*. 1993. Vol. 62, no. 1. P. 1–52.

WHITCOMB D. Islamic Glass from al-Qadim, Egypt // *Journal of Glass Studies*. 1983. Vol. 25. P. 101–108.

WHITEHOUSE D. Un vetro bizantino di Tarquinia // *Archeologia Medievale*. 1982. Vol. IX. P. 471–475.

WHITEHOUSE D. Medieval Glass in Italy: Some Recent Developments // *Journal of Glass Studies*. 1983. Vol. 25. P. 115–120.

WHITEHOUSE D. Byzantine gilded glass // *Gilded and Enamelled Glass from the Middle East*. London, 1998. P. 4–7.

Шабанов С. Б.

Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», г. Симферополь

СТЕКЛЯННЫЕ СТАКАНЫ ПОЗДНЕРИМСКОГО ВРЕМЕНИ «МЕСТНОГО» ПРОИЗВОДСТВА ИЗ ПРЕДГОРНОГО КРЫМА

Shabanov S. B.

GLASS CUPS OF THE LATE ROMAN PERIOD OF «LOCAL» PRODUCTION FROM THE FOOTHILLS OF THE CRIMEA

В VI–V вв. до н.э. вместе с греческими колонистами в Северном Причерноморье появляются первые стеклянные сосуды. Количество их было не значительным и представляли они собой, преимущественно, продукцию ближневосточных стеклоделательных мастерских. В Средиземноморье в это время распространение получают сосуды, изготовленные в технике «сердечника», несколько позднее — литья и прессовки. Стеклоделательные мастерские постепенно появляются в Малой Азии, Северной Африке и Италии. В римскую эпоху изготовление стеклянных сосудов принимает значительные масштабы. Толчок этому процессу придало внедрение в I в. до н.э. техники свободного выдувания при помощи специальной стеклоделательной трубки — понтии [Румянцева 2021: 393]. В первые века н.э. разнообразные стеклянные сосуды наводнили рынки античных городов.

Многолетние исследования стеклоделательных мастерских, расположенных в границах Римской империи, дали возможность установить основной принцип организации их работы — специализацию. Одни мастерские предназначались для варки стекла, другие для его обработки. Это разделение также отмечается и по географическому принципу. Стекло-

варенные центры располагались в сиро-палестинском регионе и в Египте, а стеклообрабатывающие были разбросаны на обширной территории от Ближнего Востока до Британских островов и от Испании до берегов Дуная. Для изготовления стеклянной посуды они получали стекло в виде слитков или стеклобоя, транспортировавшихся преимущественно морским путем [Румянцева 2011: 100, 102, 104].

Стекловаренные центры в Северном Причерноморье неизвестны, а вот о существовании местных стеклоделательных мастерских, изготавливавших продукцию из привозного сырья, исследователи говорят уже давно. Подобные мастерские в первые века н.э. могли работать в таких крупных античных центрах как Ольвия, Тира, Херсонес, Боспор. В Северном Причерноморье и в Крыму, в частности, найдены тысячи целых и фрагментированных стеклянных сосудов римского времени. К сожалению, связать их с местными мастерскими пока чрезвычайно сложно. Последние годы в этом направлении стали активно использоваться естественнонаучные методы (СЭМ-ЭДС, LA-ICP-MS), позволяющие определить химический состав стеклянных изделий; идет формирование базы анализов образцов стеклянных сосудов из различных памятников римского времени предгорного Крыма [см Румянцева 2022а; Храпунов и др. 2022]. Также не менее важным элементом этой работы остается систематизация, типологизация и анализ основных категорий стеклянных сосудов, обнаруженных в крымских предгорьях. Большая их часть находит аналогии не только в античных центрах Северного Причерноморья, но далеко за его пределами. Однако есть изделия, которые могли быть изготовлены и в местных стеклоделательных мастерских.

Обращают на себя внимание стеклянные стаканы двух типов с полым кольцевым поддоном (рис. 1) и выделенным утолщенным дном (рис. 2). В крымских предгорьях такие сосуды получают большое распространение в IV в.н.э., а стаканы на кольцевом поддоне становятся самым распространенным типом среди всех найденных здесь стеклянных сосудов. Примечательно, что за пределами Крыма стаканов обоих типов практически нет. Да и на полуострове их распространение не равномерно. Они, например, не встречаются на Боспоре, но их находки известны на терри-

тории Херсонесского городища и на Южном Берегу Крыма. Таким образом, их ареал занимает преимущественно юго-западную и центральную часть крымских предгорий, за пределы которых они не распространяются. Найдено их здесь уже более сотни и с каждым годом количество увеличивается. Исходя из результата картографирования находок, напрашивается предположение об их местном производстве. На это также указывают и данные химического состава стаканов, найденных в могильнике Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму [Румянцева 2022 б: 58–59]. Географически наиболее вероятным местом производства стаканона кольцевом поддоне и утолщенным дном можно назвать Херсонес. Факт существования здесь в римское время стеклоделия не вызывает сомнения. Остается вопрос масштаба производства и его хронологические рамки.

Библиография

ВОЛОШИНОВ А.А., МАСЯКИН В.В. Могильник Сувлу-Кая III — первой половины V в. в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи. М.: ИА РАН, 2022. С. 146–173.

ГАВРИТУХИН И.О., МАСТЫКОВА А.В., СВИРИДОВ А.Н., СУХАНОВ Е.В., ЯЗЫКОВ С.В. Финал могильника Фронтное 3 (к изучению миграций в Юго-Западном Крыму на закате античности) // *Stratum plus*. 2020. № 4. С. 235–247.

Наследие тысячелетий: сокровища крымских варваров I–IV веков нашей эры. Каталог выставки. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2022.

ПУЗДРОВСКИЙ А.Е., ЗАЙЦЕВ Ю.П., НЕНЕВОЛЯ И.И. Новые памятники III–IV вв. н.э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII. С. 32–50.

РУМЯНЦЕВА О.С. Стеклоделательное производство в римское время и эпоху раннего средневековья: источники, факты, гипотезы // РА. 2011. № 3. С. 99–110.

РУМЯНЦЕВА О.С. История производства стекла с древности до рубежа I/II тыс. н.э.: новые открытия, методы, итоги исследований. Часть 2. Финал эпохи бронзы — рубеж I/II тыс. до н.э. // КСИА. 2021. Вып. 265. С. 385–402.

РУМЯНЦЕВА О.С. Стекло могильника Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму: хронология, динамика распространения и производственные центры (по данным химического состава) // МАИЭТ. 2022а. Вып. XXVII. С. 72–116.

РУМЯНЦЕВА О.С. Состав стекла из могильника Фронтное 3 и локальное стеклоделательное производство в Юго-Западном Крыму // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи. М.: ИА РАН, 2022б. С. 54–62.

СОРОКИНА Н.П., ГУЩИНА И. И. Стекланные изделия из могильников первых веков н.э. Юго-Западного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. М.: ГИМ, 1980. С. 89–100.

СТРЖЕЛЕЦКИЙ С.Ф., ВЫСОТСКАЯ Т.Н., РЫЖОВА Л.А., ЖЕСТКОВА Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тыс. новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // *Stratum plus*. 2003–2004. № 4. С. 27–277.

ТРУФАНОВ А.А., КОЛТУХОВ С.Г. Исследования позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму // *Stratum plus*. 2001–2002. № 4. С. 278–295.

ХРАПУНОВ И. Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002.

ХРАПУНОВ И. Н. Подбойная могила позднеримского времени из некрополя Нейзац // Херсонесский сборник. 2004. Вып. XIII. С. 297–309.

ХРАПУНОВ И. Н. Две подбойные могилы III в. н.э. из некрополя Нейзац (Крым) // РА. 2016. № 2. С. 132–149.

ХРАПУНОВ И.Н., СТОЯНОВА А.А., ЛУБКОВА Т.Н., ШАБАНОВ С. Б. Результаты исследований химического состава стеклянных сосудов из могильников Предгорного Крыма римского времени // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2022. Т. 50. № 1. С. 106–115.

ШАБАНОВ С. Б. Стекланные сосуды из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2011 гг.) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 141–191.

ШАБАНОВ С. Б. Стекланные сосуды из раскопок Инкерманского и Чернореченского могильников (из коллекции Бахчисарайского заповедника) // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э.— IV в. н.э.). I. Симферополь-Бахчисарай: Изд-во «Доля», 2013. С. 155–170.

MASTYKOVA A., SVIRIDOV A. The lunula pendants from the cemetery of Frontovoe 3 from the Late Roman Period in the South-Western Crimea // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2021. 72. P. 119–136.

Шульман К. Д.

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь

РИМСКИЕ ПАПЫ В КРЫМСКОЙ ССЫЛКЕ: ИСТОРИЯ ДИСКУССИЙ*

Shulman K. D.

POPE IN EXILE IN CRIMEA: THE HISTORY OF DISCUSSIONS

Один из первых массивов текстов, описывающих историю узников и ссыльных в далеких провинциях, принадлежит, собственно, агиографической (мортирологической по преимуществу) традиции. Систематизация и аналитика подобных упоминаний связана с пробуждающимся интересом путешественников и местных краеведов к свидетельствам о собственном крае, и для Крыма начало таковой может быть отнесено к последней четверти XIX века. Тогда традиция превращается в каноническую фактическую информацию, используемую в политических целях (в частности, 15 октября 1852 года главный, Георгиевский до того, храм Инкерманского монастыря был переосвящен в честь священномученика Климента, папы Римского [Литвинова 2013]). Однако к тому же времени относится и начало критики традиции (традиция *contra*), под которой следует понимать отрицание присутствия на данной территории того или иного ссыльного по причине недостоверности (по мнению исследователей) упоминающих об этом источников. Начало же изучения истории мест, ставших местами наказаний, относится уже к началу XXI века. К сожалению, в истории наказаний до сих пор существуют нерешенные и во многом нерешаемые по факту скудности информативности источников проблемы: отсутствие возможности определить для большинства узников место их пребывания

---

* Работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, Мегагрант № 075-15-2022-1119 (тема проекта «Этнокультурные трансформации во владениях Восточной Римской империи в Крыму»).

и в целом территории, которая в городах заключения отводилась для заключенных, и правдивости описания ими условий содержания (если для этого есть источники). И это проблема не только отдаленных от центра империй территорий: Татьяна Викторовна Куш, описывая тюрьмы и места заключения Константинополя, констатирует, что «от большинства из них не осталось и следа, и даже человеческая память не сохранила их имена» [Куш 2014: 83].

Данное исследование в рамках глобальной «истории ссылки» рассматривает отношение к двум самым известным херсонским ссылным — Клименту Римскому и папе Мартину со стороны исследователей вопроса, оперирующих уже на протяжении более столетия одним набором источников, однако приходящим на их основании к абсолютно противоположным выводам, которые затем используются в дискуссиях о геополитической принадлежности Крыма, о роли Запада и Востока в его истории и о времени его христианизации.

Вышеупомянутый *contra* подход свойственен «климентовской дискуссии», для которой еще в начале XX века было высказано мнение о том, что никакого римского епископа (папы) Климента в Крыму не было, а в VI–VII веке память о мученике Клименте была локализована в Херсонесе, чем позже воспользовался Константин Философ для комплекса личных и государственных целей. И хотя в основном исследователи пользуются одними и теми же источниками, и их списками (русский перевод «Чуда святого Климента» — 1875 год, русский перевод «Мученичества св. Климента» — А. Ю. Виноградов, Д. В. Каштанов — 2013 по изданию Ф. К. Риша 2008 года), у традиции *contra* существует тенденция пренебрежения данными источника и изначального недоверия к нему: по словам И. Франка, «сказки и легенды густым туманом окутали историю того города, а кое-где вовсе затемнили ее» [Домановский 2013: 142]. «Климентовская дискуссия» — одна из самых длинных в просопографических «крымских» исследованиях: «прокрымские» — и «антикрымские» историографические линии ведут свое начало с полемики, начатой Иваном Франко и В. В. Латышевым в начале XX столетия [Домановский 2013: 142–145], в которой истинно дискутируемой темой

является не столько жизнь Климента Римского, а давность христианизации Крыма и вместе с ним — включившей его в свой состав Российской империи.

В случае, когда невозможно опровергнуть факт присутствия лица в данном месте, критики сводят к минимуму «полезность источника», сообщая о недостоверности, импульсивности, лживости его автора. Так произошло со вторым по известности «международным» невольным гостем Херсонеса — папой Мартином. О. Р. Бородин, опубликовавший в 1991-м году перевод двух последних писем папы Мартина — главных источников по его крымской ссылке, занимает объективную позицию, С. Б. Сорочан задал направление отрицания полезности сообщаемым Мартином сведений, а Т. Ю. Яшаева стоит на позициях полного доверия к сообщаемым им сведениям [Яшаева 2014: 360].

Отдельно стоит заметить о сторонниках *contra* позиции вообще в истории наказаний и истории ссылки. Цель подобных исследований — критика источников с целью доказательства невозможности присутствия того или человека на указанном месте по причине отсутствия перекрестного подтверждения существования заглавного персонажа через иных упомянутых лиц (епарх Мамертин, отправляющий Климента на страдания, не известен в истории Рима); несоответствия описанного пейзажа, месторождений, занятия населения современному ее состоянию или известным по источникам прежним формам (отсутствие в Инкермане мрамороломов, спорность местонахождения водного источника), мифологичности цифр (спор о количестве церквей, построенных св. Климентом и количестве людей, ежедневно им крещаемых). Традиция отрицания пребывания в регионе вообще ссыльных, с заменой приписываемых региону «именитых заключенных» иной области империи вообще характерна для Крыма: Херсонес Таврический считают ошибочной трактовкой упоминания в источнике Херсонеса Фракийского в отношении другого, хотя и менее известного, ссыльного — Иоанна Психаита, главным аргументом выступает несовпадение описаний географических названий в источниках и на местности (упомянутый Босфор Иоанна, находящийся не рядом с Херсонесом Таврическим) [Сенина 2019: 153].

С другой стороны, находящееся объяснение одному *contra* аргументу приводит к «серийному» доверию для всех подобных случаев: сейчас существует позиция доверия к описанным в житии папы Мартина данным при условии пребывания его не в самом Херсоне, для которого описываемая разруха нехарактерна по мнению большинства исследователей, а на Гераклейском полуострове (в районе казачьей бухты Севастополя) [Яшаева 2014: 362–363]. С этой же местностью связывают и пребывание в регионе Климента Римского из-за находящихся здесь каменоломен.

В ненаучных кругах и научно-популярной литературе приверженность позиции *pro* или *contra* означает одновременную и безоговорочную поддержку или отрицание всех свидетельств источника, среди ученых же — участников дискуссий нужно отметить традицию, выраженную наиболее ярко С. А. Шестаковым: «Признание самого факта ссылки в Херсонес св. Климента, епископа римского, не обязывает нас однако рассматривать позднейшие жития св. Климента, дошедшие до нас в различных версиях, как действительные исторические памятники». В итоге, формат доверия или недоверия источникам превращается в буквальном смысле в эмоциональную близость позиции, на которой строится поддержка ее выработанных десятилетиями аргументов и создании новых, что выражается и в названии статей, и в желании оправдать или очернить источники путем трактовки использующихся в них слов [Беляев 2013: 48–53].

В целом, несмотря на богатую тематическую историографию, и вековую дискуссию вокруг образа Климента Римского, в ракурсе сравнительного исследования прежде папы Климент и Мартин не сопоставлялись. Более того, существует традиция всячески противопоставлять в просопографических исследованиях их образы, подчеркивая различие эпох: Климент был христианином, узником язычников, принесшим свет веры на крымский полуостров, Мартин же пострадал от еретиков, но собратьев-христиан, оказавшись в явно негостеприимной к нему среде. Один относится к эпохе единой Римской империи, второй пострадал во второй половине VII века, при Восточной Римской империи. Перед Климентом был поставлен выбор между прекращением проповеди и ссылкой, Мартин же похищается и предстает перед несправедливым судом. Климента вы-

сылает благородный даже среди мучителей Траян, «хороший император», Мартин принимает мучение от негативно описанного источниками Константа II. Климент принимает насильственную смерть в результате своих осознанных продолжающихся действий, Мартин же влеком судьбой и своими мучителями, умирает от болезни. Климент оказался инкорпорируван российской церковной культурой и был включен в серию идей о Крыме и Херсоне как колыбели российского православия, его мощи и предполагаемое место смерти почитаемы, образ же Мартина не использовался в таком ключе, не используется и не известен ныне, а место его погребения долгое время находилось в печальном состоянии.

С другой стороны, оба образа ронит пренебрежение к деталям описания их спутников, они схожи (и даже не как реальные персонажи, а как используемые паттерны) тем, что в устойчивой традиции они, сердце и уста западного христианского мира, несправедливо пострадали на варварском Востоке. Папа Мартин же своим страданием освятил начавшееся политико-административное отделение римской церкви: «расправа над Мартином I имела особое значение, превратив его в папу-мученика, в один из сакрализованных символов самоотверженности в борьбе за церковную и политическую самостоятельность папства» [Бородин 1992: 88].

При этом одним из немногих объединяющих факторов является их совместное упоминание в фильме Ватикана «Pope St. Clement I: The Forgotten Pontiff remembered in Crimea | EWTN Vaticano Special», сделанном в 2020 г. Авторы повторили путь Климента Римского, называя его не епископом, но папой Римским, всячески подчеркивая равенство в глазах современной католической церкви положения первых пап и их преемников. Ролик оканчивается упоминанием папы Мартина, который также оказался на данной негостеприимной земле (что перекликается с современностью, учитывая вкрапленный в фильм сюжет о текущем существовании римской католической церкви и ее приходов, претерпевающих не лучшие времена, в Республике Крым) [Pope St. Clement I 2020]. Таки образом, фактически, Крым преподносится как священное для католиков место мучений двух равновеликих фигур. Завершающим штрихом явля-

ется демонстрация печального состояния Влахернской церкви — места погребения папы Мартина.

Отдельно следует упомянуть спорный с точки зрения аутентичности эпохе титул Климента Римского как «папы Римского». Безусловно, называя его папой, и называя папой Мартина I, имеют в виду идентичность занимаемой должности, а не совпадение ее значимости и функционала, однако в «Климентовском сборнике» 2013 года, демонстрирующем точки зрения большинства участников климентовской дискуссии, представлены полярные точки зрения на данный вопрос. С. А. Беляев аргументирует свое именование Климента «епископом» в противовес большинству современных исследователей тем, что термин «папа» стал применяться к епископам Рима только с IV века [Беляев 2013: 48].

Подводя итоги, следует отметить, что непрекращающийся интерес к личностям, причастным к началу столь сложных процессов как христианизация и влияния императорской византийской власти на столь важно расположенное место как Крымский полуостров, несомненно будет и впредь способствовать появлению множества исторических научных, научно-популярных и псевдонаучных трудов. В фактологической плоскости безусловно, ценными были бы исследования о месте их реального пребывания вплоть до описания повседневности узника средневекового Херсона. При этом на основании существующих письменных источников таких выводов сделать невозможно, а появление новых пока маловероятно.

Библиография

БЕЛЯЕВ С. А. Жития епископа Римского Климента — надежный и достоверный источник о его херсонесской ссылке // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.) / Отв. ред. Т. Ю. Яшаева. — Севастополь, Телескоп, 2013. — 460 с.

БОРОДИН О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 173–190

БОРОДИН О. Р. Церковно-политическая борьба в Византии в середине VII в. и «дело» римского папы Мартина I (ч. 2) // Византийский Временник. Том 53 (78).— 1991.— С. 80–88.

ДОМАНОВСКИЙ А. Н. О значении исследования И. Я. Франко «Святой Климент у Корсуни» для изучения истории византийского Херсона // Климентовский сборник. Материалы VI Международной конференции «Церковная археология: Херсонес — город святого Климента» (Севастополь, 2011 г.) / Отв. ред. Т. Ю. Яшаева.— Севастополь, Телескоп, 2013.—С. 142.

КУЩ Т. В. Узники башни Анема. Вопросы истории. 11: 2014. 82–95.

ЛИТВИНОВА Е. М. Крым. Православные святыни. Путеводитель. М.: Рубин. 2013. 432 с.

ЯШАЕВА Т. Ю. К вопросу о достоверности информации в крымских письмах римского папы Мартина I // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. № 19.

СЕНИНА Т. А. Житие преподобного Иоанна Психаита // Мир Православия / Центр подготовки церковных специалистов Волгоградской епархии РПЦ; Богословской факультет Царицынского православного университета. Том Выпуск 10.— Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2019.— С. 147–176.

POPE ST. CLEMENT I: THE FORGOTTEN PONTIFF REMEMBERED IN CRIMEA // EWTN Vaticano Special. [Эл ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=vy8peEA7Dvg>, дата обращения 31.03.2023.

Энговатова А. В.

Институт археологии РАН, Москва

Сазанов А. В.

Институт археологии РАН, Москва

СОХРАНЕНИЕ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ И ПРОБЛЕМА ИХ МУЗЕЕФИКАЦИИ

Engovatova A.

Sazanov A.

PRESERVATION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE SITES IN RUSSIA AND THE PROBLEM OF THEIR MUSEUMIFICATION

Сохранение археологического наследия России в современных условиях является приоритетной задачей российской археологической науки. Эта сфера остаётся сложным и конфликтным пространством, находящимся под давлением строительного комплекса, стремящегося отказаться от учёта археологического фактора при современном планировании, изменить режим охраны как избыточное ограничение, сдерживающее современное развитие [Макаров 2019].

Ярким примером стали поправки 2018 г. к Градостроительному кодексу РФ № 190-ФЗ, Проект Федерального Закона «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в редакции от 08.02.2022 г., Проект постановления Правительства Российской Федерации «Об особенностях порядка определения наличия или отсутствия объектов, обладающих признаками археологического наследия, на территориях, подлежащих воздействию изыскательских, земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных работ, указанных в статье 30 Федерального

закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации работ по использованию лесов и иных работ». Эти нормативные документы, к счастью, нереализованные, направлены на демонтаж существующей системы государственной историко-культурной экспертизы. Они предполагали сохранить ГИКЭ только тех участков, которые перспективны для обнаружения памятников археологии, что нереально по причинам малой археологической изученности территории РФ (5%) и признанной методической невозможностью выделения «перспективных территорий» без сплошного археологического обследования.

Другой опасностью является передача полномочий проведения государственной историко-культурной экспертизы и права выдачи Открытых листов региональным органам государственной власти и региональным структурам. Это несёт в себе весьма высокий коррупционный фактор, способно создать угрозу сохранению объектов археологического наследия, приведёт к распаду единого культурного пространства страны и в будущем может стать причиной острых социальных, политических и этнических конфликтов.

Важнейшим моментом, четко определяющим вектор развития современной археологической науки стало абсолютное доминирование спасательных археологических полевых работ, составляющих более 90% всех археологических полевых исследований. Это требует модернизации археологической науки, включающей не только ее инфраструктуру, но и подготовку специалистов, ориентированных на работу в жестких условиях спасательной археологии. Главным исходным методическим положением является принципиальная недопустимость двух методик археологических полевых исследований, подразумевающая «научную» для научных (археологические раскопки в целях изучения и сохранения памятников археологии) и «упрощенно-облегченную» для спасательных. Напомним, что согласно 73-ФЗ спасательные археологические полевые работы — проведение методами научных исследований объектов археологического наследия работ по сохранению объектов археологического наследия.

Проблемой является неуклонно возрастающее проведение спасательных археологических исследований негосударственными организациями разных форм, целью которых является получение прибыли. Качество таких работ зачастую оставляет желать лучшего, необходим предельно жесткий контроль, связанный с усилением полномочий Российской Академии наук.

Отвечая вызовам современности, Институт археологии РАН разработал учебный курс «Основы сохранения археологического наследия», по направлению подготовки 46.04.01 «История», направленность (профиль) «Теория и практика археологических исследований»), читающийся на 2 курсе магистратуры в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН).

Целью освоения дисциплины «Основы сохранения археологического наследия в России» является освоение обучающимися основ сохранения археологического наследия в России на базе современного российского законодательства, регламентацией проведения археологических полевых работ, подготовки историко-культурной экспертизы, а также опыта популяризации объектов археологического наследия в России. Отдельным аспектом освоения дисциплины является знакомство обучающихся с международным опытом сохранения объектов археологического наследия и проблемами регламентации археологических раскопок за рубежом.

Темами курса являются общие сведения об объекте археологического наследия, история сохранения археологического наследия России в XVII–XX вв., современное российское законодательство в области сохранения археологического наследия, Законопроект и мероприятия по борьбе с «черными копателями», международный опыт сохранения объектов археологического наследия, проблемы регламентации археологических раскопок за рубежом, регламентация проведения археологических полевых работ в России, спасательная археология в современной России, этапы проведения спасательных археологических исследований, государственная историко-культурная экспертиза, археологические предметы, вопросы сохранения и популяризации объектов археологического наследия, церковь и охрана памятников, особенности организации археологических

исследований, археологические музеи-заповедники, работа с археологическим техническим отчетом.

В отдельный раздел вынесена музеефикация объектов археологического наследия, на которой мы остановимся более подробно.

Проблемы, связанные с музеефикацией археологических объектов, начинаются с терминологии. В современной российской нормативно-правовой документации отсутствует как юридическое определение термина «музеефикация объекта археологического наследия» так и самого понятия «музеефикация» [Ефремова 2014: 84]. В исследовательской же литературе фигурирует несколько вариантов его толкования.

А. А. Никонова и М. В. Бирюкова определяют музеефикацию как направление музейной деятельности и охраны памятников, сущность которого заключается в преобразовании недвижимых памятников истории и культуры или природных объектов в объекты музейного показа. Музеефикация по их мнению предполагает исследование памятника, его консервацию и реставрацию, сохранение или воссоздание художественно-архитектурных или историко-бытовых интерьеров, а также культурно-исторической среды, интерпретацию памятников, организацию условий для его обзора [Лексикон 2010: 28]. Несколько отлично определение М. Каулен, согласно которому музеефикация есть превращение в музей памятников, ансамблей, фрагментов среды со всеми входящими в нее движимыми и недвижимыми объектами, животным и растительным миром, существующими на этой территории традициями и населяющими ее людьми [Каулен 2012: 4, 13].

По рабочему определению Е. В. Ефремовой музеефикация объекта археологического наследия — это многокомпонентный процесс, сущностью которого являются преобразование объекта археологического наследия в объект музейного показа на месте его исконного бытования и результат этого процесса, предполагающего этапы научного документирования; разработки проектной документации; натурных работ, направленных на реализацию проекта и этап актуализации памятника [Ефремова 2014: 84]. В более простой и конкретной формуле гнездовского археологического комплекса «музеефикация» — это включение в состав музейной экспозиции

всех важных археологических объектов, которые находятся на нашей территории»¹. В целом наиболее адекватным представляется определение музеефикации объектов археологического наследия как превращения памятников археологии в объекты музейного показа путем консервации, реставрации, в некоторых случаях, реконструкции открытых объектов и создания экспозиции [Линда 2022].

Из двух типов музеефикации памятника: «памятник как музей» и «памятник под музей» археологические музеи-заповедники соответствуют первой. Памятник «как музей» подразумевает превращение памятника в самостоятельный объект музейного показа с целью раскрытия его информационного потенциала, выявления историко-культурной ценности и включения в актуальную культуру. В этом случае тема экспозиции в памятнике и вокруг него посвящена исключительно самому памятнику, а сдержанность оформления сводит к минимуму вторжение в его облик. По единодушному мнению специалистов, в памятник исключительной историко-художественной ценности (например, Херсонес Таврический) недопустимо привнесение какого-либо чуждого ему экспозиционного материала [Каулен 2012: 38].

В «Международной хартии по охране археологического наследия» (1990) отмечено, что в ходе исследований и сохранения предоставляется приоритет методам, которые «не разрушают памятники». Конечной целью таких работ является музеефикация памятников археологии “in situ” [Линда 2022]. Важнейшим принципом музеефикации археологического памятника является его аутентичность [Ефремова 2016: 18]. Еще раз подчеркнем, что судьбой археологического объекта, в том числе его музеефикацией должны распоряжаться только профессиональные археологи.

Последовательность музеефикации очевидна. После выявления объекта археологического наследия и его исследования она включает два блока мероприятий. Первый можно определить как подготовительные организационные мероприятия, второй-работы по, собственно, музеефикации объекта. Их последовательность и содержание определяются дорожной

---

¹ <https://gnezdovo-museum.ru/myzeefikacziya-obektov-arheologii/?ysclid=lcw09ied3q903069721>. Дата обращения-22.01.2023.

картой, представляющую собой перечень мероприятий по музеефикации объекта археологического наследия.

1. Подготовительные организационные мероприятия. К ним мы относим определение статуса объекта, формирование и постановку на кадастровый учет земельного участка, в границах которого расположен ОАН², определение собственника или иного законного владельца ОАН, закрепление ОАН на праве оперативного управления за собственником или иным законным владельцем ОАН, передачу земельного участка, в границах которого располагается ОАН, в безвозмездное бессрочное пользование собственнику или иному законному владельцу ОАН.

Исходным следует признать статус предлагаемого к музеефикации объекта археологического наследия.

В случае если ОАН является выявленным объектом культурного (археологического) наследия необходимо включение в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее — Реестр) в соответствии с действующей процедурой, определенной Федеральным законом от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (далее — Закон № 73-ФЗ), Положением о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (утверждено приказом Министерства культуры Российской Федерации от 03.12.2011 № 954, в редакции от 05.08.2015), в т.ч. утверждение предмета охраны и границы территории ОАН;

Если ОАН включен в Реестр в соответствии с п. 3.1 ст. 64 Закона № 73-ФЗ (с учетом ст. 20.1 Закона № 73-ФЗ) / зарегистрирован в Реестре в соответствии с циркулярным письмом Минкультуры России от 10.09.2014 № 214–01–39/10-ГП, то необходима разработка и внесение в Реестр предмета охраны либо его уточнение (в случае необходимости) в соответствии с приказом Минкультуры России от 13.01.2016 № 28 «Об утверждении Порядка определения предмета охраны объекта культурного наследия, включенного в единый государственный реестр объектов культурного

---

² Здесь и далее ОАН-объект археологического наследия

наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в соответствии со статьей 64 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и с учетом циркулярного письма Минкультуры России от 11.04.2017 № 106–01.1–39–01.

Принимая во внимание определение предмета охраны — «особенности объекта, являющиеся основаниями для включения его в реестр и подлежащие обязательному сохранению» (пп. 6 п. 2 ст. 17 Закона № 73-ФЗ) мы получаем основания для:

— разработки концепции музеефикации ОАН, основывающейся на индивидуальных особенностях объекта, которые являются приоритетными и определяющими в его публичном представлении;

— разработки видов работ в рамках музеефикации и их проведения с учетом требований обеспечения надлежащего сохранения ОАН;

— разработки способов публичного представления ОАН, в том числе в части обустройства инфраструктуры, формирования экскурсионных маршрутов, с учетом требований обеспечения надлежащего сохранения ОАН.

Уточняются также в соответствии со ст. 3.1. Закона № 73-ФЗ, п. 4 ст. 17 Федерального закона от 22.10.2014 № 315-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации») и границы территории объекта археологического наследия.

Границы территории необходимы:

— при формировании земельного участка, в границах которого располагается музеефицируемый ОАН;

— при закреплении ОАН как объекта собственности за владельцем / иным законным пользователем;

— обеспечении надлежащей сохранности ОАН в случае, если музеефикации подлежит его часть, создание условий для его последующего изучения и музеефикации.

Формирование и постановка на кадастровый учет земельного участка, в границах которого расположен ОАН, производятся с учетом соответствующих норм и в порядке, определенном Земельным кодексом Россий-

ской Федерации, Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», Законом № 73-ФЗ). В случае необходимости проводится изменение назначения земельного участка.

В случае, если музеефицируемый объект вскрыт не полностью следует рассмотреть целесообразность применения нормы п. 3 ст. 99 Земельного кодекса, п. 5. ст. 5.1 Закона № 73 ФЗ — только в части проведения археологических полевых работ в интересах изучения и дальнейшей музеефикации ОАН, исключив таким образом возможность использования земельного участка в хозяйственных целях.

Далее определяется собственник или иной законный владелец, за которым закрепляется ОАН на праве оперативного управления. Земельный участок, в границах которого располагается ОАН передается в безвозмездное бессрочное пользование собственнику или иному законному владельцу ОАН.

Отметим также что в ряде случаев объект может быть включен в реестр как объект архитектуры (ближайшие примеры — храм под Судаком, малый каменный мост на «Тавриде») и «жить» далее как таковой со всеми вытекающими «благами и возможностями» в части реставрации и т. п.

2. *Музеефикация объекта археологического наследия.* Блок, связанный с работами по музеефикации включает два этапа. Первый этап состоит в разработке концепции, технического задания, определении исполнителя работ, второй—в проведении самих работ.

2.1. *Концепция* должна определять оптимальный способ публичного представления ОАН. Для этого определяется номенклатура археологических структур, подлежащих публичному показу, предлагаются объемные решения в отношении указанных археологических структур, способы публичного представления в части экскурсионного маршрута (проход непосредственно по объекту, проход по периметру, система пешеходных мостков, «археологические окна», смотровые площадки, комбинированное) и средства мультимедиа.

При этом необходимо жестко придерживаться принципа аутентичности и сохранения исторического и археологического ландшафта памятника, что среди прочего включает обязательность проведения ландшафтно-

визуального анализа при любых благоустроительных работах.

Так, деревянные дорожки и деревянные конструкции, хорошо соответствующие настилам мостовых русского средневекового города являются неаутентичными и недопустимыми на античных памятниках с их каменной архитектурой. Особую проблему вызывает использование медиатехнологий, что надо делать крайне осторожно и дозированно. И, конечно, всегда надо помнить, что археологический музей — не парк аттракционов с шапито-шоу, не развлекательный центр типа парка культуры и отдыха, не сфера услуг. Недопустимо размещение больших плазменных экранов диссонирующих с обликом археологического объекта, сцен и других аналогичных объектов на незавершенных археологических раскопах. В организационном плане хороший пример дает Греция, где все действия, связанные с использованием археологических объектов жестко контролирует Археологическая служба с Центральным археологическим Советом и региональными эфортами. Разрешение на использование объекта при разного рода мероприятиях дается Археологической службой при условиях защиты от потенциального физического ущерба, совместимости с характером объекта (включая тематическую), высокого качества планируемого мероприятия. Для получения разрешения на съемки клипов, документальных и художественных фильмов Археологическая служба требует уважения к характеру археологического объекта, уважения к археологической профессии в целом, Греческой археологической службе, в частности, и Греции как стране [Энговатова, Сазанов 2022: 249, 250].

Необходимо подчеркнуть, что археологический музей должен обладать особым статусом, отличающимся от обычных музеев. В основе коллекций археологического музея лежат массовые материалы, невыигрышные и нерепрезентативные с точки зрения музеологов, ориентированных на яркие хорошо сохранившиеся объекты экспозиционного показа. Однако именно массовые находки играют главную роль в научных исследованиях и реконструкциях исторических событий. Именно поэтому основой археологического музея являются научные исследования. Археологический музей является классическим музеем, он не может находиться в диапазоне между музеем и театром. Соответственно главной чертой

археологического музея-заповедника является его статус как, прежде всего, научно-исследовательского учреждения. Все остальные формы деятельности археологического музея — вторичны (образовательная), и даже третичны (культурно-развлекательная). Соответственно исследованием и разработкой концепции должны заниматься археологи, под их руководством должна проводиться музеефикация объектов археологического наследия [Сазанов 2019: 165–177].

При создании концепции следует рассмотреть следующие аспекты:

1) возможность сохранения и музеефикации части ОАН, обладающей хорошей сохранностью и аттрактивную в публичном представлении:

- «археологические окна»;
- интеграцию в сооружаемое на месте расположения ОАН здание / постройку (внутри конструкции, на открытом пространстве — «археологический сквер»);

2) сохранение и музеефикация путем перемещения ОАН (например, дольмены) либо его отдельных элементов (например, подкурганные склепы);

3) создание площадки (в частности, музея), объединяющей в экспозиции археологические структуры и археологические предметы — музей на месте 14 корпуса Московского Кремля.

Далее следует определение мероприятий в целях обеспечения оптимального физического состояния и последующего функционирования ОАН как объекта публичного показа. В него входят определение способов консервации, частичной реставрации (в случае необходимости), реконструкции (в случае необходимости) и ремонта археологических структур.

Кроме того, с учетом необходимости обеспечения максимальной минимизации негативного природного и антропогенного воздействия на археологические структуры (ограждения, дренаж, перекрытие, обустройство экскурсионного маршрута, информационные таблички) определяется эксплуатационная инфраструктура ОАН.

На основании концепции разрабатывается техническое задание. Определяется организация — производитель работ в рамках музеефикации и заключается контракт / договор на проведение указанных работ.

2.2. В соответствии с заключенным контрактом/договором проводятся работы по музеефикации.

«Дорожная карта» (перечень мероприятий) по музеефикации объекта культурного археологического) «Поселение «Манитра», утвержденная РАН и Правительством Республики Крым может служить образцом для разработки аналогичных документов.

Сохранение объектов археологического наследия и их грамотную музеефикацию следует рассматривать как главную задачу археологического сообщества России.

Библиография

ЕФРЕМОВА Е. В. Музеефикация объектов археологического наследия в свете современного российского законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 84–90.

ЕФРЕМОВА Е. В. Проблемы музеефикации объектов археологического наследия в России в отечественных исследованиях 1961–2012 гг.: автореф. дисс ... канд. ист. наук: 24.00.03. ФГАОУВО Национальный исследовательский Томский государственный университет], 2016. 24с.

КАУЛЕН М. Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.

ЛЕКСИКОН СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА / Под ред. А. А. Никоновой, М. В. Бирюковой. СПб., 2010. 111 с.

ЛИНДА С. Н. Музеефикация памятников археологии “in situ”: научные, художественные и конструктивные аспекты // Архитектура: наследие, традиции и новации. Материалы международной научной конференции 24–25 февраля 2022 года. СПб., 2022

МАКАРОВ Н. А. Сохранение археологического наследия в 2010-х годах. Новые реалии // Вестник РАН 2019. Том 89. № 12. С. 1203–1209

САЗАНОВ А. В. Археологические музеи-заповедники и медиа-технологии: условия и степень применимости на памятниках ЮНЕСКО (зарубежный опыт) // Уваровские Таврические чтения IV «Древности Юга России»: материалы Междунар. науч. конф. (12–15 сентября 2019 г.) / Гос. историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». Севастополь, 2019. С. 165–177.

ЭНГОВАТОВА А. В., САЗАНОВ А. В. Охрана объектов археологического наследия в Греции и опыт музеефикации участков культурного слоя в центре Афин // История и археология Северного Причерноморья в античную и средневековую эпохи. Материалы Всероссийской научной конференции. Севастополь, 2022. С. 249–256.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА

Материалы VII Международной научной конференции
(Севастополь, 29 мая - 5 июня 2023 года)

Том 2

Ответственный редактор В.В. Лебединский
Редакторы-составители Н.В. Гинькут, Ю.А. Пронина
Макет и верстка А.С. Яшин

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 07.05.2023
Формат 60×84 1/8 Усл. печ. л. 24,18. Гарнитура Times.
Печать цифровая. Бумага офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 9679

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Т8 Издательские технологии».
109316, Россия, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
ХЕРСОНЕС
ТАВРИЧЕСКИЙ

ISBN 978-5-907671-28-7

9 785907 671287

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»